

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
(25 ноября 2019 года)

ISBN 978-5-7247-1018-3
© Уфимский ЮИ МВД России, 2019

Об издании – [2](#), [3](#)

Уфа 2019

УДК 343(470+100)(082)
ББК 408(2Рос)я431+67.51(2Рос)я431
У26

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора Т. Н. Нуркаевой

Редакционная коллегия:

И. Р. Диваева, кандидат юридических наук, доцент;
Т. В. Николаева, кандидат юридических наук, доцент;
Б. З. Маликов, доктор юридических наук, профессор;
А. Я. Гришко, доктор юридических наук, профессор;
Л. В. Сердюк, доктор юридических наук, профессор;
Н. Р. Асмандиярова, кандидат юридических наук, доцент;
И. Д. Бадамшин, кандидат юридических наук;
Р. Ф. Гарифуллина, кандидат юридических наук, доцент;
Е. В. Коломийченко, кандидат юридических наук, доцент;
О. Г. Савчишкина, кандидат юридических наук;
Ф. Ф. Набиев, кандидат юридических наук;
П. Л. Сердюк, кандидат юридических наук;
И. Е. Сулейманова, кандидат юридических наук

У-26   **Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью:** сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 25 ноября 2019 года / под общей ред. Т. Н. Нуркаевой. – Электрон. текстовые дан. (2,21 МБ). – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1018-3

Сборник содержит научные статьи, отражающие современные уголовно-правовые средства борьбы с преступностью в России и проблемы их применения.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава и обучающихся образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, научных работников и преподавателей юридических вузов.

© Уфимский ЮИ МВД России, 2019

Научное издание

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Редакторы:

Л. Т. Курбанова
А. Р. Хужина

*Художественный редактор,
компьютерная верстка*

А. М. Нурмухаметова

Дизайн обложки

Д. М. Толкачева

Дата подписания к использованию: 20.11.2019

Объем издания: 2,21 МБ
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж: 15 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Алиев А. Н. Отдельные уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности</u>	7
<u>Ермекова З. Д. Вина в зарубежном законодательстве</u>	9
<u>Громов В. Г., Кашеева Е. А. Соучастие в преступлении и провокация преступления: сравнительный анализ</u>	15
<u>Курсаев А. В. Представитель иной организации или специалист, оказывающие услуги в области охраны труда, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору, как субъекты нарушения требований охраны труда (статья 143 УК РФ)</u>	18
<u>Асмандиярова Н. Р. Виктимологический аспект в предупреждении наркотизации населения</u>	24
<u>Коломийченко Е. В. Злоупотребления должностными полномочиями: состояние, динамика и тенденции</u>	28
<u>Диваева И. Р., Николаева Т. В. Теоретические аспекты реализации норм о смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах</u>	33
<u>Токарчук Р. Е. Уголовно-правовые средства пресечения сотрудниками полиции побегов из-под стражи лиц, совершивших преступления</u>	41
<u>Сорокун Н. С., Цыганкова Е. С. Особенности ответственности за незаконное предпринимательство в российском и зарубежном законодательстве</u>	46
<u>Стебенева Е. В., Харламов В. С. Уголовно-правовая специфика доведения до самоубийства члена семьи</u>	49
<u>Мугинова З. Р., Сокурченко Е. А. Уголовное наказание: основы и сущность</u>	53
<u>Нуркаева Т. Н., Артамонова М. А. Социальная обусловленность и проблемы применения состава организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства</u>	56
<u>Сердюк П. Л. О роли социальной справедливости при назначении уголовного наказания</u>	60
<u>Бадамшин И. Д., Кулиев И. Б. Преступность несовершеннолетних, совершаемая в алкогольном опьянении: текущее состояние и перспективы (криминологический анализ)</u>	64
<u>Бадамшин И. Д., Загидуллина К. А. Правовая природа соучастия: понятие, виды и содержание</u>	67

<u>Бадамшин И. Д., Салимова Л. Р. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности .....</u>	71
<u>Белик Ю. С. Уголовно-правовая характеристика краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств .....</u>	74
<u>Ермакова О. В. Оконченное преступление: проблемы законодательной регламентации и правоприменения .....</u>	79
<u>Кузбагарова Е. В., Кузбагаров М. Н. Судебная строительно-техническая экспертиза как средство доказывания по делам о мошенничестве в сфере строительства .....</u>	83
<u>Лукьянова Г. В. К проблеме межведомственного взаимодействия федеральной службы судебных приставов и органов внутренних дел .....</u>	89
<u>Ремизова Л. С. Осуществление надзорной деятельности со стороны органов прокуратуры за соблюдением законности при реализации стимулирующих мер и взысканий в местах лишения свободы .....</u>	92
<u>Сергеев С. М., Забавко Р. А. Квалификация преступлений: понятие и теоретическое значение .....</u>	95
<u>Стальбовский В. В. Меры уголовно-правового противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних .....</u>	99
<u>Гарифуллина Р. Ф. Понятие коррупции в российском и международном законодательстве .....</u>	103
<u>Исмаилов Р. Т. Актуальные вопросы борьбы с отдельными видами общественно опасных деяний, связанные с введением нового уголовного законодательства Кыргызской Республики .....</u>	106
<u>Тагаева А. М. К вопросу о делящемся преступлении (по материалам Кыргызской Республики) .....</u>	109
<u>Муксинова А. Ф. Подрыв экономических основ наркопреступности как одно из средств борьбы с незаконным оборотом наркотиков .....</u>	113
<u>Сафин Н. М. Противодействие экстремизму среди несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами .....</u>	116
<u>Косарев М. Н. О некоторых тенденциях современной преступности .....</u>	120
<u>Исаева Р. М., Файрушина Р. Д. Отдельные аспекты взаимосвязи коррупции и наркобизнеса .....</u>	123
<u>Гайфуллина А. Р. Экологические преступления: теоретический и практический аспекты .....</u>	126

<u>Игбаева Г. Р., Кочнев М. В. Банкротство как способ рейдерского захвата .....</u>	131
<u>Игбаева Г. Р., Нестерова Т. С. Судебная практика о разграничении фиктивного банкротства от преднамеренного .....</u>	135
<u>Набиев Ф. Ф. К вопросу об условиях, способствующих совершению умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества .....</u>	137
<u>Ежова Е. В. Прокурорский надзор и судебный контроль за законностью прекращения уголовного дела (уголовного преследования) .....</u>	142
<u>Онгарова Г. Б. Проблемы квалификации похищения человека по законодательству Республики Казахстан .....</u>	145
<u>Савчишкина О. Г. Криминологические особенности личности, совершившей преступления экстремистской и террористической направленности .....</u>	153
<u>Сердюк Л. В., Тимербулатов А. Г. Полиция как субъект профилактики фальшивомонетничества .....</u>	156
<u>Поезжалов В. Б. Некоторые спорные аспекты конструирования и квалификации составных преступлений .....</u>	160
<u>Поляков К. В. Личность несовершеннолетнего как потерпевшего в изготовлении порнографических материалов и предметов .....</u>	163

А. Н. Алиев – научный сотрудник НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (Республика Казахстан, г. Караганда)

ОТДЕЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Sexual freedom and sexual integrity are among the most important human rights. After all, the violation of these rights is displayed on the mental state of the victim, has a direct impact on the health, normal functioning of a person. These crimes infringe upon one of the fundamental relations of a civilized society – those that consist in ensuring sexual freedom of the individual as an opportunity guaranteed by law independently, freely, without any compulsion to realize oneself in the sphere of sexual intercourse. Based on these and other postulates of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – CC) establishes liability for infringement against sexual freedom and sexual inviolability of the individual. Violent crimes – rape (Article 120 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) are among the most dangerous and difficult under the mechanism of committing crimes against sexual freedom and sexual integrity of the person.

Such scientists as I. Sh. Borchashvili, Yu. M. Antonyan, A. I. Brukhin, A. V. Gubanova, T. A. Plaksina, O. V. Tishchenko and others paid attention to the problems of criminal responsibility for crimes against sexual freedom and sexual integrity at different times.

The dynamics of this group of crimes in Kazakhstan differed significantly from the dynamics of all registered crimes. In 2012, 667 rapes were registered, which is 3.3 times less than in 1992. In 2013, 430 such crimes were registered. In 2014 and 2015 this figure was 508 and 421 crimes respectively. In 2016, 323 rapes and 192 sexual assault were reported. In 2017 these figures are in the amount of 364 rapes and 198 crimes under Art. 120 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan¹.

The object of crimes that qualify as rape are public relations, ensuring the protection of sexual freedom and sexual integrity of the person. Additional compulsory or optional direct objects of these crimes can be life, health, honor, dignity of the person, will, the normal development of minors and etc. Mandatory features of the object of these crimes, in addition to public relations, true crime victim (female person). It has been substantiated that a rape victim is a person

---

¹ The data of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. Access mode: <http://qamqor.gov.kz>.

whose sex is opposite to the sex of the direct perpetrator. The victimization of the victim's behaviour and the guilt's previous relationship with the victim, such as being in a registered marriage, living with one family, etc., should not affect the qualifications of the crimes under consideration¹. On the objective side, these crimes have a predominantly formal corpus delicti. Legislator defined the forms of committing these crimes: a person commits a physical or intellectual or other acts of a sexual nature objectively, always directed a specific person. Paragraph 4 of the Ruling of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan «On some issues of qualifying crimes related to rape and other sexual acts» of May 11, 2007 No. 4 states that under the threat of physical violence as a way of overcoming or preventing the victim's resistance, intimidation of the victims should be understood in order to stop their resistance by such actions or statements which express the real intention of the perpetrator to use physical violence against the victims themselves or their close relatives². Difficulties arise in proving the use of mental violence, especially when it was not accompanied by physical violence and was hidden. It should be noted that in the said decree there is no term «mental violence». Thus, legislation establishes the secondary importance of mental violence³. The subject of these crimes is a sane physical person – a male or female (depending on the content of actions of a sexual nature) who has reached the age of 14 years. On the subjective side, these crimes are always committed with the direct intent.

The difference between rape and sexual assault is in the way in which the crime was committed. Other forms (methods) of satisfaction of sexual passion, except for sexual intercourse in a natural form, do not form the composition of rape and, if there are grounds for this, qualify under art. 121 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Unnatural methods include committing an act of sodomy, lesbianism, and other sexual activities aimed at satisfying sexual passion of the subject of the crime (men or women) in an unnatural way using physical violence, threatening to use it or using the helpless condition of the injured person⁴.

In the scientific research A. I. Brukhin it is noted that the foreign criminal law does not actually mention the «violent satisfaction of sexual passion in an unnatural way». This crime is considered together with rape to be integral component of the same concrete sexual assault. The victims of such attacks are both

---

¹ Babenko A. M. Theoretical and legal foundations of criminal responsibility for coercion to have sexual intercourse / A. M. Babenko. M.: Legal Journal. 2018. № 4. P. 40.

² Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan «On some issues of qualification of crimes related to rape and other sexual acts» of May 11, 2007 No. 4 [Electronic resource]. – Access mode: <http://online.zakon.kz>.

³ Tykhiy V. P. Crime, its types and stages: a scientifically practical comment / V. P. Tykhiy, M. I. Panov. M.: Publishing House «Rays». 2017. P. 91.

⁴ Babenko A. M. Theoretical and legal foundations of criminal responsibility for coercion to have sexual intercourse / A. M. Babenko. M.: Legal Journal. 2018. № 4. P. 24.

men and women, and sanctions for the commission of rape and other forms of sexual violence are the same. That is, such crimes, compared to the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, have the same degree of public danger¹.

So, on the basis of the above, it should be noted that the sexual freedom of an individual is sufficiently protected by domestic Criminal law. However, today there are disadvantages that require further improvement and processing. In particular, the issues relating to the entrenchment and legislative interpretation of mental violence, as one of the forms of committing crimes against sexual freedom and inviolability, are defined as problematic. In addition, it should be noted that the experience of foreign countries in relation to the issues of delimitation of crimes provided for in Kazakhstan Criminal law in art. 120 and art. 121 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, is very relevant for our country, makes it possible to use the experience of these states to update the mechanism for regulating relations in the sphere of sexual freedom and personal immunity.

© Алиев А. Н.

УДК 343.222.1(100)

З. Д. Ермекова – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Карагандинской академии МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук (Республика Казахстан, г. Караганда)

ВИНА В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Анализ юридической литературы показывает, что ученые-юристы как ближнего, так и дальнего зарубежья, занимающиеся проблемами вины, считают, что вина является обязательным признаком любого преступного деяния. Однако подходы к определению содержания данного признака далеко не однозначны.

Любое государство имеет свою правовую систему с характерными определенными общими чертами и особенностями. Общие черты и особенности, присущие правовым системам отдельных государств, позволяют объединить их в определенные группы, которые получили название системы уголовного права.

В теории к основным системам уголовного права относят:

---

¹ Brukhin A. I. Grounds of criminalization forced to enter into sexual intercourse / Brukhin A. I. // Law and society. 2014. № 5. p. 205.

- романо-германскую (континентальную);
- англосаксонскую (неконтинентальную);
- религиозную (мусульманскую).

Романо-германская (континентальная) система объединяет правовые системы многих государств современного мирового сообщества. К романо-германской системе права относятся современные правовые системы таких государств, как Германия, Франция, Испания, Япония, Швейцария, Австрия, Голландия.

Англосаксонская (неконтинентальная) система представляет собой систему, основанную на так называемом общем праве, или на праве судебных прецедентов. Так, правовые системы таких государств, как Англия и США, относятся к англосаксонской системе права.

Религиозная (мусульманская) система права представляет собой систему, основанную на вероучении. Религиозное право действует в таких государствах, как Ливан, Йемен, Иордания, Ирак, Египет.

В Германии господствующее положение занимает так называемая нормативная теория вины, родоначальниками которой были Белинг, Франк, Майер, которая первоначально определяла вину как упречность волеобразования, рассматриваемую сквозь призму норм права¹.

Во французской уголовно-правовой литературе господствующее положение занимает теория психологического понятия вины. Французские криминалисты определяли вину как противоправное направление воли, которая осуществляется действием (или бездействием) личности².

Общее определение вины отсутствует и в действующем УК Франции. В доктринальных источниках по уголовному праву конструкция вины строится на основе понятия общей (минимальной) вины, которая является своеобразным «минимумом» психологического признака любого преступного деяния. Общая вина состоит в простом волевом моменте, поскольку любое деяние вменяемого лица при отсутствии форс-мажорных обстоятельств (или непреодолимой силы) является волевым актом, поскольку в самом деянии, как таковом, содержится не только материальный, но уже и психологический его элемент³.

В соответствии со статьей 10 Уголовного кодекса Испании, «преступлениями или проступками являются наказуемые по закону действия или бездействия, совершенные с умыслом или по неосторожности»⁴. При этом

---

¹ Лясс Н. В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях. Л., 1977. С. 50.

² См.: Маньковский Б. С. Проблема ответственности в уголовном праве. М.-Л., 1949. С. 66.

³ Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 80.

⁴ Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисловием д-ра юрид. наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой и д-ра юрид. наук, профессора Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 14.

«действия или бездействия, совершенные по неосторожности, наказываются только в случаях, специально предусмотренных законом»¹. УК Испании достаточно часто использует термины «вина» и «виновные», однако в нем отсутствует не только общее определение вины, но и официальное определение умысла и неосторожности и их разновидности. Вместе с тем, учитывая современные тенденции развития уголовного законодательства, уголовный кодекс Испании 1995 года ограничивает случаи установления ответственности за преступления, совершенные по неосторожности, лишь несколькими составами: неосторожным убийством (ст. 142), неосторожным нанесением телесных повреждений (ст. 152), выдачей по неосторожности подложных официальных документов (ст. 391)². Отсюда исходит следующий вывод: испанский законодатель при описании вышеуказанных составов использует термин «грубая неосторожность», значит, простая неосторожность как форма вины при совершении данных деяний не влечет уголовной ответственности.

«Вина» и «ответственность» в японском уголовном законодательстве обозначены одним термином «сэкинин», а «вменяемый» – «сэкинин норекуся».

В японской науке спорным остается и понятие виновности. Тема «сущность вины» вызвала острую дискуссию, которая существовала между новой и старой научными школами. Старая школа придерживалась «моральной концепции» и исходила из того, что человек свободен в выборе замыслов, поэтому его можно порицать морально за то, что он пошел на преступный акт, хотя имел иную возможность; причем уголовный приговор считался карой, выражающей это порицание.

«Социальная концепция» вины считает, что социально опасный субъект как источник угрозы для общества должен понести определенную санкцию. При этом она ведет к идее о мерах социальной защиты взамен уголовных.

Также в японской доктрине существовала традиционная «психологическая концепция вины», где формами вины являются умысел и неосторожность.

В Уголовном кодексе Швейцарии вине посвящена глава 3, в которой раскрываются понятия умысла и неосторожности (ст. 18), ошибочного представления об обстоятельствах дела (ст. 19), ошибке в запрете (ст. 20). Несмотря на то, что ст. 63 требует от судьи определять размер наказания соразмерно вине лица, само понятие вины в этом УК также не раскрывается. Согласно ст. 18 «умышленно совершает преступление или проступок тот, кто совершает преступное деяние с проявлением сознания и воли. Если преступное деяние совершается таким образом, что лицо вследствие

---

¹ Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисловием д-ра юрид. наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой и д-ра юрид. наук, профессора Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 14.

² Там же. С. 5.

противоречащей долгу неосмотрительности не учитывает последствия своего преступного поведения и не принимает их во внимание, то оно совершает преступление или проступок по неосторожности. Неосмотрительность является противоречащей долгу, когда лицо не соблюдает меры предосторожности, которые оно обязано предпринять в силу обстоятельств или его личных отношений»¹.

Ф. Новаковский – видный теоретик уголовного права Австрии, выступая сторонником субъективного направления уголовно-правовой теории, признает вину ядром преступления и предлагает основанием наказания считать не совершение деяния, соответствующего составу преступления, а наличие у субъекта определенной внутренней направленности против охраняемого правом блага. Вина, по его мнению, порок волеобразования, свидетельствующий об отсутствии должного отношения субъекта к благам, ценностям, которые охраняются правом как правовые объекты².

В английском уголовном праве психологическая теория вины также издавна пользуется большим влиянием. Практика и научная доктрина выработали общие правила о необходимости двух элементов, без которых нет преступления, а значит и уголовной ответственности: физического (объективного) и психического (субъективного).

Законодательное определение вины и ее форм в уголовном английском праве отсутствует. В доктрине, в современном законодательстве и практике преобладает упоминание трех форм вины: намерения, неосторожности и небрежности³.

Английский судья Девлин считает, что «mens rea» включает два элемента: а) намерение совершить деяние и б) знание обстоятельств, которое делает данное деяние преступлением. В весьма авторитетном труде Хелсбери есть утверждение, что «mens rea» – это «заслуживающее, с юридической точки зрения, порицания психическое состояние». Р. Кросс и Ф. Джонс дают этому понятию другое толкование: «Это любое психическое состояние..., которое прямо или косвенно указано в определении того преступления, которое вменяется в вину»⁴.

Таким образом, определения вины в англо-американском уголовном праве весьма противоречивы. Несмотря на то, что некоторые авторы трактуют вину как субъективное состояние, характеризующее интеллектуальными волевыми моментами, большинство под виной понимают психическое состояние лица, совершающего противоправное деяние. При этом одни говорят о способности сознавать, другие – о намерении и знании, тре-

---

¹ Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем. М., 2000. С. 9.

² Лясс Н. В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях. Л., 1977; А. Э. Жалинский. Современное немецкое уголовное право. М., 2004; А. Жалинский, А. Рерихт. Введение в немецкое право. М., 2001.

³ Уголовное право зарубежных государств. Вып. 2. М., 1972. С. 114.

⁴ Там же. С. 111.

ты – о сознании и желании, четвертые – о порицаемом психическом состоянии, пятые – о «любом» психическом состоянии и т. д.¹ Данный вопрос, к сожалению, не получил однозначного решения в законодательстве Англии и США.

Попытку обеспечить единство в понимании и реализации принципа виновного вменения предприняли американские юристы при создании Примерного уголовного кодекса США. В статье 2.02 они закрепили положение, в соответствии с которым «лицо не является виновным в совершении посягательства, если оно не действовало с целью, заведомо, опрометчиво или небрежно в зависимости от того, что требуется по закону в отношении каждого из материальных элементов этого посягательства». Однако статья 2.05 содержит исключение из этого правила, благодаря которому требования виновности не применяются: «а) к посягательствам, составляющим нарушение, если соответствующее требование не включено в определение посягательства или суд не решит, что его применение совместимо с эффективным исполнением закона, определяющего данное посягательство; или б) к посягательствам, определенным не кодексом, а другими статутами, в тех пределах, в которых прямо выраженная цель законодателя состоит в установлении за эти посягательства или в отношении любого из их материальных элементов абсолютной ответственности»².

В исламских странах с мусульманской системой права тяжесть совершенного преступления и соответствующий вид наказания во многом также ставятся в зависимость от формы вины.

УК Ливана исходит из психологического понятия вины и придает ей важное значение как одному из оснований уголовной ответственности. Так, в данном УК формулируется положение о том, что «ни один индивид не может быть приговорен к наказанию, если он не действовал сознательно и по своей воле» (ст. 210 УК Ливана).

По уголовному законодательству Иордании субъективная сторона включает в себя такие элементы, как вина, возраст уголовной ответственности, вменяемость. Четкая формулировка вины в иорданском уголовном законодательстве отсутствует. Однако из содержания статей, регламентирующих вопросы вины, можно сделать вывод о том, что вина понимается как психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям.

В Уголовном кодексе Ирака в ст. 33 дается следующее определение прямого умысла: «Направление лицом своей воли к совершению деяния, составляющего преступление, когда целью являются именно последствия преступления, которое произошло, или последствия другого преступления».

---

¹ Крылова Н. Е., Серебрянникова А. В. Указ. соч. С. 80.

² Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969. С. 54.

По Иракскому уголовному законодательству умысел подразделяется на заранее обдуманый и простой.

Согласно ст. 35 УК Ирака преступление является неумышленным, если преступный результат имел место в результате ошибки виновного, независимо от того, была ли ошибка небрежностью, необдуманностью, невниманием, неосторожностью или несоблюдением законов, порядка и постановлений. Анализируя данную статью, приходим к выводу о том, что понятие неумышленной вины сформулировано нечетко. В ней лишь перечисляются различные формы отношения лица к своему поведению. В нормах Особенной части прослеживается идентичный подход. Так, согласно ст. 272 наказывается лишением свободы или штрафом лицо, которое пренебрегло своими обязанностями, в результате чего состоялся побег заключенных.

Что касается вопроса о неумышленном (неосторожном) преступлении, то оно, с точки зрения материального элемента, в основном совпадает с умышленным. В обеих формах вины требуется совершение волевого деяния и наступление определенных последствий, а также должна быть причинная связь между деянием и преступным результатом. Отсюда следует, что в шариате преступления делятся на умышленные и неумышленные. Различие между ними заключается в моральном элементе, в реальном отношении лица к содеянному. Если в умышленном преступлении с прямым умыслом должно быть намерение (умысел), направленное на совершение деяния, и желание наступления преступного результата, то в неумышленном преступлении вместо умысла требуется наличие «ошибки» в поведении обвиняемого. По УК Йеменской Республики неумышленная форма вины обозначается термином «ошибка». Такая же формулировка предусмотрена в УК Египта.

На основании изложенного следует отметить, что в мире существуют вышеуказанные три основные уголовно-правовые концепции понимания вины.

Мы признаем психологическую теорию вины, так как именно данная теория дает возможность привлечь к уголовной ответственности лицо за то, что оно совершило реально, но в рамках его осознания и предвидения. Только при данном подходе уголовная ответственность может действительно строиться на виновности субъекта и являться справедливой.

Необходимо также отметить, что происходит прогрессивное развитие общества, где наука должна постоянно стремиться к новым мерам и способам защиты прав и интересов от посягательств; от того, насколько уголовно-правовые нормы и институты соответствуют требованиям настоящего времени, зависит эффективность их применения.

В. Г. Громов – профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Саратов);

Е. А. Кашеева – магистрант 2-го курса факультета «Юриспруденция» Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов)

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ И ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В науке активно обсуждаются различные точки зрения по поводу соотношения провокации преступления и института соучастия. Данная проблематика давно привлекает внимание специалистов уголовного права, однако единого мнения и единого законодательного закрепления в этом плане до сих пор не выработано.

Одна из основных точек зрения сформирована правоведом, опирающимся на мнение советских ученых, и относит провокацию преступления к институту соучастия. Так, Б. В. Волженкин утверждал, что провокатор склоняет лицо на совершение преступления с целью последующего изобличения такого лица либо применения шантажа и создания зависимого положения. Ученый относит провокацию преступления к институту соучастия, опираясь на неразрывную связь провокации и подстрекательства к преступлению. Деятельность, направленная на провокацию, может быть выражена не только в виде подстрекательства, но и в виде организации совершения преступления. Организатор в этом случае выступает инициатором совершения преступления, он способствует созданию у лица желания совершить преступление, чтобы в дальнейшем предать его правосудию¹.

Рассмотрев зарубежный опыт, можно увидеть юридически закрепленные нормы, связывающие институт соучастия и провокацию. Согласно законодательству Франции провокация является составной частью института соучастия. В соответствии с УК Франции соучастником равно признается лицо, которое посредством подарков, обещаний, угроз, требований, злоупотребления властью или полномочиями спровоцировало преступное деяние либо дало указания для его совершения. Французские юри-

---

¹ Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43–45.

сты полагают, что провокация должна прямо побуждать к совершению преступного деяния и быть адресована непосредственно исполнителю, а не другим лицам. Кроме того, провокация должна привести к желаемому результату¹.

Ряд авторов, например В. Д. Иванов², А. А. Арутюнов³, считают необходимым в будущем рассматривать провокацию преступления в рамках института соучастия, тем самым включив в перечень соучастников и самого провокатора. Данные утверждения подводят к дальнейшему детальному рассмотрению института соучастия и его объективных и субъективных признаков. Определение соучастия закреплено на законодательном уровне в ст. 32 Уголовного кодекса РФ. В соответствии с нормой под соучастием понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Провокация преступления – это деяние, которое заключается в создании условий для совершения преступления другим лицом.

Среди объективных признаков соучастия выделяют следующие: участие в совершении преступления двух или более лиц и совместность действий соучастников. Очевидно, что для осуществления провокации необходимо наличие как минимум двух лиц – провокатора и провоцируемого.

Совместность действий соучастников включает в себя взаимообусловленную деятельность, единый преступный результат и причинную связь. Взаимообусловленность характеризуется взаимосвязанностью деяний, которые могут быть как одинаковыми (два соисполнителя проникают в помещение, совершают хищение и скрываются), так и внешне различными, но юридически тождественными. Например, один соисполнитель стоит на страже, а другой собирает чужое имущество. Хотя осуществляются несхожие действия, они вместе совершают единое преступление и их поведение юридически тождественно (соисполнительство). Но это не означает, что при внешнем и юридическом различии деяния соучастников считаются невзаимозависимыми. Распределяя роли соучастников, каждый выполняет свою функцию для достижения единого преступного результата.

Очевидно, что действия провокатора формируют условия для действий исполнителя и нельзя упускать из виду тот факт, что в основу деятельности подстрекателя и организатора входят такие же функции. Провокатор, в сущности, возбуждает решимость у лица совершить преступление, и, соответственно, без его вклада преступление (или хотя бы покушение или приготовление к преступлению) совершено не будет.

Последним элементом выступает преступный результат, который

---

¹ Уголовное право зарубежных государств (Англия, США, Франция, Германия, Япония): сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 1998. С. 334.

² Иванов В. Д. Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. С. 16–18.

³ Арутюнов А. А. Провокация преступления // Российский следователь. 2002. С. 33–34.

определяется совместностью усилий. Провокатор и спровоцированное лицо совершают действия, которые находятся в причинной связи с преступным последствием. Лицо в силу своих личных причин способствует формированию у другого лица желания на совершение определенных преступных действий, то есть провокатор оказывает влияние на спровоцированное лицо. Способы влияния могут быть различными, например: создание благоприятной обстановки или предоставление информации. Отсюда видно, что не только действия спровоцированного лица стали причиной преступления, но и действия провокатора, который порой даже играет более активную роль в наступлении преступного результата.

Рассматривая субъективную сторону соучастия, необходимо обратить внимание на форму вины. В соответствии с законодательством соучастие возможно только в умышленных преступлениях, а все участвующие лица в совершении преступления также при этом должны действовать умышленно (хотя на данный момент обсуждаются различные точки зрения о применении неосторожной формы вины).

Рассмотрев возможные варианты проявления поведения провокатора и проанализировав юридическую литературу, можно выявить следующее:

- провокатор осуществляет действия с прямым умыслом, желая наступления последствий, указанных в УК РФ, для спровоцированного лица;
- провокатор осуществляет действия с прямым умыслом, не желая наступления последствий, указанных в УК РФ, для спровоцированного лица при окончательном преступлении;
- провокатор осуществляет действия с прямым умыслом, проявляя безразличие к наступлению последствий, указанных в УК РФ, для спровоцированного лица.

Наличие всех объективных и субъективных признаков соучастия в преступлении позволяет утверждать, что провокация преступления есть не что иное, как составная часть соучастия.

Подводя итоги, можно прийти к выводу о том, что действия провокатора обладают общественной опасностью, требующей уголовно-правовой оценки. Учитывая, что при рассмотрении субъективных и объективных признаков института соучастия и деятельности провокатора не были выявлены значительные расхождения, указанная позиция правоведов, утверждающих, что провокация должна выступать составной частью соучастия, а сам провокатор есть не кто иной, как соучастник преступления, не вызывает каких-либо возражений.

© Громов В. Г.

© Кашеева Е. А.

А. В. Курсаев – главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ СПЕЦИАЛИСТ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ УСЛУГИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА, ПРИВЛЕКАЕМЫЕ РАБОТОДАТЕЛЕМ ПО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМУ ДОГОВОРУ, КАК СУБЪЕКТЫ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (СТАТЬЯ 143 УК РФ)

При анализе признаков состава преступления зачастую основное внимание уделяется его объективной или субъективной стороне. Субъекту преступления уделяется в этом случае гораздо меньшее значение, так как предполагается, что вопрос о том, кого следует рассматривать в качестве субъекта применительно к конкретному составу преступления, не может вызывать особых трудностей.

Между тем вопросы уголовной ответственности связаны в первую очередь с конкретным вменяемым лицом, достигшим возраста, установленного УК РФ в статье 19, и совершившим общественно опасное деяние. Вопросы, связанные с субъектом преступления, вменяемостью, свободой воли, специальным субъектом, корпоративной уголовной ответственностью юридических лиц, личностью преступника, составляют значительный объем проблем уголовного права и криминологии, актуальность которых до настоящего времени полностью не исчерпана. В связи с этим умалять значение субъекта для разрешения вопросов уголовной ответственности было бы неверным.

Помимо указанных общетеоретических вопросов значение субъекта преступления велико и для вопросов квалификации конкретных общественно опасных деяний.

Общественное отношение имеет в своей структуре субъектов отношений, объектов отношений и социальную связь, под которой понимают определенное взаимодействие и взаимосвязь субъектов. В силу складывающихся между гражданами общественных отношений, урегулированных нормами права, обязанность по совершению определенных действий может возлагаться на определенных граждан уже в рамках данных отношений.

Соответственно, как отмечает Н. И. Коржанский, социальная связь может быть нарушена путем разрыва этой связи, то есть путем изменения

социально значимого поведения субъекта отношения¹. Такое изменение статуса возможно, например, в том случае, когда субъект отношений исключает себя как участника из данной социальной связи, не выполняя возложенную на него нормами права юридическую обязанность, имеющую существенное значение, что проявляется, например, в составах, совершаемых путем бездействия.

В связи с этим общие признаки субъекта преступления – физическая природа лица, его вменяемость и достижение определенного возраста – зачастую недостаточны для описания признаков лица, которого, по замыслу законодателя, следует рассматривать в качестве ответственного в совершении преступления. Поэтому законодатель вынужден в таких случаях, конструируя уголовно-правовой запрет, указывать на дополнительные признаки, в соответствии с которыми определяется круг виновных лиц в совершении этого преступления, то есть описывать признаки специального субъекта. Криминалистическая наука уделяет особое внимание квалификации преступлений со специальным субъектом, что нашло отражение в соответствующих научных разработках².

Так, в статье 143 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (смерть человека, смерть двух или более лиц).

Как следует из этой нормы, ее особенностью является наличие специального субъекта – такого лица, на которого возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда. Отсутствие специального субъекта может или вообще исключать уголовную ответственность, или требовать ее квалификации по иным статьям уголовного закона (например, по ст. 109 УК РФ), что сказывается на особенностях предмета доказывания и размере наказания.

Сложности проблеме придает и то обстоятельство, что представление о круге лиц, ответственных за преступные нарушения правил охраны труда, в российской науке уголовного права носило эволюционный характер.

Как отмечает А. В. Голикова, в уголовно-правовой доктрине предлагались различные виды классификации субъекта преступления по ст. 143 УК РФ:

1) должностные лица, ответственные за обеспечение безопасных условий производства, и иные лица, на которых обязанность по соблюдению правил охраны труда возложена специальным распоряжением;

---

¹ Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. СПб.: Изд-во профессора Малинина, 2010. Т. 4. С. 147.

² Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977; Павлов В. Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.

2) работники, которые в силу трудовых функций непосредственно обязаны соблюдать правила охраны труда на определенном участке работы, а также руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий, которые обязаны обеспечивать соблюдение правил охраны труда, если они не приняли мер к устранению заведомо известного нарушения правил охраны труда либо дали указания, противоречащие этим правилам, или не обеспечили соблюдение тех или иных правил¹.

Наличие данной неопределенности и разных точек зрения относительно критерия возложения обязанности по соблюдению правил техники безопасности и иных правил охраны труда побудило высшую судебную инстанцию в лице Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) неоднократно давать руководящие разъяснения по этому вопросу. При этом понятие специального субъекта преступления рассматривалось в качестве одного из ключевых вопросов при привлечении к ответственности по ст. 143 УК РФ, перечень лиц, выделяемых в качестве субъекта преступления, всегда выделялся отдельным пунктом, а содержание данного перечня периодически корректировалось.

В настоящее время перечень лиц, которые могут рассматриваться в качестве ответственных за преступные нарушения правил охраны труда, определен в абзаце первом пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – постановление Пленума № 41), согласно которому по смыслу ч. 1 ст. 143 УК РФ субъектами данного преступления могут быть руководители организаций, их заместители, главные специалисты, руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда.

Названное определение в целом, несмотря на некоторые уточнения, соответствует ранее даваемым определениям перечня субъектов преступления по ст. 143 УК РФ (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений», п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направлен-

---

¹ Энциклопедия уголовного права. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб.: Изд-во профессора Малинина, 2010. Т. 16. С. 442.

ного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ»).

Исходя из вышеизложенного, ст. 143 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность для лиц, обязанных обеспечивать соблюдение специальных правил в сфере охраны труда, независимо от того, с каким работодателем они состоят в трудовых отношениях (с физическим лицом, коммерческой или некоммерческой организацией), что достаточно традиционно для российского уголовного права.

В то же время определение специального субъекта преступления по ст. 143 УК РФ обусловлено в первую очередь требованиями трудового законодательства, и уголовный закон, в силу наличия тесных межотраслевых связей, обязан данную особенность принимать во внимание.

Как справедливо отмечает Н. И. Пикуров, квалифицируя преступление с бланкетными признаками состава, правоприменитель должен учитывать не только наличие такого признака, но и его вид и место в системе других признаков состава преступления, а также особенности режима правового регулирования той отрасли права, с помощью предписаний которой детализирован данный признак¹.

В частности, в соответствии со ст. 217 ТК РФ в целях обеспечения безопасности труда в случае, если численность работников превышает 50 человек, в обязательном порядке создается служба охраны труда в организации или вводится должность специалиста по охране труда. В случае же, если численность работников не превышает 50 человек, работодатель специализированную службу охраны труда может не создавать, равно как и не вводить должность специалиста по охране труда, а осуществлять данную функцию лично, возложив ее на себя в лице работодателя – индивидуального предпринимателя, руководителя организации либо определить для этих целей уполномоченного работника.

Однако часть третья ст. 217 ТК РФ позволяет для целей охраны труда привлекать организацию (имеющую, как правило, специальную аккредитацию) или специалиста, оказывающих услуги в области охраны труда, по гражданско-правовому договору.

Таким образом, имеет место возможное расширение перечня субъектов преступления по ст. 143 УК РФ, когда в качестве такового рассматриваются уже не просто граждане, состоящие в трудовых отношениях с работодателем – индивидуальным предпринимателем или с организацией, но и лица, не состоящие в штате организации, но оказывающие ей услуги гражданско-правового характера в сфере охраны труда.

С учетом названного обстоятельства при разработке проекта постановления Пленума № 41, который к кругу субъектов преступления по

---

¹ Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М.: Проспект, 2018. С. 72.

ст. 143 УК РФ первоначально относил только лиц, состоящих в трудовых отношениях, членами рабочей группы по его разработке от Института государства и права РАН было предложено учесть вышеуказанную особенность, заключающуюся в том, что правоотношения по поводу обеспечения охраны труда могут возникнуть не только на основании трудового договора, но и гражданско-правового договора при наличии условий, указанных в ч. 3 ст. 217 ТК РФ. Данное предложение было в целом положительно отмечено членами рабочей группы.

В то же время, если для организации службы по охране труда есть соответствующие рекомендации (постановление Минтруда России от 8 февраля 2000 г. № 14 «Об утверждении рекомендаций по организации работы службы охраны труда в организации»), на основании которых строится деятельность данного подразделения, в случае привлечения организации или специалиста, оказывающих услуги в области охраны труда на коммерческой основе, полномочия и обязанности данной организации либо специалиста определяются уже гражданско-правовым договором, в формулировании условий которого стороны полностью самостоятельны. Соответственно, только от них зависит, будут ли возможные услуги в рамках такого договора носить только консультационный характер либо быть связаны с проверкой условий труда, контролем за их выполнением и доведением до сведения работодателя информации о возможных нарушениях.

С учетом этого ответственность организации или специалиста, оказывающих услуги в области охраны труда на коммерческой основе, возможна не во всех случаях, а только в тех из них, когда на них возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда и техники безопасности у работодателя, которому они оказывают услуги.

В связи с этим в абзаце втором п. 4 постановления Пленума № 41 и была закреплена формулировка, согласно которой ответственность по ст. 143 УК РФ также могут нести представители организации, оказывающей услуги в области охраны труда, или соответствующие специалисты, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору в соответствии с ч. 3 ст. 217 ТК РФ, если на указанных лиц непосредственно возложены обязанности обеспечивать соблюдение требований охраны труда работниками и иными лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя.

Указанное положение является новеллой для отечественного уголовного права. При этом необходимо учитывать, что передача функций по охране труда на коммерческой основе, как разъяснено в письме Минтруда России от 11 ноября 2016 г. № 15-2/В-3673, может распространяться на работодателей, численность работников которых не превышает 50 человек.

В то же время рассматриваемое нововведение привело и к определенной сложности, заключающейся в том, кто будет нести ответственность от коммерческой организации, оказывающей услуги по охране труда на

основании гражданско-правового договора: ее руководитель или иные лица?

Полагаем, что при разрешении данного вопроса необходимо учитывать, что такая организация также является юридическим лицом, имеет в своем штате работников, непосредственно осуществляющих функции по охране труда. Так, в качестве рассматриваемых организаций могут выступать организации, проводящие специальную оценку условий труда, для которых законодательством (пункт 2 ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда») установлены требования в виде наличия в организации не менее пяти экспертов, работающих по трудовому договору и имеющих соответствующие сертификаты и образование.

Соответственно, в гражданско-правовом порядке за качество оказываемых услуг по охране труда отвечает сама организация, с которой заключен соответствующий договор (соглашение).

В случае же, если в результате некачественного оказания данных услуг по охране труда наступили последствия, указанные в ст. 143 УК РФ, к ответственности привлекаются уже конкретные работники данной организации, на которых внутренними распорядительными документами была возложена ответственность за обеспечение охраны труда в указанной организации. В связи с этим в приговоре или ином судебном решении в обязательном порядке должна быть сделана ссылка на положения таких актов в обоснование привлечения к ответственности конкретного виновного лица, как того требует пункт 2 постановления Пленума № 41.

Фактическое выполнение функций в области охраны труда без специального распоряжения не может расцениваться как факт законного возложения обязанности.

Н. Н. Хилтунов применительно к традиционному пониманию субъекта преступления по ст. 143 УК РФ верно отмечает, что в качестве него выступают лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда на определенном участке работ¹.

Указанный критерий – возложение обязанностей служебного положения или по специальному распоряжению – действует и применительно к определению ответственных в коммерческой организации, оказывающей услуги по охране труда тому предприятию, в котором работнику причинена смерть или тяжкий вред здоровью.

Таким образом, развитие трудового законодательства и указание в ст. 217 ТК РФ на дополнительных субъектов (организацию или специалиста, оказывающих услуги в области охраны труда на основании граждан-

---

¹ Хилтунов Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 80.

ско-правового договора) обусловили и коррелирующее уточнение понятия специального субъекта преступления за нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) в сторону расширения перечня лиц, которые могут подлежать уголовной ответственности. Если ранее таковыми являлись граждане, состоящие в штате организации либо выполняющие функции работодателя (например, работодатель – индивидуальный предприниматель), то в настоящее время в качестве виновных следует рассматривать и тех лиц в составе организации, осуществляющей функции по охране труда на основании гражданско-правового договора, на которых функции по охране труда возложены внутренними распорядительными документами данной организации. В связи с этим, несмотря на расширение перечня виновных по ст. 143 УК РФ в результате принятия постановления Пленума № 41, общие подходы к их определению, выработанные наукой уголовного права, остаются неизменными, что позволит обеспечить правильную квалификацию преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда, совершенных названными лицами.

© Курсаев А. В.

УДК 343.85:343.575:343.988(470)

Н. Р. Асмандиярова – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, которое состоялось 28 февраля 2019 г., В. Путин отметил, что одной из ключевых задач МВД остаётся противодействие незаконному обороту наркотиков, наряду с другими причинами, в связи с ростом масштаба распространения наиболее опасных – синтетических наркотиков. Президентом России была подчеркнута необходимость активного пресечения деятельности наркодилеров, выявления организованных преступных групп, связанных с ввозом наркотиков из-за границы, их производством внутри нашей страны. Также было обращено особое внимание вопросам взаимодействия органов внутренних дел со специальными службами и ведомствами, коллегами из-за рубежа по направлению противодействия незаконному обороту наркотиков (далее – НОН)¹.

---

¹ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии

Под наркотизацией понимается процесс распространения употребления наркотиков. Предупреждение наркотизации включает в себя предупреждение употребления наркотиков и противодействие распространению наркотиков.

В данной статье мы постараемся затронуть вопрос виктимологической профилактики наркотизации населения. Важным участником процесса приобщения к потреблению наркотиков является лицо, соглашающееся приобрести, передать, принять, употребить и т. д. наркотическое средство или психотропное вещество. С целью формирования нетерпимого отношения к подобному рода предложениям участвовать в незаконном обороте наркотиков организуется и реализуется виктимологическая профилактика.

Для оценки уровня виктимизации населения в вопросах приобщения к употреблению наркотиков определим состояние наркотизации населения в России.

Содержание наркотизации включает в себя данные о количестве лиц, приобщенных к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ¹, количестве совершенных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (НОН), и количестве лиц, совершивших преступления, связанные с НОН.

Рассмотрим, как обстоит ситуация с наркоманией в современной России. По данным Минздрава России, в 2017 г. на учете в специализированных медицинских учреждениях состояло 820000 потребителей наркотиков, что составляет около 0,6 % из общего числа российского населения.

По экспертным оценкам, около 5 % населения страны являются наркопотребителями². Таким образом, возникает необходимость выявления скрытой части наркопотребителей и оказания на них предупредительного воздействия, включающего медицинскую помощь.

Что касается преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, то, по официальным данным, в нашей стране ежегодно регистрируется около 200000 преступлений, и это составляет около 10 % от общего числа всей зарегистрированной преступности в России. Число лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения, – 25000 человек в год (2,4 % от общего числа всех выявленных лиц в совершении преступлений в России). Количество выявленных лиц, совершивших преступления, связанные с НОН, относительно стабильно и составляет около

Министерства внутренних дел Российской Федерации. 28 февраля 2019 года. Заседание посвящено итогам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2018 год и планам работы на 2019 год. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 20.03.2019).

¹ Мансурова З. Р. Молодежный наркотизм в современном российском обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 2 (80). С. 31–34.

² Рабочая встреча с директором ФСКН Виктором Ивановым. Глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков информировал Президента о результатах работы ведомства в 2015 году // <http://kremlin.ru/events/president/news/51164> (дата обращения: 20.03.2019).

115000 человек в год (11 % от общего числа всех выявленных лиц в совершении преступлений в России).

Определяя количественную сторону наркотизации, необходимо учитывать, что наркопотребление и наркопреступность отличаются высоким уровнем латентности, о чем свидетельствуют приведенные выше данные экспертных оценок по наркопотребителям и результаты ранее проведенных научных исследований по рассматриваемой проблематике, в том числе самим автором¹.

Наряду с латентностью наркотизация отличается высоким уровнем виктимности. Виктимность – это повышенная по разным основаниям способность (возможность) лица становиться жертвой каких-либо обстоятельств. Уязвимость жертвы может обуславливаться как негативными, так и ее позитивными качествами (жадностью, чрезмерной доверчивостью, легкомыслием и, наоборот, активной законопослушностью, готовностью противодействовать обстоятельствам); может определяться физическим состоянием жертвы, ее психикой, возрастными особенностями и др.; уязвимостью обладает отклоняющееся поведение (бродяжничество, проституция, наркомания, пьянство и т. д.).

В рамках виктимологического предупреждения наркотизации населения рекомендуется организация и реализация следующих мер:

1) формирование и повышение наркологической грамотности разных категорий населения (педагогов, молодежи, родителей и подростков, сотрудников правоохранительных органов);

2) выработка в процессе воспитания у детей навыков противостояния провоцирующим ситуациям и умения говорить «нет» на склонение к потреблению наркотиков или на участие в незаконном обороте наркотиков;

3) создание условий, не допускающих формирование деструктивных молодежных групп, пропагандирующих наркокультуру;

4) укрепление на государственном уровне института семьи и культивирование семейного образа жизни;

5) пропаганда здорового образа жизни;

6) развитие и поддержка волонтерского молодежного движения;

7) сведение к минимуму виктимогенных ситуаций, их предотвращение и пресечение, информирование граждан о виктимогенных «ситуациях-ловушках», с тем, чтобы они по возможности избегали их;

8) оказание комплексной поддержки жертвам наркотизации (приобщенных к потреблению наркотиков);

9) повышение правовой грамотности в отношении лиц, подлежащих уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотиков.

Для успешной профилактики лиц, склонных к виктимному поведению

---

¹ Актуальные проблемы противодействия склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и его предупреждение на региональном уровне: учебное пособие / Н. Р. Асмандиярова [и др.]; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019. С. 4.

в отношении наркотизации, необходимо вменить на законодательном уровне в обязанности отдельных служб и подразделений органов внутренних дел необходимость осуществления профилактической деятельности среди лиц с виктимным поведением, в том числе лиц, склонных к потреблению наркотиков.

В частности, мы предлагаем изложить в п. 7 «Участковые уполномоченные полиции» раздела III «Обязанности сотрудников органов внутренних дел по предупреждению преступлений» «Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») п.п. 7.4. в следующей редакции:

– п.п. 7.4. Устанавливают организаторов либо содержателей притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ, занятия проституцией, а также лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством. Принимают к ним в установленном порядке и в пределах своей компетенции меры, предусмотренные законодательством, а в отношении лиц с виктимным поведением проводят индивидуальные профилактические мероприятия.

В п. 10 «Сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков» раздела III «Обязанности сотрудников органов внутренних дел по предупреждению преступлений» «Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») п.п. 10.2. изложить в следующей редакции:

– п.п. 10.2. Проводят оперативно-разыскные мероприятия по выявлению лиц, занимающихся приготовлением и (или) покушением на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, принимают к ним меры в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также выявляют лиц, потерпевших от преступных посягательств, в целях изменения их виктимного поведения.

Виктимологическая профилактика наркотизации населения направлена на уменьшение уровня виктимности граждан по отношению к незаконному обороту наркотиков, а значит, и на уменьшение в целом уровня наркомании и преступности.

© Асмандиярова Н. Р.

Е. В. Коломийченко – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ

Одной из проблем, которая остается еще не решенной Российской Федерацией, являются коррупционные преступления. В структуре коррупционной преступности фигурирует достаточное количество составов преступлений, предусмотренных нормами Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Среди них: получение взятки, дача взятки, злоупотребление должностными полномочиями, которые имеют высокую степень общественной опасности.

Так, за январь – май 2019 г. в Российской Федерации зарегистрировано 4649 преступлений коррупционной направленности по статьям 285, 290, 291 УК РФ. Обозначим, что за январь – декабрь 2018 г. зарегистрировано 8367 данных преступлений а за январь – декабрь 2017 г. – 7697 преступлений¹. Анализ используемых статистических данных свидетельствует о небольшом повышении зарегистрированных преступлений в 2018 году.

Одно из основных преступлений в структуре коррупционной преступности – злоупотребление должностными полномочиями. Указанное противоправное деяние, так же как и иные коррупционные преступления, имеет высокую общественную опасность.

К сожалению, в органах внутренних дел остаются случаи совершения злоупотребления должностными полномочиями, как и в иных органах государственной власти. Эффективное противодействие злоупотреблениям должностными полномочиями в органах внутренних дел невозможно без качественного изучения их криминологической характеристики. Соответственно, только комплексное исследование криминологических элементов злоупотребления должностными полномочиями может позволить установить реальное положение дел и выявить необходимые меры по противодействию указанным преступлениям в органах внутренних дел.

Уголовный кодекс Российской Федерации трактует злоупотребление должностными полномочиями как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и

---

¹ Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/aboutportal> (дата обращения: 10.06.2019).

повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Необходимо выяснить, что в современной правовой науке и отечественном законодательстве понимается под должностными полномочиями и злоупотреблением должностными полномочиями.

Совершение действий (либо бездействие), которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, трактуется как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы¹.

Исходя из этого, в качестве основного объекта злоупотребления должностными полномочиями выступает осуществляемая в соответствии с законом деятельность публичного аппарата власти и управления. Конституционные права человека и гражданина, охраняемые законом, экономические и иные интересы граждан, организаций и государства выступают здесь дополнительным объектом.

Должностные злоупотребления в целом сегодня выступают предметом пристального внимания законодателя и правоприменителей, осуществляющих деятельность по борьбе с коррупционной преступностью в органах власти².

Необходимо отметить, что, исходя из анализа диспозиции ст. 285 УК РФ, злоупотребление должностными полномочиями может быть как коррупционной направленности, так и быть связано с иной личной заинтересованностью.

Постановление Пленума Верховного Суда определяет корыстную заинтересованность как стремление должностного лица путем совершения неправомερных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо услуг, уплаты налогов и т. п.). Соответственно, иную личную заинтересованность – как стремление должностного лица извлечь выгоду не-

---

¹ Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. С. 361.

² Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Неиспользованные возможности Уголовного кодекса России в противодействии коррупции // Проблемы применения уголовного законодательства: материалы межведомственного круглого стола / под ред. Г. В. Ищука [и др.]. Рязань, 2016. С. 121–129.

имущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.¹

Е. Е. Кононцева отмечает, что злоупотребление должностными полномочиями – это такие действия, когда некое должностное лицо пользуется своими служебными полномочиями против интересов службы. Также автор отмечает такие признаки злоупотребления должностными полномочиями, как использование служебных полномочий должностным лицом против интересов службы, проявление последствий в виде агрессивного нарушения законных интересов и прав человека и гражданина и возникновение причинной логической связи между действием и последствиями².

Итак, согласно статистическим данным, опубликованным Генеральной Прокуратурой РФ, преступлений, предусмотренных статьей 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», зарегистрировано в 2010 г. – 4687, в 2015 г. – 2331, в 2016 г. – 2352, в 2017 г. – 2237, в 2018 г. – 2256, за январь – май 2019 года – 1168³.

Из анализа данных следует, что в среднем количество зарегистрированных преступлений, квалифицируемых по ст. 285 УК РФ, с 2015 г. по 2018 г. остается на одном уровне. Значительное превышение регистрируемых преступлений отмечалось только с 2010 г. по 2012 г. (4687 преступлений – 2010 г., 4593 преступления – 2011 г., 4077 преступлений – 2012 г.). Такая ситуация может быть связана с недостаточной раскрываемостью по данному виду преступлений, слабой доказательственной базой, переквалификацией преступных деяний.

В соответствии со статистическими данными Генеральной прокуратуры РФ количество преступлений, квалифицируемых по ст. 285 УК РФ, неуклонно падает⁴. Для наглядности представим данные по совершенному преступлению в Российской Федерации по ст. 285 УК РФ в виде сравнительной диаграммы (см. рис. 1).

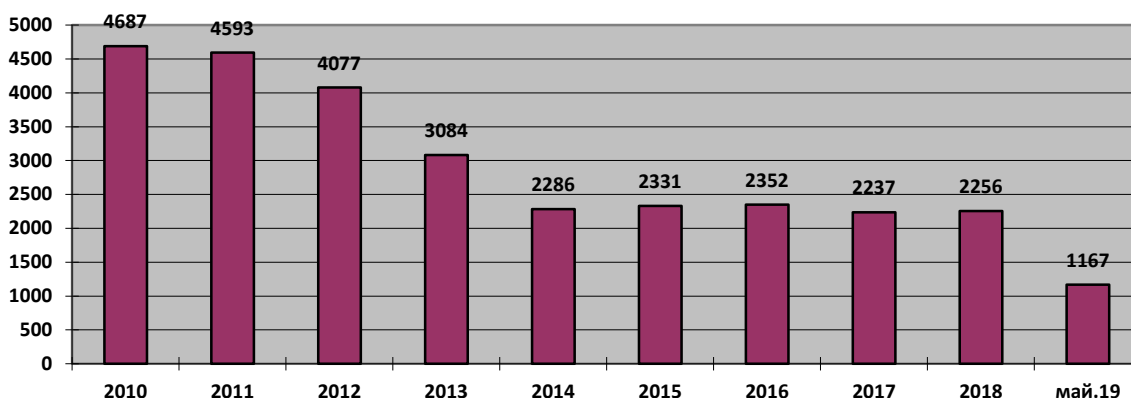
---

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2019).

² Кононцева Е. Е. Понятие и признаки злоупотребления должностными полномочиями // Главные характеристики современного этапа развития мировой науки: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Зарайский. Волгоград: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2018. С. 70–72.

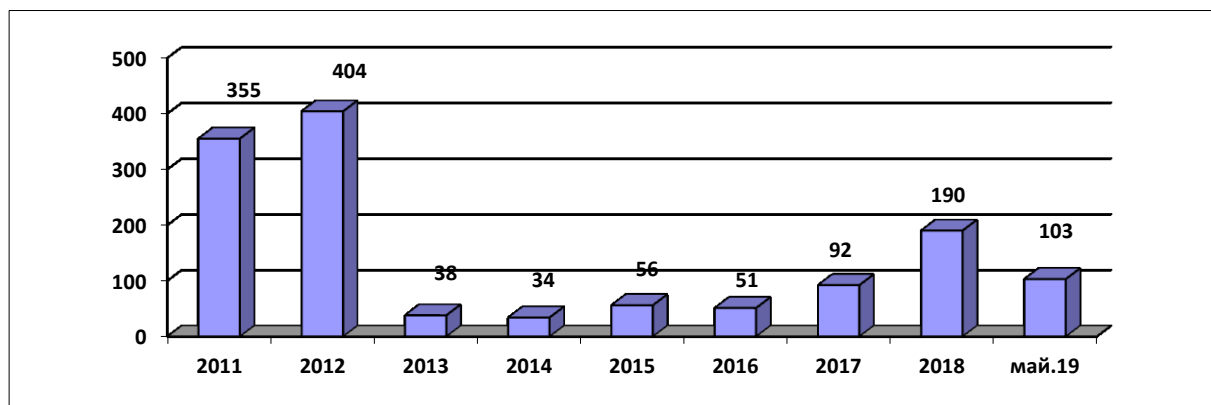
³ См.: URL: <http://crimestat.ru/aboutportal> (дата обращения: 10.06.2019).

⁴ См.: URL: <http://crimestat.ru/aboutportal> (дата обращения: 10.06.2019).

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» УК России в период с 2010 по май 2019 гг.

Аналогичная ситуация со снижением преступлений, квалифицируемых по ст. 285 УК РФ, наблюдается и в Республике Башкортостан. Выявлено, что в республике по ст. 285 УК РФ зарегистрировано в 2011 г. – 355 преступлений, а уже за январь – май 2019 г. – 103 преступления. Представим исследуемые данные в графическом виде (см. рис. 2).

Рис. 2. Количество зарегистрированных преступлений по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» УК России в период с 2010 по май 2019 гг. в Республике Башкортостан

Из графических данных выявлена отрицательная динамика зарегистрированных преступлений, квалифицируемых по ст. 285 УК РФ, совершенных на территории Республики Башкортостан за последние 9 лет. Справедливости ради укажем, что наивысшая позиция в рейтинге всех субъектов по количеству преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, у Республики Башкортостан, которая в 2018 г. (Краснодарский край и Республика Татарстан – 114 преступлений) и в 2012 г. занимала первое место. В 2017 г. лидирующие позиции по регистрации данного преступления занимали Республика Татарстан (139 преступлений), г. Москва (106 престу-

плений), Краснодарский край (104 преступления), в 2016 г. в Республике Татарстан зарегистрировано 183 преступления, Вологодской области – 95 преступлений, Краснодарском крае – 94 преступления¹.

Указанные данные свидетельствует о том, что количество совершаемых преступлений имеет общую отрицательную динамику на фоне незначительных колебаний по исследуемым годам. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что необходимо усилить комплекс мер, направленных на предупреждение указанного преступления.

Дополнительно укажем, что колебания показателей зарегистрированных злоупотреблений должностными полномочиями за относительно короткий период трудно логически объяснить, не иначе это связано с издержками латентности данного преступления.

Основным моментом, заслуживающим внимания в рамках рассматриваемых статистических данных, является то, что в последнее время все же происходит незначительное снижение преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ. Это может свидетельствовать о недостаточной работе по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, а также недостаточности проводимых мероприятий с целью предупреждения указанного преступления.

Уголовная статистика свидетельствует о том, что в доле коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, основное место занимают преступления, предусмотренные статьями 290 УК РФ «Получение взятки» и 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями».

Также необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство. При анализе состояния преступности исходим из статистических данных о зарегистрированных в органах внутренних дел преступлениях. При этом за пределами анализа остается латентная часть преступлений, о которых в правоохранительные органы не заявлялось, которые по тем или иным причинам не были выявлены.

В качестве вывода отметим, что на основе анализа статистических данных, связанных с данным преступлением, выявлена необходимость разработки эффективного механизма, направленного на противодействие злоупотреблению полномочиями и в органах внутренних дел. Несмотря на имеющийся комплекс общих мер предупреждения злоупотреблений должностными лицами в органах внутренних дел, среди всех правоохранительных органов они находятся на первом месте по количеству совершаемых злоупотреблений. В то же время представление об обстоятельствах, причинах и условиях преступлений, которые формируются на основе статистических данных по конкретным причинам, не могут быть основными при определении рычага специфического влияния на те или иные преступления. Это может быть непосредственно связано с системой учета преступлений, а

---

¹ См.: URL: <http://crimestat.ru/aboutportal> (дата обращения: 10.06.2019).

также с существующей проблемой латентности исследуемой группы преступлений. Несомненно, необходимо продолжить поиск путей совершенствования механизма, направленного на противодействие злоупотреблениям должностными полномочиями.

© Коломийченко Е. В.

УДК 343.233(470)

И. Р. Диваева – начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Т. В. Николаева – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ О СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

В статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель непосредственно отражает меру опасности, определяемую характером и степенью общественной опасности преступных посягательств, реализация которой осуществляется в санкциях уголовно-правовых норм. Познание законодателем общественной опасности криминализируемого деяния отражается в санкции уголовно-правовой нормы. Общественная опасность, нашедшая отражение в типовой санкции статьи, не исчерпывается только признаками состава преступления. Каждое конкретное преступление как факт социальной действительности всегда богаче абстрактного понятия о нем. Его совершение может сопровождаться такими сопутствующими специфическими и индивидуальными особенностями, имеющими множество оттенков, которые законодатель не включает в виде обобщенных, типизированных признаков в уголовно-правовую норму и не ставит в зависимость от них вопрос об основании уголовной ответственности и квалификации преступлений. Тем не менее эти жизненные подробности, подчеркивал В. Н. Кудрявцев, «присущи единичным преступлениям, но «не поднимаются до ранга» признаков состава... нередко... существенно влияют на оценку степени общественной опасности деяния», повышая или снижая ее¹.

---

¹ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960.

Именно с этой целью законодатель создал специальные нормы, предусматривающие открытый (ст. 61 УК) и закрытый (ст. 63 УК) перечни обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также ст.ст. 22, 64, 66, 67, 73 УК РФ и другие нормы уголовного законодательства, предоставляющие возможность суду соотносить меру назначения виновному наказания с учетом всех факторов совершенного преступления. Посредством указанных статей осуществляется индивидуализация уголовной ответственности и наказания. Индивидуализация наказания осуществляется правоприменителем и заключается в избрании конкретной меры воздействия к лицу, совершившему преступное посягательство¹.

Дифференциацию уголовной ответственности осуществляет сам законодатель, устанавливая различные уголовно-правовые последствия в зависимости от учтенной им степени общественной опасности деяния. Ю. И. Ляпунов отмечал: «Вряд ли может возникнуть сомнение относительно того, что дифференциация ответственности и индивидуализация наказания – руководящие принципы уголовного права»².

Поэтому основанием индивидуализации уголовной ответственности и наказания выступает, как и в дифференциации, типовая степень общественной опасности деяния и типовая степень общественной опасности лица, совершившего преступление.

В процессе осуществления индивидуализации наказания суд учитывает имеющиеся обстоятельства содеянного и данные, характеризующие личность виновного при назначении наказания или применении к нему иных уголовно-правовых мер, отталкиваясь от указанной в санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации типовой степени общественной опасности, в сторону более жестких или более мягких мер, но в пределах, предусмотренных законом, а в исключительных случаях и за пределами типовых санкций норм Особенной части УК РФ.

Средствами индивидуализации являются, в первую очередь, общие начала назначения наказания, в которых законодатель требует от суда в процессе назначения наказания учитывать особенности совершенного лицом деяния в рамках отягчающих или смягчающих обстоятельств, в том числе характеризующие виновного, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Кроме того, в уголовном законе предусмотрены так называемые специальные правила назначения наказания: назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, позволяющие смягчить уголовное наказание

---

¹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 1998.

² Ляпунов Ю. Принципы уголовного законодательства // Социалистическая законность. 1989. № 2. С. 33–37.

в пределах санкции или даже выйти за ее минимальные пределы или назначить иное, более мягкое наказание. Индивидуализация наказания возможна не только в смягчении наказания, но и в его «ужесточении», то есть назначении строгого наказания, но в рамках санкции нормы. Возможность выхода как за минимальные, так и максимальные границы санкции законодателем строго регламентирована в рамках общих начал назначения наказания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 60 УК РФ назначение более строгого наказания возможно только по совокупности преступлений и по совокупности приговоров. Чрезвычайно мягкое наказание допустимо только в соответствии с основаниями, закрепленными в ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление». Следовательно, законодатель делегирует право суду осуществлять чрезвычайное смягчение наказания, указывая при этом в качестве основания оценочную категорию «исключительные обстоятельства», но не позволяет суду выходить за максимальные пределы наказания в рамках конкретной санкции. Проследив аналогичию со ст. 64 УК РФ, в последнее время предлагается предусмотреть также право суда на усиление ответственности за преступление с выходом за максимальные пределы санкции, включив в главу о назначении наказания норму ст. 64.1 УК РФ «Назначение более строгого наказания, чем предусмотрено за данное преступление»¹. Аргументация автора о криминализации указанной нормы заключается в том, что ее включение в Уголовный кодекс «не повлияет на общую тенденцию к гуманизации национальной уголовной политики, поскольку эта норма будет применяться в исключительных случаях. Кроме того, она обеспечит достижение справедливости уголовного наказания, исключит необходимость ужесточения санкций за отдельные преступления, случаи недовольства в обществе принимаемыми судебными решениями и снизит в связи с этим желание совершать самосуд над причинителями вреда». Главная опасность такого нововведения, на наш взгляд, обусловлена не самим дополнительным уголовно-правовым средством усиления ответственности за конкретное преступление, а дополнительной возможностью для суда назначать наказания по своему усмотрению, а в ряде случаев, к сожалению, злоупотреблять своим правом.

Вопрос судебного усмотрения очень сложный. Безусловно, законодатель не в состоянии предусмотреть все обстоятельства, влияющие в той или иной мере на наказание в тексте закона, поэтому перечень обстоятельств, смягчающих наказание, является открытым и даже чрезвычайное смягчение допустимо при наличии исключительных обстоятельств, кото-

---

¹ Смирнов А. М. О необходимости назначения уголовного наказания выше высшего предела // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 132–135.

рые законодатель определяет также через категорию смягчающих наказание обстоятельств, но все что касается отягчения наказания, даже в пределах санкции является строго регламентированным. Так, перечень обстоятельств, отягчающих наказания, является закрытым и поэтому суд не вправе признать то или иное обстоятельство отягчающим по своему усмотрению, в отличие от смягчающих и даже исключительных обстоятельств. Антипод исключительных обстоятельств, смягчающих наказание, – исключительные обстоятельства, отягчающие наказание, которые также характеризуются обстоятельствами содеянного (целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления и другими обстоятельствами, влияющими на увеличение степени общественной опасности деяния), не могут существовать в рамках закона и увеличивать размер наказания выше высшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса. И это связано не только с проблемами злоупотребления полномочиями судей. Наказание должно быть справедливым, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Характер и степень общественной опасности всегда отражены в санкции уголовно-правовой нормы, которая может быть относительно-определенной или альтернативной.

Возникает вопрос: «Насколько санкции уголовно-правовых норм Особенной части Уголовного кодекса позволяют индивидуализировать наказание?»

Во-первых, законодатель предусматривает достаточно большой разрыв между минимальным и максимальным размером санкции.

Во-вторых, у суда в большинстве случаев есть возможность перейти к более строгому наказанию, если менее строгое не соответствует степени общественной опасности посягательства.

В-третьих, не менее важный аргумент заключается в том, что важно не ужесточение наказания, а понимание лицом, совершившим преступление, его неотвратимости.

Анализ статистических данных, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 год, свидетельствует о том, что суды общей юрисдикции при назначении наказания за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления реже назначают наказание в виде лишения свободы, близкое к максимальным границам санкции. Рассмотрим размеры назначенного наказания на примере составов убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (см. таблицу).

Статья УК РФ	Лишение свободы (всего)	До 1 года	От 1 до 2 лет	От 2 до 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 8 лет	От 8 до 10 лет	От 10 до 15 лет	От 15 до 20 лет	Наказание назначено ниже низшего предела: лишение свободы
Ч. 1 ст. 105 УК РФ (санкция от 6 до 15 лет лишения свободы)	6239	8	4	39	223	2794	2436	789		179
Ч. 2 ст. 105 УК РФ (санкция от 8 до 20 лет лишения свободы)	1639	0	4	2	33	172	279	704	445	31
Ч. 1 ст. 111 УК РФ (санкция до 8 лет лишения свободы)	2040	184	613	758	442	43				1
Ч. 4 ст. 111 УК РФ (до 15 лет лишения свободы)	5238	8	17	56	540	2743	1531	343		1

Представленные статистические данные позволяют утверждать, что суды чаще назначают наказание, близкое к средним границам санкции, нежели к максимальным границам. Так, за убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств, наказуемое до 15 лет лишения свободы, суды в 12 % приговоров выносят наказание от 10 до 15 лет лишения свободы, в 38 % приговоров выносят наказание в виде лишения свободы от 8 до 10 лет и в 44 % приговоров – от 5 до 8 лет лишения свободы. В квалифицированном убийстве (ч. 2 ст. 105 УК РФ) в 42 % приговоров наказание в виде лишения свободы назначается от 10 до 15 лет при максимальном размере наказания до 20 лет¹.

Такой же подход к индивидуализации наказания имеется и на примере умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ). При наличии максимального предела санкции до 8 лет лишения свободы чаще всего (37 %) суды назначают наказание в виде лишения сво-

¹ Форма 10.3 Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафа. Данные судебной статистики. – URL:<http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.11.2018).

боды от 2 до 3 лет или от 1 года до 2 лет (30 %), а наказание в его максимальных пределах (от 5 до 8 лет лишения свободы) было назначено только в 2 % приговоров.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности (максимальный размер наказания до 15 лет лишения свободы), в 52 % приговоров наказывается от 5 до 8 лет лишения свободы, а от 10 до 15 лет лишения свободы – только в 6,5 % приговоров.

Представленные данные подтверждают возможность индивидуализации наказания при наличии отягчающих обстоятельств в рамках санкции уголовно-правовой нормы. Следовательно, типовая общественная опасность достаточна для правоприменителя при оценке максимальной степени общественной опасности совершенного лицом деяния. В то же время минимальные размеры наказания не всегда соответствуют типовой общественной опасности, особенно при совершении лицом тяжкого и особо тяжкого преступления, поскольку перечень данных обстоятельств является открытым и сам законодатель не может определить все имеющиеся фактические обстоятельства содеянного, влияющие на уменьшение степени общественной опасности совершенного лицом преступления. Поэтому максимальные границы относительно-определенной санкции нормы уголовного закона могут отражать типовую общественную опасность совершенного лицом деяния, а минимальный размер санкции, как правило, приближен законодателем к минимальному размеру наказания, закрепленному в Общей части уголовного закона, либо формально определяется посредством определения категории преступления, либо непосредственно сводится к минимальному размеру наказания, предусмотренного в Общей части уголовного закона.

В отношении индивидуализации наказания с применением чрезвычайного смягчения следует отметить, что чаще всего судами применяется назначение наказания ниже низшего предела за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», повлекших по неосторожности смерть, или в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста (санкция от 12 до 20 лет лишения свободы) в 19 % приговоров, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», совершенных организованной группой или лицом с использованием своего служебного положения или лицом, достигшим 18-летнего возраста в отношении несовершеннолетнего или в крупном размере (санкция от 10 до 20 лет лишения свободы) в 26 % приговоров, в случае совершения данного преступления группой лиц по предварительному сговору или в значительном размере в соответствии с ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (санкция от 8 до 15 лет

лишения свободы) в 32 % приговоров. Решение суда о назначении наказания по указанным преступлениям с применением чрезвычайного смягчения объясняется высоким размером минимальной границы санкции в виде лишения свободы (12 лет лишения свободы, 10 лет лишения свободы, 8 лет лишения свободы), поскольку, например, при назначении наказания за причинение тяжкого вреда здоровью (минимальный размер наказания в виде лишения свободы 2 месяца) и за убийство (минимальный размер наказания 6 лет лишения свободы) нижняя граница наказания позволяет осуществлять индивидуализацию наказания без чрезвычайного смягчения, что, в свою очередь, отражается в статистических данных, согласно которым назначение наказания в виде лишения свободы ниже низшего предела назначалось по всем преступлениям, за которые было назначено наказание в виде лишения свободы в 4 % приговоров.

Наличие «диссонанса» между типовой и фактической общественной опасностью деяния обуславливает необходимость назначения наказания по ст. 64 УК РФ.

Важным аргументом, подтверждающим отсутствие явной необходимости в назначении наказания с чрезвычайным его «ужесточением», являются верхние границы наказания, в которых уже отражена максимально возможная степень общественной опасности, и у судов не возникают сложности в назначении сурового наказания в максимальных границах санкции.

Поэтому реализация принципа справедливости наказания возможна в рамках санкции уголовно-правовой нормы при назначении наказания в отношении лица, в деянии которого установлены судом обстоятельства, отягчающие наказание.

При назначении наказания важно учесть все обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Невозможно предусмотреть даже совокупность отягчающих обстоятельств, перечисленных в ст. 63 УК РФ, существенно увеличивающих степень общественной опасности, чтобы она не соответствовала максимальному размеру самого строгого наказания.

Проблема усиления мер уголовно-правовой репрессии в дальнейшем может сказаться на реализации целей наказания, в частности, на исправлении осужденного и предупреждении совершения им нового преступления. Немаловажным аспектом в данной проблеме являются и экономические затраты государства в случае назначения наказания в виде лишения свободы на длительные сроки.

Своевременное реагирование законодателя на особенности совершаемых преступлений для последующей дифференциации уголовной ответственности можно представить как альтернативу решения поставленной проблемы. Эту возможность законодатель успешно реализует, о чем свидетельствует, например, целый комплекс изменений в уголовном законодательстве по преступлениям, совершаемым в отношении половой не-

прикосновенности малолетних, не достигших 12-летнего возраста, где законодатель предусмотрел максимально строгое наказание – пожизненное лишение свободы; за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, где дифференциация ответственности была обусловлена совершением преступления в состоянии опьянения и наступлением тяжких последствий в виде смерти нескольких потерпевших, и наказание в виде лишения свободы до пятнадцати лет за совершение неосторожного преступления.

Еще одна возможность суда назначить более строгое наказание заключается в возможности суда изменить квалификацию в соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ в случае, если преступление было совершено в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста (несмотря на то, что данный подход представляется спорным, поскольку не соответствует основаниям для привлечения лица к уголовной ответственности).

Таким образом, вопрос об индивидуализации наказания с его «ужесточением», т. е. с выходом за максимальный размер предусмотренного в санкции статьи наказания, существенно увеличивает право суда по своему усмотрению назначать суровое наказание. Данное изменение в уголовном законодательстве явно не соответствует принципу гуманизма, законности и справедливости, нарушает принцип экономии уголовно-правовых репрессий и влечет за собой целый «блок» последующих изменений: в общих началах назначения наказания необходимо будет закрепить право суда в исключительных случаях выходить за максимальные пределы наказания за совершенное лицом преступление, перечень обстоятельств, отягчающих наказания, следует признать открытым, предусмотреть соответствующие виды назначения более строгого наказания, чем предусмотрено санкцией уголовно-правовой нормы (возможно по аналогии с нормой о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление). В представленных последующих изменениях уголовного законодательства особенно настораживает ситуация, связанная с необходимостью признания перечня обстоятельств, отягчающих наказания, открытым. При наличии такого подхода у суда возникает право не только ужесточить наказания, выйдя за его пределы, но и признать любое обстоятельство отягчающим по своему усмотрению. Данный подход к регулированию перечня обстоятельств, отягчающих наказание, скажется и на возможности назначения наказания в пределах санкции уголовной нормы.

Учитывая все вышеизложенное, нам представляется целесообразным вместо индивидуализации наказания в рамках его ужесточения, осуществить дифференциацию уголовной ответственности, которая будет отражать в санкции квалифицированного признака состава соответствующее его степени опасности наказание. Это устранил возможность суда злоупотреблять своими полномочиями при назначении наказания, т. е. сузит возможности судебного усмотрения, и в большей мере будет способствовать

реализации принципов законности и справедливости при назначении лицу, виновному в совершении преступления, уголовного наказания, будет направлено на экономию мер уголовно-правовой репрессии. В то же время вопросы законодательной регламентации назначения наказания при наличии смягчающих и исключительных обстоятельств нуждаются в доработке, поскольку чрезвычайное смягчение сегодня возможно при наличии в качестве основания его применения оценочной категории «исключительные обстоятельства», которые законодателем определяются как смягчающие обстоятельства, перечень которых является открытым. Поэтому суд может признать любое обстоятельство, по своему усмотрению, исключительным. Отсюда вопросы индивидуализации наказания, безусловно, требуют определенного внимания со стороны законодателя, с точки зрения правовой регламентации оснований назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств. Требуются четкие законодательные критерии, которые позволят отграничить основания назначения по правилам ст. 64 УК РФ и ст. 62 УК РФ.

Усиление уголовного наказания возможно в рамках санкции статьи уголовного закона, поскольку типовая общественная опасность преступления является достаточной для назначения наказания при наличии обстоятельств, отягчающих наказание.

© Диваева И. Р.

© Николаева Т. В.

УДК 343.226:343.368(470)

Р. Е. Токарчук – заместитель начальника кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Симферополь)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕСЕЧЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПОБЕГОВ ИЗ-ПОД СТРАЖИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

При выполнении служебных задач сотрудники полиции, в исключительных случаях, для пресечения побега лиц, подозреваемых в совершении или совершивших преступление, должны причинять последним вред, в том числе посредством применения огнестрельного оружия, что закреплено в их полномочиях. Пунктом 7 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от

7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ (далее – ФЗ «О полиции») определено, что они имеют право применять огнестрельное оружие для пресечения побега из мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц (далее – побега из-под стражи), задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы (далее – беглецов), а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц.

Между тем, несмотря на закрепление рассматриваемых полномочий сотрудников полиции, среди обстоятельств, исключающих преступность деяния уголовного закона, нет нормы, позволяющей причинять этот вред.

О том, что рассматриваемая нами проблема актуальна, можно судить по диссертации А. В. Никуленко 2019 года. В своей работе этот автор указывает, что одни ученые считают причинение вреда беглецу необходимой обороной, а другие – задержанием лица, совершившего преступление. Придерживаясь первой позиции, А. В. Никуленко тем не менее не предлагает адекватного решения обнаруженного и подтвержденного им пробела уголовного закона². На наш взгляд, причинение вреда беглецу не является необходимой обороной, крайней необходимостью или задержанием лица, совершившего преступление.

Статья 38 УК РФ³ не охватывает рассматриваемые случаи в связи с тремя факторами. Во-первых, задержание лица, совершившего преступление, не охватывает случаи задержания беглеца, так как побег возможен только после состоявшегося задержания и доставления органам власти или даже из места лишения свободы. Об этом свидетельствуют также требования ФЗ «О полиции», определяющие эти два случая задержания самостоятельными основаниями для применения огнестрельного оружия (пп. 4 и 7 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»). Во-вторых, указание в ст. 38 УК РФ на цель доставления органам власти фактически определяет, что субъектом данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, не может быть представитель власти, ведь передача задерживаемого лица сотруднику полиции и есть передача его органу власти. Не случайно в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 особо разъяснено, что положения ст. 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоох-

---

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Андрей Вячеславович Никуленко; ФГКОУ ВО Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб. 2019. С. 206–207.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление¹.

В-третьих, вся основа права задержания лица, совершившего преступление, строится на очевидности обстоятельства совершения преступления, т. е. субъект, пользующийся этим правом, либо видел совершение преступления и посягающего, либо на него указали свидетели, а лицо пытается скрыться с места этого преступления стараясь избежать ответственности. Размер допустимого вреда определяется характером и степенью общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления, что указывает на необходимость его визуальной оценки.

Приведенное постановление Пленума Верховного Суда при анализе ст. 38 УК РФ даже не упоминает случаев совершения побега. Конечно, побег из-под стражи лица, представляющего угрозу безопасности людей, при отсутствии других подходящих обстоятельств, исключающих преступность деяния, можно рекомендовать отнести к необходимой обороне. Но это противоречит принципу законности, так как угроза жизни людей, даже если беглец представляет такую опасность, носит вероятностный, а не непосредственный характер, а аналогия недопустима. Когда же такая опасность непосредственно возникнет, возникнет и основание для необходимой обороны.

Все уголовное законодательство Российской Федерации состоит исключительно из УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, в обязательном порядке должны находить отражение в этом кодексе (ч. 1 ст. 1 УК РФ). В соответствии с принципом равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от должностного положения, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Согласно приведенным положениям уголовного закона право сотрудников полиции на причинение вреда преступнику, совершающему побег из-под стражи, должно быть в нем закреплено, но этого нет.

Тот факт, что полномочия сотрудников полиции по причинению вреда беглецу не предусмотрены в дозволительных нормах уголовного закона, одна сторона рассматриваемой проблемы. Есть и другая – отсутствие этой дозволительной нормы исключает допустимость причинения любого вреда беглецу частными лицами или федеральными государственными служащими органов безопасности и правопорядка, которым такое право не

---

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предоставлено в регламентирующих их службу федеральных законах.

Например, соответствующего права на причинение вреда преступнику, совершающему побег, нет у гражданских лиц, имеющих огнестрельное оружие на законных основаниях. Соответствующее право на причинение вреда преступнику, совершающему побег, не предусмотрено в ст. 27 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 07 марта 2018 г.) «О государственной охране»¹ для сотрудников органов государственной охраны. Соответственно, любая попытка задержания беглеца этими лицами может быть расценена как преступление против личности или превышение должностных полномочий. Такое положение нельзя признать соответствующим целям и задачам уголовного закона. С одной стороны, этот закон направлен на охрану общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений – с другой и отрицает уголовно-правовые средства борьбы с побегами преступников из-под стражи. Получается, что дозволительные нормы уголовного закона не отвечают запросам общества в вопросе обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Следует также заметить, что международные нормы, регламентирующие вопросы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, также признают допустимыми случаи применения огнестрельного оружия в отношении беглеца и отделяют эти случаи от права его применения для задержания лица, совершившего преступление.

Так, Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод»² определяет, что лишение жизни человека допустимо, когда является результатом абсолютно необходимого применения силы «для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях». Статья 9 «Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка Организации Объединенных Наций»³ предусматривает применение огнестрельного оружия правоохранителями «с целью предотвращения совершения особо серьезного преступления, влекущего за собой большую угрозу для жизни, с целью ареста лица, пред-

---

¹ О государственной охране: федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 07 марта 2018 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О защите прав человека и основных свобод: Конвенция ETS № 005 (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 13 мая 2004 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка: приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся 27 августа – 7 сентября 1990 года в Гаване // Конвенции и соглашения ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml (дата обращения: 15.08.2018).

ставляющего такую опасность, сопротивляющегося их власти, или с целью предотвращения его побега лишь в тех случаях, когда менее решительные меры недостаточны для достижения этих целей».

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, при этом правила международного договора имеют приоритет перед законом. Уголовный закон, в соответствии с его 1 статьей, основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права.

То обстоятельство, что «Принципы применения силы ООН» допускают применение огнестрельного оружия в отношении беглеца, который совершил особо тяжкое преступление, посягающее на жизнь, либо представляет опасность его совершения, обуславливает следующие выводы:

– с одной стороны, сотрудники полиции, осуществляющие сопровождение лица, находящегося под стражей на законных основаниях, должны обладать информацией, которая указывала бы на степень его личной опасности или тяжесть совершенного преступления;

– с другой стороны, в уголовном законе в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, должна быть закреплена возможность причинения вреда лицу, пытающемуся совершить побег из-под стражи и представляющему опасность совершения преступления, угрожающего жизни или здоровью человека.

Если беглец не совершал насильственных преступлений и не представляет такой угрозы, то применение в его отношении огнестрельного оружия на поражение неуместно и не должно допускаться, так как его задержание в современных условиях – лишь вопрос времени и прямой опасности для людей беглец не представляет. Его пребывание на свободе не предполагает вероятности большого ущерба для общества.

Приведенные примеры законодательной несогласованности необходимо устранить. Эти изменения требуют системности и комплексности. С одной стороны, необходимо скорректировать обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотрев допустимость причинения вреда здоровью или даже смерти при необходимом применении силы для предотвращения побега лица, представляющего опасность для людей и заключенного под стражу на законных основаниях. С другой стороны, в нормативных правовых актах, регламентирующих условия, порядок и пределы применения оружия федеральными государственными служащими органов безопасности и правопорядка, необходимо определить, что применение огнестрельного оружия в отношении лица, совершающего побег из-под стражи, допустимо только тогда, когда это лицо совершило насильственное преступление и может представлять опасность совершения аналогичного деяния.

Наши предложения основаны на требованиях международных норм и социально обоснованы. Реализация этих предложений позволит, во-первых, легализовать в уголовном законе право причинения вреда лицу, совершающему побег из-под стражи, вплоть до причинения смерти; во-вторых, ограничить основания применения оружия специальными субъектами только в отношении беглецов, представляющих угрозу для жизни или здоровья людей.

© Токарчук Р. Е.

УДК 343.533(470+100)

Н. С. Сорокун – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Ростов-на-Дону);

Е. С. Цыганкова – курсант 3-го курса 611-ой учебной группы факультета подготовки специалистов по программам высшего образования Ростовского юридического института МВД России (Россия, г. Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Проблема ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности традиционно является предметом пристального внимания ученых как отечественной, так и международной правовой доктрины. Специфика нарушения, влекущего за собой административную, уголовную и налоговую ответственность, заключается в самой форме взаимодействия личности, обладающей конституционным правом на осуществление предпринимательской деятельности, с государственной властью в рамках рыночной экономики.

В российской науке тема незаконного предпринимательства представляется достаточно разработанной, несмотря на то, что ввиду социально-исторических обстоятельств вновь актуализирована она была лишь с начала 90-х годов XX века. Так, среди отечественных исследователей можно выделить А. В. Чеботарева, А. В. Силаева, Н. А. Лопашенко, Т. Д. Устинову, П. С. Яни, О. А. Белареву, В. Н. Лубешко и других.

Следует отметить, что научные взгляды на проблему незаконного

предпринимательства обращены в своем большинстве на уголовно-правовые признаки преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, а не на ответственность за совершение нарушения в комплексе с административной и налоговой ответственностью. Между тем категория ответственности в разрезе стремительно развивающихся общественно-экономических отношений приобретает свойство определенного критерия, лежащего в основе оценки и анализа существующих властно-экономических отношений. Например, как справедливо отмечает А. В. Чеботарев, российский законодатель на протяжении последних пятнадцати лет не успевал реагировать на динамичное развитие рынка, объявленного свободным¹.

Как следствие, цель «оздоровления» общественно-экономических отношений правового государства не могла быть достигнута в условиях возрастания криминогенности в самой сфере ее реализации. На сегодняшний день ст. 14.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность различных субъектов за незаконное предпринимательство в виде административного штрафа, не превышающего пятьдесят тысяч рублей. Надо заметить, что КоАП РФ разграничивает ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации (ч. 1 ст. 14.1) и без специального разрешения (лицензии) (ч. 2 ст. 14.1). Отдельная ответственность также предусмотрена за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований такого разрешения (ч. 3 ст. 14.1) и грубым нарушением этих требований (ч. 4 ст. 14.1). Таким образом, российскую систему административной ответственности за исследуемое правонарушение можно смело обозначить как достаточно гибкую. УК РФ в ст. 171 устанавливает уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, при условии причинения крупного ущерба либо извлечения дохода в крупном размере.

Гибкость механизма ответственности, отмеченная автором выше, в ст. 171 УК РФ явно отсутствует, бланкетность диспозиции многие авторы справедливо относят к видимым недостаткам. Наказание же предусмотрено в виде штрафа до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы, иного дохода осужденного за период до двух лет, обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов, ареста на срок до шести месяцев. Обстоятельства, отягчающие наказание, выражены в совершении преступления организованной группой или при извлечении дохода в особо крупном размере.

Следует упомянуть и о налоговой ответственности, которая, согласно ст. 116 НК РФ, наступает при нарушении порядка постановки на учет в налоговом органе. При этом диспозиция статьи предусматривает как на-

---

¹ Чеботарев А. В. Сравнительно-правовая и историческая характеристики уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное предпринимательство // ЮП. 2008. № 1

рушение сроков обращения с заявлением о регистрации, так и полное бездействие в данном отношении. Разумеется, бездействие влечет за собой более суровые последствия, а именно взыскание штрафа в размере 10 % от дохода, полученного в период осуществления деятельности, но не менее 40 тыс. руб. Отсюда особенностью ответственности за незаконное предпринимательство в России является ее ярко выраженный имущественный характер. В то же время для стран дальнего зарубежья, уголовное законодательство которых отличается одновременным закреплением уголовных преступлений и значительных проступков в Уголовных кодексах Франции, Германии, Польши, Испании, Италии, США, характерно установление ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в качестве ее осуществления без лицензии. Важно то, что исследуемый состав определяется как проступок, а не уголовное преступление. Европейский подход к ответственности за незаконное предпринимательство позаимствовали страны Прибалтики в ходе масштабной законодательной реформы, в рамках которой хозяйственная деятельность без лицензии или запрещенная хозяйственная деятельность была определена как проступок, а незаконное предпринимательство без регистрации в качестве самостоятельного наказуемого деяния не нашло места¹.

Уголовное законодательство Китая об ответственности за незаконное предпринимательство закономерно отвечает требованиям экономической системы этого государства. Так, установлена ответственность за преступления, связанные с нарушением порядков социалистического рынка, незаконную банковскую деятельность, незаконное привлечение вкладов населения и пр.² Т. Д. Устинова по этому поводу пишет, что отсутствие уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в США и странах Европы обусловлено давно сложившимся и отлаженно работающим иным правовым механизмом, включающим в себя мощные экономические инструменты управления, устойчивую систему гражданского и финансово-налогового права³.

Таким образом, научный контекст вопроса об ответственности за незаконное предпринимательство включает в себя позиции противников и приверженцев криминализации данного деяния. При этом выделяется либеральный (европейский) подход, согласно которому правовое регулирование осуществления предпринимательской деятельности требует не жесткого уголовно-правового преследования, а грамотной финансово-

---

¹ Урда М. Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: монография / под науч. ред. Т. Г. Понятовской. М.: Юрлитинформ, 2012.

² Зарубин А. В. Ответственность за незаконное предпринимательство в уголовном праве зарубежных государств // Криминалист. 2016. № 2 (19)

³ Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. М.: Юстицинформ, 2012.

налоговой политики. Иной подход, применяемый в странах с нестабильной политической обстановкой, постперестроечных странах или в рамках социалистической экономической модели, предусматривает ужесточенный порядок привлечения к ответственности за то же деяние путем наделения его статусом преступления.

В заключение следует отметить, что российский опыт борьбы с незаконным предпринимательством уже содержит в себе многочисленные диспуты относительно президентского законопроекта, внесенного на рассмотрение в Государственную Думу 26 мая 2018 г., о либерализации квалификации, в том числе незаконного предпринимательства. Однако такое серьезное для отечественной экономики изменение может повлечь за собой усиление ее теневого фактора, хотя нельзя не согласиться с тем, что правосознание участников отечественных экономических отношений в настоящее время значительно отличается от правосознания их предшественников. Это обусловлено глобализацией мировых экономических отношений в целом, успешное внедрение в процесс разворачивания которых требует ментального единства и соблюдения общепринятых нравственно-этических ценностей.

© Сорокун Н. С.

© Цыганкова Е. С.

УДК 343.614(470)

Е. В. Стебенева – доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург);

В. С. Харламов – доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА ЧЛЕНА СЕМЬИ

Одним из негативных социальных явлений являются суициды. Отсутствие в российском законодательстве каких-либо санкций за данное деяние не означает, что самоубийство не является отклонением от социальных норм поведения и судьба человека, продолжительность его жизни и обстоятельства ухода из жизни безразличны для общества. Суициды свидетельствуют о наличии в обществе, в межличностных отношениях

проблем, которые человеку разрешить не под силу обычным, общепринятым путем. Только за 2018 год в России покончили жизнь самоубийством 18206 человек¹.

Особую категорию в уголовном законодательстве представляют составы преступлений, связанные с причинением себе смерти самим потерпевшим, но под воздействием влияния извне – ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Остановимся подробнее на рассмотрении фактов доведения до самоубийства, что в преобладающем большинстве происходит во внутрисемейных отношениях.

Ответственность за доведение до самоубийства, в том числе члена семьи, предусмотрена в ст. 110 УК РФ и является преступлением против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ).

В судебной практике факты доведения до суицида в семейной сфере происходят между супругами, родителями и детьми, иными членами семьи, а это, в первую очередь, повышает латентность данного вида деяния в силу приватности отношений; во-вторых, находясь в постоянном тесном контакте, домочадцы оказывают достаточно сильное влияние друг на друга, что, несомненно, облегчает выполнение угроз, жестокого обращения, систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Так, приговором Актанышского районного суда Республики Татарстан Р. М. Мухаметянов признан виновным за доведение до самоубийства дочери, и ему назначено наказание в виде двух лет лишения свободы с испытательным сроком один год шесть месяцев².

Проблемы выявления, доказывания доведения до самоубийства обуславливают немногочисленность зарегистрированных фактов рассматриваемого деяния. По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2018 году в России число лиц, осужденных по основному составу преступления, предусмотренному ст. 110 УК РФ, составило всего 16 человек³.

Видовым объектом рассматриваемого посягательства являются пра-

---

¹ Демография. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 30.06.2019).

² Приговор Актанышского районного суда Республики Татарстан от 02.02.2012. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/22126440>(дата обращения: 28.06.2019).

³ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год. Ф.10-а; Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 года. Ф.11. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.06.2019).

во на жизнь и здоровье человека, непосредственным объектом – жизнь члена семьи, понимаемая в биологическом смысле как особая биологическая форма существования белковых тел в виде физиологического процесса продолжительностью, ограниченной рождением и смертью, определяющими начало и конец жизни.

Объективная сторона преступного посягательства выражается в активных действиях, реже – в бездействии виновного, провоцирующим поведением которого вызвано самоубийство или покушение на самоубийство виктимогенного домочадца.

В диспозиции рассматриваемого преступления представлены все способы доведения до самоубийства: «путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Угрозы могут быть выражены в лишении жилища и средств к существованию. Жестокое обращение нередко реализуется в истязании. Систематическое унижение человеческого достоинства имеет место, когда виновный насмехается над жертвой.

Внешне выглядит добровольным действием, когда потерпевший сам причиняет себе смерть либо покушается на самоубийство. Провоцирующее поведение виновного выражается в доведении домочадца до угнетенного душевного состояния, при котором последний, психологически травмированный, не видит иного выхода из ситуации, как покончить жизнь самоубийством.

Состав преступления по конструкции объективной стороны материальный – криминальное деяние окончено с момента самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего.

Субъективная сторона указанного преступления сконструирована в форме вины с прямым или косвенным умыслом. В законе не выделяется, но подразумевается цель виновного – доведение до самоубийства, и в отдельных случаях ее следует обосновывать и доказывать. В теории уголовного права субъективная сторона доведения до самоубийства вызывает дискуссию. Нельзя согласиться с авторами, которые утверждают, что прямой умысел трансформирует содеянное в убийство¹. Принципиальная разница по объективной стороне имеется в рассматриваемых деяниях.

Субъектом преступления является любой злоумышленник, достигший возраста шестнадцати лет, состоящий в семейных отношениях с потерпевшим.

К квалифицированному составу доведения до самоубийства (ч. 2 ст. 110 УК РФ) относится доведение до самоубийства, которое совершено при следующихотягчающих обстоятельствах: «а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспо-

---

¹ См., напр.: Уголовное право. Особенная часть. Ч. 1. СПб., 1995. С. 101; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко. М., 2004. С. 246.

мощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)).

Квалификация содеянного по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ может быть установлена лишь в том случае, если виновное лицо осознавало, что доводит до самоубийства, в нашем случае члена семьи, который не достиг восемнадцатилетнего возраста, либо взрослого родственника, который находился в беспомощном состоянии. Судья или другой правоприменитель также вправе квалифицировать содеянное по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, если жертва суицида находилась в материальной или иной зависимости от виновного. Подобная корреляция часто характерна для лиц, находящихся в семейных отношениях. В частности, если один из рассматриваемых фигурантов преступления является инвалидом либо нетрудоспособным супругом, находящимся на содержании других домочадцев. Степень взаимозависимости преступника и жертвы надлежит устанавливать суду на основании собранных доказательств.

Квалификация содеянного по п. «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ может быть установлена лишь в том случае, если виновное лицо осознавало, что доводит до самоубийства члена семьи – женщину, находящуюся в состоянии беременности.

Применение п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ при квалификации рассматриваемого деяния возможно при доведении до самоубийства двух или более домочадцев, находящихся в семейных отношениях с виновным. Осуществленное группой лиц по предварительному сговору доведение до самоубийства (п. «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ) предполагает, что два и более лица заранее договорились о совместном совершении рассматриваемого преступления. Применение п. «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ при квалификации рассматриваемого деяния возможно также при его совершении организованной группой. Ее характерными признаками, раскрытыми в ч. 3 ст. 35 УК РФ, являются следующие: а) участники группы заранее объединились для совершения одного или нескольких криминальных посягательств; б) наличие в группе двух или более участников; в) устойчивость и сплоченность группы.

Все участники организованной группы, осуществившей доведение до суицида домочадца, подлежат уголовной ответственности по п. «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ независимо от выполненной в процессе рассматриваемого преступления роли. Характерно, что хотя бы один из виновных участников группы по предварительному сговору или организованной группы должен состоять в семейных отношениях с потерпевшим. Следует отметить, что по п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ содеянное квалифицируется лишь в том случае, если виновное лицо осознавало, что доводит до самоубийства домочадца, совершая противоправные действия, представляющие опасность для

его жизни, в любом из альтернативных или совместных актов, определенных законом: 1) в публичном выступлении; 2) в публично демонстрирующемся произведении; 3) в средствах массовой информации; 4) в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» – и желало так поступить. В противном случае применение п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ исключено. В соответствии с примечанием к ст. 110.2 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности за доведение до самоубийства в случае, когда указанная персона добровольно прекратила соответствующую преступную деятельность, активно способствовала раскрытию и /или пресечению этого преступления при условии, если в ее действиях не содержится иного состава преступления.

Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства предусмотрено ст. 110.1. УК РФ. Криминализована также организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2. УК РФ). Однако в отечественной судебной практике совершение указанных преступлений именно в сфере семейных отношений не зафиксировано.

© Стебенева Е. В.

© Харламов В. С.

УДК 343.241(470)

З. Р. Мугинова – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа);

Е. А. Сокуренок – курсант 3-го курса факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ: ОСНОВЫ И СУЩНОСТЬ

Наказание представляет собой концентрированный способ воздействия на неправомерное поведение людей, содержание которого носит всеобъемлющий характер, и в связи с этим философские, теологические и психологические науки, наряду с уголовно-правовой наукой, оказывали и оказывают немаловажное влияние на его изучение, определение его критериев и установление пределов.

Необходимо отметить, что очень продолжительный период сущность наказания обосновывалась религиозными требованиями и обычаями о каре или возмездии. Так, в Коране говорится: «Правоверные, закон возмездия установлен вами за убийство: свободный должен умереть за свободного, и слуга за слугу ...», в Библии сказано: «Я взыщу кровь вашу за вас, от вся-

кого зверя взыщу ее и от руки человека, от руки всякого брата его взыщу душу человека. Кто прольет человеческую кровь, того кровь прольется человеком», в Евангелии – «Мне отмщение и аз воздам».

С философской точки зрения, наказание – это явление, способное воздействовать на лицо, совершившее преступление, и вразумить его на то, что он поступил неправильно. Гегель утверждал, что «с преступником должно быть поступлено так, как он сам поступил»¹. И. Кант также считал, что «только право возмездия (*justalionis*), но непременно судом, может определенно указать и количество и качество (размер) наказания ...»².

Человечество на протяжении всей истории своего существования ставило перед собой задачу защищать свои права и законные интересы, используя при этом все возможности, которые у них имеются. Принуждение на протяжении многих столетий являлось самым эффективным способом воздействия на лиц, совершивших преступление и тем самым нарушивших права других граждан. Н. С. Таганцев утверждал, что общественный строй по мере своего развития поэтапно переходил от неэффективных и случайных форм защиты к устойчивым и гарантированным, что позволило научиться применять в отношении правонарушителя наиболее действенные меры государственно-правового характера³.

Профессор Н. Д. Сергиевский констатировал: «Попытки обосновать право государства наказывать стали предприниматься уже с давних пор. Создано и существует огромное количество теорий, в частности метафизических. Начиная с Гуго Гроция, насчитывается до 24 полных философских систем и около 100 отдельных теорий разных криминалистов, примыкавших, в общем, к тому или другому направлению»⁴.

Теоретические точки зрения, которые были выдвинуты различными учеными, в дальнейшем находили свое отражение в принципах и доктринах, а также закреплялись в уголовно-правовых нормах. При этом следует отметить, что к пониманию сущности уголовного наказания каждый ученый подходил по-разному. Так, например, Ю. В. Бышевский и А. И. Марцев полагали, что уголовное наказание представляет собой кару за преступление, которое данное лицо совершило⁵. Другую позицию по этому вопросу занимает П. И. Осипов, который считал, что нецелесообразно рассматривать уголовное наказание лишь в качестве кары, и необходимо учитывать все способы воздействия на лицо, совершившее преступление⁶.

¹ Гегель. Философия права. Соч. т. 8. М.: Мысль, 1934. С. 98.

² Кант Иммануил. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 167.

³ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: автограф, 2001. С. 371.

⁴ Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1913. С. 237.

⁵ Бышевский Ю. В., Марцев А. И. Криминологическая характеристика личности вора. Омск, 1973. С. 29.

⁶ Осипов П. И. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовой санкции. М.: Госюриздат, 1976. С. 238.

Г. А. Кригер усматривал «сущность наказания в лишении лица, виновного в совершении преступления, тех или иных благ»¹.

Отметим, что институт уголовного наказания получил нормативно-правовое закрепление сравнительно недавно, хотя существует уже долгое время. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) и «Уголовное уложение» (1903 г.) являлись единственными нормативно-правовыми актами в данной области в то время, однако не содержали в себе единого понятия, которое бы предопределяло сущность и назначение уголовного наказания. В ст. 7 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» (1919 г.) впервые было закреплено, что «наказание – это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)»². Именно это понятие и послужило отправной точкой для последующего развития в рамках уголовного законодательства.

Согласно ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». По логике закона уголовное наказание обязательно должно следовать за преступлением и выступать в форме обязательного юридического последствия³. На первый взгляд, сформулированное в ст. 43 УК РФ понятие уголовного наказания является исчерпывающим и доступным для его понимания, в то же время оно является достаточно сложным, т. к. включает в себя совокупность способов уголовно-правового воздействия, осложненных целым рядом элементов:

– во-первых, Уголовный кодекс своим содержанием охватывает в той или иной мере и кару, выступающую в роли возможного конкретного уголовного наказания и имеющую отражение в соответствующей статье⁴;

– во-вторых, только суд вправе назначать лицу, совершившему преступное деяние, наказание, а также устанавливать размер и характер кары, которая будет выступать в роли цели восстановления социальной справедливости в обществе;

– в-третьих, суд с учетом всех особенностей и положений определяет временные рамки при назначении уголовного наказания, в течение которых общество и государственные органы будут оказывать воздействие на лицо, виновное в совершении преступления в целях коррекции его поведе-

---

¹ Кригер Г. А. Наказание и его применение. М.: Юридическая литература, 1962. С. 65.

² Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 (утратило силу в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК от 01.06.1922) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2019).

³ Бадамшин И. Д. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в законодательстве России: автореф. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД Российской Федерации, 2005. С. 3.

⁴ Бадамшин И. Д. Влияние формальных оснований на реализацию поощрительных норм в уголовном законодательстве Российской Федерации // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. Т. 7. № 4. С. 106.

ния, исправления и формирования уважительного отношения к окружающим¹;

– в-четвертых, исполненное уголовное наказание влечет за собой особое правовое последствие в виде судимости, которая продолжает оказывать воздействие на лицо, отбывшее уголовное наказание, в целях предупреждения совершения им новых преступлений и адаптации в гражданском обществе².

Таким образом, учитывая вышеизложенное, мы можем прийти к выводу о том, что уголовное наказание является достаточно специфичным и суровым видом принудительного воздействия органов государственной власти на лиц, виновных в совершении преступления. Данное правовое явление несравнимо с иными мерами воздействия, т. к. имеет индивидуальные функции, цели и задачи. Под наказанием мы понимаем лишь то, что закреплено непосредственно в уголовном законе, не придавая ему каких-либо дополнительных значений.

© Мугинова З. Р.

© Сокуренок Е. А.

УДК 343.341:343.614(470)

Т. Н. Нуркаева – профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа);

М. А. Артамонова – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

Статья 110² УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» выступает очередной законодательной новеллой по противодействию суицидам. Особенно это актуально в отношении несовершеннолетних. В средствах массовой информации все чаще стали появляться упоминания о страшных играх, участие в которых

---

¹ Бадамшин И. Д. О содержании понятия исправления осужденных как цели уголовного наказания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 3 (65). С. 28.

² Черепашкин А. С., Бадамшин И. Д. К вопросу о содержании целей наказания в уголовном праве // Социум и власть. 2014. № 5 (49). С. 36.

может стоить ребенку жизни. Так, большую популярность и интерес среди несовершеннолетних вызывают сообщества под названием «группы смерти», пропагандирующие суицид в социальных сетях («ВКонтакте», «Инстаграм», «Одноклассники» и пр.). Напомним, что общественный резонанс вызвала статья журналиста Галины Мурсалиевой «Группы смерти», опубликованная 16 мая 2016 г. Автор описала преступный механизм вовлечения несовершеннолетних в социальные сети, содержащие суицидальный контент, а также механизм функционирования закрытых «групп смерти». По материалам журналистского расследования в результате участия в Онлайн-игре «Синий кит» погибло около 130 детей¹.

По данным различных официальных источников, в России за 2016 год резко возросло число подростковых суицидов. Согласно аналитическим материалам Следственного комитета РФ рост детских суицидов связан с активизацией «групп смерти» и «перекодировкой сознания» несовершеннолетних в социальных сетях, которые в прямой или косвенной форме пропагандируют самоповреждение или самоубийства². По данным Следственного комитета РФ, в 2016 году добровольно ушли из жизни – 720, в 2017 году – 692, за девять месяцев 2018 года – 583 подростка³.

Учитывая этот факт, законодатель восполнил существующий в уголовном законодательстве пробел, криминализовав деяние, вызвавшее особую актуальность в связи с глобальным развитием информационных технологий и появлением новых способов психического воздействия на сознание человека через Интернет-ресурсы.

Однако среди сотрудников правоохранительной системы и теоретиков в области уголовного права возникают вопросы, связанные с применением данной статьи и толкованием признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления. Остановимся на этом подробнее.

Обязательными признаками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 110² УК РФ, являются действия виновного лица, связанные с организационной деятельностью, направленной на побуждение к суициду путем распространения информации о способах его совершения или призывов к его совершению.

Следует отметить, что уголовный закон содержит нормы, предусматривающие ответственность за организацию той или иной преступной (запрещенной) деятельности: ст. 171.2 УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр», ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по

---

¹ Мурсалиева Г. Группы смерти [Электронный ресурс] / Г. Мурсалиева. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 20.06.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/05/2017/5909bf8c9a794771c976b2e8> (дата обращения: 01.07.2019).

³ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/?pdf=1> (дата обращения: 01.07.2019).

привлечению денежных средств и (или) иного имущества», ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией», ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции».

Содержание вышеназванных составов преступлений, предусматривающих ответственность за организацию той или иной преступной деятельности, раскрывается в отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по конкретным делам. В частности, п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъясняет, что под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации понимаются «действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации)»¹. Сходное определение понятия «организации деятельности террористической организации» дает и п. 22.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»².

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова слово «организовать» означает «основать, учредить, объединить для какой-нибудь цели»³. Малый академический словарь под «деятельностью» понимает «работу, занятие в какой-либо области»⁴.

Следовательно, организация какой-либо деятельности – это действия организационного характера, направленные на основание, обеспечение и функционирование этой деятельности в определенных целях.

В рассматриваемом нами составе преступления законодатель не ограничивается указанием только на организаторскую деятельность, направленную на побуждение к суициду, но и связывает ее с распространением информации о способах совершения суицида. По сути, законодатель попытался совместить в одном составе два самостоятельных вида преступной деятельности: с одной стороны, это пропаганда суицида. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой понятие «пропаганда» понимается как распространение в обществе и разъяснение каких-либо

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.05.2019).

⁴ Малый академический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 10.05.2019).

воззрений, идей, знаний, учения¹. Однако распространяться может не только полезная, но и опасная информация, способная причинить вред здоровью и даже жизни людей. Это касается людей с неокрепшей психикой, в частности, детей. Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ (в ред. от 1.05.2017) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству (ст. 5).

С другой стороны – это организация деятельности лиц, занимающихся пропагандой суицида. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рассматриваемое деяние в терминологическом значении соответствует деятельности организатора. Согласно ч. 3 ст. 33 УК РФ организатор – это лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Фигура организатора наиболее опасная, поскольку он планирует совершение преступления, подбирает других соучастников, обеспечивает координацию действий².

Таким образом, в рассматриваемом преступном деянии речь идет о специальном субъекте преступления, таковым выступает организатор, ключевая задача которого заключается в организации деятельности и руководстве другими лицами в целях распространения информации о способах совершения самоубийства. При этом сам организатор лично может и не заниматься пропагандой суицида, перед ним стоит задача – организовать (основать) эту деятельность (разработать план, подобрать участников, распределить роли между ними и др.) и обеспечить ее функционирование.

Закономерно возникает вопрос: «Как квалифицировать деятельность тех, кто занимается только пропагандой суицида, то есть распространением информации о способах совершения суицида и призывает к совершению суицида?» Статья 110² УК РФ в действующей редакции непосредственно не охватывает их деятельность. Применить ст.ст. 110 и 110¹ УК РФ тоже не представляется возможным, поскольку доведение до самоубийства и склонение к его совершению носит персонифицированный (адресный) характер, и потерпевшим от этих преступлений могут быть только конкретное (определенное) лицо или определенный круг лиц.

С учетом сказанного считаем целесообразным внести коррективы в рассматриваемый состав, разграничив действия лиц, непосредственно принимающих участие в пропаганде суицида, и действия организатора по соз-

---

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 616.

² Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. 1. С. 333.

данию условий для преступной деятельности других лиц с целью их занятия пропагандой суицида.

Предлагаем авторскую редакцию ст. 110² УК РФ «Пропаганда суицида и организация деятельности, направленной на пропаганду суицида»:

«1. Пропаганда суицида или публичные призывы к совершению самоубийства, – (преступления средней тяжести).

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», – (преступления средней тяжести).

3. Организация деятельности других лиц с целью их занятия пропагандой суицида, – (тяжкие преступления).

Примечание 1. В настоящей статье под пропагандой суицида понимается умышленная деятельность по распространению в любой форме материалов и (или) информации о способах совершения самоубийства, направленных на возбуждение у индивидуально неопределенного круга лиц решимости совершить самоубийство.

Примечание 2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных ст.ст. 110–110² настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Данная редакция, на наш взгляд, будет способствовать более эффективному применению ст. 110² УК РФ, выступающей сегодня дополнительным средством уголовно-правовой охраны жизни человека.

© Нуркаева Т. Н.

© Артамонова М. А.

УДК 343.615.5(470)

П. Л. Сердюк – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

О РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Восстановление социальной справедливости, признанное уголовным законом в качестве одного из обязательных принципов при назначении наказания, является важной гарантией обеспечения прав и законных интересов граждан в борьбе с преступностью. Этот принцип должен сочетаться с другими принципами и задачами, установленными гл. 1 УК РФ. Несомненно,

мненно, здесь важны и принцип законности, гуманизма, а также – принцип равенства граждан перед законом. Более того, все эти принципы, основанные на Конституции Российской Федерации, в полной мере зависят друг от друга, и нарушение одного обязательно влечет нарушение других.

Принцип социальной справедливости, прежде всего, страдает при слабом применении отдельных уголовно-правовых норм, предназначенных для борьбы с опасными преступлениями экономического характера. Речь идет о нецелевом расходовании бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) и нецелевом расходовании государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ). Уголовные дела по этим преступлениям, как показывает практика, даже когда они причиняют государству существенный вред и совершаются на коррупционной основе, возбуждаются крайне редко. Аналогичные замечания можно отнести и к фактическому бездействию ст. 289 УК РФ при наличии прямого или косвенного участия должностных лиц в коммерческой деятельности с использованием своего служебного положения. Известны лишь случаи увольнения от должностей государственного уровня. Это не связано с неудачной конструкцией законов, а происходит в связи с отсутствием должной инициативы правоохранительных органов по применению этих законов.

При анализе отдельных уголовно-правовых норм и изменений в уголовном законодательстве России можно отметить и отступления самого законодателя от принципа социальной справедливости. Чаще всего эти отступления связаны с декриминализацией (гуманизацией) уголовного закона. Но гуманность как один из принципов уголовного права далеко не всегда сочетается с принципом социальной справедливости, когда гуманным закон является для преступника и антигуманным для потерпевшего.

Прежде всего, декриминализация уголовного закона коснулась состава хулиганства. В частности, за пределами ст. 213 УК РФ осталось бытовое хулиганство, совершаемое с применением насилия в отношении граждан. Данная статья в ее обновленной редакции 2003 года фактически перестала защищать граждан в бытовых насильственных преступлениях, если в руках хулигана отсутствовало оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия. Это обновление закона искусственно сократило применение на практике ст. 213 УК РФ при наличии хулиганства с причинением вреда здоровью граждан почти на 30 %.

В дополнение к этому бытовые побои в июле 2016 г. были переведены в административную юрисдикцию. Только повторные побои ст. 116¹ УК РФ рассматривает как преступление, что резко снизило предупредительное воздействие уголовного закона в правовой защите личности. Избиение потерпевших в бытовых конфликтах на сегодняшний день влечет лишь административную ответственность независимо от того, что это часто далеко не первый и не единственный факт совершенного насилия. Например, в семейно-бытовой сфере о систематических побоях более физи-

чески слабых членов семьи становится известно правоохранительным органам только при обращении потерпевшего в лечебно-профилактические учреждения.

Учитывая очевидную незащищенность потерпевших от насильственных действий бытовых хулиганов, законодатель в декабре 2017 г. вернул в УК РФ ст. 116, признав уголовную ответственность за побои лишь при наличии хулиганских побуждений. По сути, данная статья на первое место ставит не защиту личности, а общественный порядок, что на практике крайне затрудняет ее применение. Например, при семейных конфликтах этот мотив почти всегда скрыт личными отношениями, а потому ст. 116 УК РФ при домашнем насилии практически не применяется, даже когда побои причиняются по малейшему поводу. Для защиты личности от домашнего насилия законодатель оставил только ст. 116¹ УК РФ с административной преюдицией. Частичный перевод бытовых побоев в административную юрисдикцию, по мнению некоторых криминологов, рассчитан на «исправление» статистики. В 2017 г. в судебных разбирательствах по насилию в семье штраф назначался в 70 %. В результате декриминализации домашних побоев в названном году, если судить по результатам официальной статистики, произошло искусственное сокращение статистических показателей насилия в семье¹.

Председатель Верховного Суда В. М. Лебедев считает, что «административные» побои полицейским выявлять лучше, чем те же деяния в форме уголовного преступления². Но в данном случае не учитывается предупредительный аспект уголовного наказания. Суть в том, что, как показывает статистика, в результате семейно-бытовых конфликтов совершается до 40 % всех убийств. Эта цифра ранее называлась также Советом по развитию гражданского общества и правам человека. Слабость наказания за домашнее насилие развязывает руки бытовым насильникам и может приводить к более тяжким последствиям.

Существующая истина о том, что предупреждение преступлений не в строгости наказания, а в его неотвратимости, к сожалению, в бытовых конфликтах срабатывает далеко не всегда. В то же время административное наказание семейному насильнику, например в виде штрафа, имеет негативные последствия. Это административное наказание не способствует укреплению семейных отношений и фактически приносит только вред самой семье, существенно сокращая семейный бюджет.

---

¹ Вячеслав Лебедев: О новых инициативах ВС и кадровом отборе в суды // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/27399/.

² Россия: ситуация с домашним насилием усугубляется. Статистика скрывает степень распространенности домашнего насилия // Официальный сайт информационно-аналитических материалов Eurasianet.org [Электронный ресурс] URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-ситуация-с-домашним-насилием-усугубляется>.

Состав ст. 116 УК РФ после его реконструкции в феврале 2017 г. предусматривает уголовную ответственность только за побои, совершенные из хулиганских побуждений. В прежнем уголовном законодательстве это преступление относилось к хулиганству (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР), что было вполне естественно. Сегодня в ст. 116 УК РФ также фактически установлена уголовная ответственность за посягательство на общественный порядок, но с основным объектом – личностью. На практике участковыми инспекторами такие преступления упорно относятся к делам частного обвинения с требованием заявления потерпевшего. Уголовная ответственность в большинстве случаев не наступает, когда потерпевший отказывается от подачи заявления. Чаще всего это происходит, как показывает практика, в случаях семейно-бытового насилия, где страдают женщины и дети.

Таким образом, можно констатировать, что ст. 116 УК РФ во многих случаях перестала защищать здоровье граждан при бытовом насилии даже при наличии хулиганского мотива. В прежней редакции составы ст.ст. 213 и 116 УК РФ были, на наш взгляд, более эффективны. Суть здесь даже не в строгости уголовного наказания, а в самой возможности его применения к злостным хулиганам и семейным насильникам. Это всегда было серьезным предупреждением для домашних правонарушителей.

Следует заметить, что семейно-бытовое насилие осуществляется в самых различных формах. Это не только побои, но и угрозы, негативно действующие на психику потерпевшего, и истязания. Некоторые авторы справедливо относят сюда также оскорбления и клевету. Все указанные деяния наказуемы в уголовном и административном порядке, что соответствует принципу социальной справедливости.

В семейном быту существует также «эмоциональное» насилие, которое проявляется в скрытой форме. Канадский криминолог Л. Е. Валкер характеризует этот вид насилия так: «Партнеры, изолирующие своих партнеров от друзей и семьи, усиливают их ощущение бессилия и беспомощности... Для многих женщин именно эмоциональное насилие может быть наиболее болезненным аспектом взаимоотношений»¹.

Данный вид бытового насилия чаще всего приводит к семейным разводам, а также к особенно распространившемуся в последние годы суициду среди молодежи. Этот вид насилия в той или иной степени существует в каждой четвертой семье, но он недоступен правовому воздействию, и справедливость достигается сегодня лишь через саморегулирование семейных и родственных отношений. Мы считаем, что данный вид насилия также необходимо учесть при формировании закона о защите семьи.

© Сердюк П. Л.

---

¹ Цит. по: Руководство по предупреждению насилия над детьми / под ред. Н. К. Асановой. М., 1997. С. 342.

И. Д. Бадамшин – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);

И. Б. Кулиев – преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал Краснодарского университета МВД России) (Россия, г. Нальчик)

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМАЯ В АЛКОГОЛЬНОМ ОПЬЯНЕНИИ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Кризисы в социальной, экономической и политической сферах, происходившие на протяжении длительного периода в нашей стране, неблагоприятно отражались и на состоянии преступности несовершеннолетних. Подростки трансформировались в самую криминально активную часть населения. Очевидно, что сложившаяся в то время ситуация с преступностью несовершеннолетних, ее тенденциями и определила в значительной мере направление правоприменительной деятельности правоохранительных органов в области предупреждения преступности среди несовершеннолетних.

Нельзя забывать, что подростковый и юношеский возраст имеет ряд специфических особенностей: недостаток жизненного опыта, склонность к подражанию, эмоциональная возбудимость, недостаточное развитие системы торможения в сочетании со стремлением к самостоятельности, демонстрация смелости (бравады), с одной стороны, а с другой – индифферентность и т. п. В результате некоторые несовершеннолетние, оказавшись в неблагоприятных условиях, становятся более податливыми влиянию антиобщественных взглядов и привычек.

Практика показывает, что три из пяти правонарушений, в которых виновны подростки, совершаются не в результате заранее обдуманного намерения, а формируются «спонтанно», благодаря внезапно возникшей мотивации, подстрекательству старших, бесцельному времяпровождению, распитию алкогольных или спиртосодержащих напитков и т. п.

Статистические данные Генпрокуратуры Российской Федерации отмечают тот факт, что в России каждое третье преступление совершается под воздействием алкоголя. Так, в 2018 г. за совершение преступлений всего было задержано 931 107 человек, из них 326 269 в состоянии алкогольного опьянения. Исходя из этого, неотъемлемой составной частью

воспитания подрастающего поколения, на наш взгляд, является выработка у них нетерпимости к любым негативным социальным явлениям общества и, прежде всего, к употреблению алкоголя.

Распространенность противоправных действий среди несовершеннолетних невелика и показывает тенденцию к дальнейшему снижению. В частности, уровень преступности среди несовершеннолетних в настоящее время значительно ниже, чем в предыдущие годы. В то же время изменения динамики, происходившие при совершении преступлений несовершеннолетними, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, носили неоднозначный характер.

Так, начиная с 2005 по 2011 год в Российской Федерации наблюдалось снижение абсолютных показателей преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения, с 21468 преступлений в 2005 г. до 7247 преступлений – в 2011 г. (почти в 3 раза произошло снижение данного показателя).

Однако начиная с 2012 г. на протяжении двух лет наблюдается другая тенденция, которая свидетельствовала об увеличении преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения по отношению к 2011 г.: 2012 г. совершено 8262 преступления, 2013 г. – 8428 преступлений. С 2014 г. отмечается их снижение. За 2018 г. в сравнении с 2013 г. их число снизилось в 1,7 раза (с 8428 до 4832)¹.

Отметим, что на сегодняшний день в структуре подростковой преступности, совершенной в состоянии алкогольного опьянения, преобладают преступления против собственности. Главным образом это – кражи.

Второе место занимают преступления против личности, показатель которых имеет тенденцию снижения от 8,4 % в 2015 г. до 4,4 % в 2018 г.

Достаточно высок удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения на улице².

Проведенный нами анализ статистических данных свидетельствует о том, что количество противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения, в России уменьшается.

Указанные обстоятельства дают основания для вывода о том, что правоохранительные органы достаточно активно осуществляют борьбу с алкоголизацией населения, но в то же время несовершеннолетние продолжают употреблять алкоголь, который способствует совершению противоправных действий. И при этом, априори, активная реклама и пропаганда алкоголя, доступность его приобретения (имеют место случаи рекламы и покупки алкогольной продукции через информационно-телекоммуника-

---

¹ Состояние преступности в России (2005–2018 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.06.2019).

² Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/aboutportal> (дата обращения: 20.06.2019).

ционную сеть «Интернет»), являются одним из факторов, содействующих сохранению их криминогенности.

Тем не менее, как нам представляется, приведенные выше данные с недостаточной степенью достоверности отражают фактическое состояние преступности несовершеннолетних на современном этапе, поскольку для такого значительного снижения рассмотренных количественных показателей отсутствуют данные оценки латентности. На фоне стойкого снижения регистрируемых преступлений, совершаемых несовершеннолетними, их противоправность достаточно активна.

Так, можно отметить, что во многих образовательных организациях имеется практика не сообщать в полицию о совершённых несовершеннолетними противоправных действиях. Выявляя факты совершения обучающимися мелких хищений, умышленного повреждения имущества, причинения побоев, употребления спиртных напитков и совершения противоправных действий в состоянии алкогольного опьянения, администрация ограничивается собственными воспитательными мерами, находит возможности договориться с родителями о недопущении в дальнейшем таких действий со стороны обучающихся. В результате несовершеннолетние правонарушители своевременно не ставятся на учёт в инспекцию по делам несовершеннолетних, комиссии по делам и защите их прав, комплексные меры профилактики в отношении них не применяются, что приводит к повторному совершению ими противоправных деяний, в том числе и в состоянии алкогольного опьянения.

По-прежнему высоким остается количество насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения. Алкоголь на подростковый организм действует как стимулятор активных противоправных действий. В таком состоянии они не думают о последствиях, их поведение значительно подвержено чужому влиянию как со стороны сверстников, так и взрослых. Неумение несовершеннолетнего лица благополучно адаптироваться к социальной среде, равно как и потребность в снижении беспокойства, обуславливают его поиск в употреблении алкоголя.

В данной связи необходимо акцентировать внимание на предупреждении противоправных действий несовершеннолетних, что является сложной и многогранной задачей. На ее решении сосредоточены усилия всех без исключения, и в первую очередь органов внутренних дел, а также государственных органов, участвующих в профилактике правонарушений в подростковой среде.

Внимание, которое уделяется в настоящее время проблеме предупреждения противоправных действий несовершеннолетних, отнюдь не означает, что на этом участке создано положение, опасное для всего подрастающего поколения. Мы можем отметить, что принимаемые всеми государственными органами меры по противодействию правонарушениям и преступ-

лениям со стороны несовершеннолетних показывают тенденцию к дальнейшему снижению противоправных действий среди рассматриваемой возрастной категории. Анализ правоприменительной практики показывает, что создаются все необходимые условия для успешной социализации (ресоциализации) несовершеннолетних, формирования у них готовности к саморазвитию, самоопределению и ответственному отношению к своей жизни.

В последнее десятилетие обеспечение благополучного и безопасного детства стало одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. Защита прав каждого ребенка, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений, совершаемых самими детьми, определены ключевыми задачами в рамках Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р. В целях совершенствования государственной политики в этой сфере Указом Президента РФ от 29.05.2017 № 240 2018–2027 гг. в Российской Федерации объявлены «Десятилетием детства».

Повышение этической, эстетической, правовой культуры, в том числе возвращение к национально-культурным традициям, является важным фактором развития общества и, безусловно, служит основой предупреждения девиантных проявлений со стороны несовершеннолетних.

© Бадамшин И. Д.

© Кулиев И. Б.

УДК 343.237(470)

И. Д. Бадамшин – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);

К. А. Загидуллина – курсант 3-го курса факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОУЧАСТИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СОДЕРЖАНИЕ

Обеспечение защиты прав и интересов граждан, общества и государства в процессе осуществления правосудия невозможно без соответствующей требованиям уголовного законодательства точной квалификации совершенных преступных деяний.

Проблемы организованной преступности в последнее время приобрели широкий резонанс. Однако публицистический подход обусловил упрощенное понимание данного явления в общественном сознании. В связи с этим наметилась тенденция к тому, что только понятие «организованная преступность» связывается с соучастием, а организованная группа – это, прежде всего, одна из форм, рассматриваемая в рамках института соучастия в преступлении.

Несмотря на то, что за последний период проведено достаточное количество исследований, посвященных вопросам соучастия, в теории наблюдаются определенные расхождения мнений по концептуальным вопросам соучастия.

Как известно, в теории отечественного уголовного права существуют две основные точки зрения на сущность соучастия. Первой из них является концепция акцессорной природы соучастия (от лат. *accessorium* – несамостоятельный). Основным тезисом данной концепции является признание того факта, что исполнитель при совершении преступления в соучастии выступает главной, центральной фигурой. Деятельность других соучастников в таком случае является факультативной, такой, что не будет играть какой-либо значительной роли. Одним из представителей данной точки зрения был Н. И. Ковалев. Опираясь на его мнение, стоит отметить, что персональным исполнителем преступления считается исключительно сам исполнитель, его соучастники состав преступления не приводят в исполнение¹. О. К. Гамкрелидзе указывал, что общественная опасность деяний соучастника напрямую зависит от характера действий исполнителя, чем и определена акцессорная природа соучастия².

Позиция последнего, как нам представляется, не бесспорна. Так, в случае когда исполнитель преступления по причинам, не зависящим от его воли, не довел преступный умысел до конца, а соучастник (например, подстрекатель) выполнил все действия, которые в соответствии со своей ролью в преступлении счел достаточными, нелогично утверждать, что действия подстрекателя менее общественно опасны лишь за неудачное покушение исполнителя.

Однако в данной связи необходимо заметить, что проблема соотношения ответственности соучастников с непосредственным деянием исполнителя в уголовном законодательстве является достаточно сложной, чтобы ее рассматривать отдельно. В контексте данного вопроса можно согласиться с мнением Г. П. Жаровська, которая указывает: «О зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя можно говорить лишь в том смысле, что исполнитель реализует преступные намерения соучастников, и если ему не удастся реализовать преступные намерения соучастников, достичь преступного результата, то ответственность осталь-

---

¹ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск: СЮИ, 1960. С. 111, 166–169.

² Гамкрелидзе О. К. Соисполнительство и посредственное исполнительство преступления по советскому уголовному праву. Тбилиси, 1973. С. 17–18.

ных соучастников, также как и для исполнителя, наступает за приготовление или покушение на преступление»¹.

Из этого следует, что теория акцессорной природы соучастия характеризуется двумя важными моментами: 1) соучастник должен привлекаться к ответственности только при наличии признаков преступления в действиях исполнителя (ответственность соучастника может иметь место лишь в случае привлечения к ответственности исполнителя); 2) соучастник привлекается к ответственности по той норме уголовного закона, по которой следует привлечь исполнителя.

Альтернативой акцессорной природе соучастия является концепция, в соответствии с которой соучастие следует рассматривать в качестве индивидуальной формы преступного функционирования.

Как пример, можно привести точку зрения В. А. Григорьева, который указывал, что «хотя преступный умысел всех соучастников воплощается исполнителем, все они должны нести самостоятельную ответственность, потому что деятельность каждого соучастника имеет самостоятельное значение»². Такая мысль вполне согласуется с позицией А. Ф. Зелинского, который считал: «... каждый соучастник отвечает за совершенные им деяния, содержащие состав преступления. Их ответственность не производная, а самостоятельная»³.

Актуальность данная позиция не утратила и с принятием УК РФ, поскольку основанием уголовной ответственности, по общему правилу, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. В таком случае соблюдается принцип индивидуализации наказания, на чем и настаивал А. Ф. Зелинский.

Отметим, что при изучении проблемы, касающейся квалификации соучастия в преступлении, В. В. Сергеев выделял следующее: «Принцип акцессорности, который позволяет исключить самостоятельную общественную опасность и противоправность соучастия, не решает ни проблему оснований ответственности соучастников, ни проблему разграничения соучастия на отдельные виды. Только принятие правовой независимости и оригинальности соучастия, которая основывается на признании в действиях соучастников общественной опасности и противоправности, дает реальное право это сделать»⁴. На этот счет В. А. Арутюнов указывает, что акцессорность соучастия отнюдь не исключает общественную опасность и противоправность действий соучастников, а вместе с тем ни организатор, ни подстрекатель, ни пособник не реализуют своими собственными дейст-

---

¹ Жаровська Г. П. Соучастие в преступлении по уголовному праву Украины: дис. ... канд. юрид. наук: М.: Институт государства и права им. В. М. Корецкого. М., 2004. С. 15.

² Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации. Уфа, 1995. С. 48.

³ Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении. Волгоград, 1971. С. 31.

⁴ Сергеев В. Соисполнительство по советскому уголовному праву // Советская юстиция. 1970. № 18. С. 5–6.

виями объективной стороны состава преступления¹. Главную проблему цитируемый автор видит не столько в привязывании ответственности соучастников к ответственности исполнителя преступления, сколько в обосновании ответственности каждого из них. Это и приводит, на его взгляд, к необходимости разработки системной теории соучастия и общего состава преступления, совершенного в соучастии.

На наш взгляд, наиболее логичным представляется положение, при котором каждый из соучастников отвечает за собственные деяния, что и будет реализацией принципа индивидуализации ответственности. Действительно, если каждый из соучастников является субъектом преступления, очевидно, что признаки соучастия следует искать в действиях каждого из них, а не в связывании действий организатора, пособника и подстрекателя с действиями исполнителя. Указанное положение вполне удачно сформулировал в своем труде Г. В. Новицкий: «Поскольку субъектом преступления признаются как исполнители, так и все другие соучастники (организатор, подстрекатель и пособник), можно с уверенностью утверждать, что признаки соучастия необходимо устанавливать в первую очередь в действиях каждого из соучастников»².

Подводя определенные итоги проведенному нами обзору основных концепций юридической природы соучастия в отечественной науке уголовного права, следует отметить, что некоторые ученые пытались объединить их, или, по крайней мере, отказаться от их противопоставления. Так, В. У. Гузун отмечал: «В юридической литературе существуют две точки зрения на соучастие. Некоторые определяют соучастие самостоятельной преступной деятельностью, другие – коллективной или совместной деятельностью. Причем обе точки зрения друг другу в литературе противопоставлены. Оба эти мнения имеют право на существование. Их не нужно противопоставлять»³.

На наш взгляд, данная позиция является достаточно обоснованной. Категорически отделять деяния исполнителя преступления от деяний других соучастников является нецелесообразным, поскольку теряется связь, которая косвенно и определяет участие нескольких лиц в совершении преступления как соучастие.

© Бадамшин И. Д.

© Загидуллина К. А.

---

¹ Арутюнов А. А. Системный подход к общей теории соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 37–38.

² Новицкий Г. В. Понятие и формы соучастия в преступлении по уголовному праву. М.: Высшая школа, 2001. С. 19.

³ Гузун В. У. Формы соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 8.

И. Д. Бадамшин – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);

Л. Р. Салимова – курсант 3-го курса факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Развитие современной уголовно-правовой мысли, практика законодательства и применения уголовного закона убеждают в наличии двуединой тенденции в деле противодействия преступности¹. Первая из них порождает классическую зависимость между преступлением и наказанием. Это касается, прежде всего, совершения особо тяжких и тяжких преступлений и их уголовно-правовых последствий². Вряд ли человечество способно сегодня обладать другой реакцией на совершение указанных категорий преступлений, кроме применения к виновным уголовного наказания. Вторая тенденция заключается в определенном отходе от позиций классической школы относительно непреложной и неукоснительной связи между преступлением и его правовым последствием – наказанием.

При этом, конечно, должны быть соблюдены права и законные интересы потерпевшего и общества³.

Уголовная ответственность занимает центральное место в системе мер государственного реагирования на нарушения уголовно-правовых запретов. По сути, она может быть только реальной негативной (ретроспективной), а не положительной или потенциальной. Такая ответственность характеризуется рядом признаков, определяющим среди которых является признак, заключающийся в том, что его содержанием является не только определенный вид наказания, но и иные меры уголовно-правового характера в отношении лица, совершившего то или иное преступное деяние. Реальная негативная (ретроспективная) уголовная ответственность, хотя и

---

¹ Косов А. В. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности в нормах уголовного и оперативно-розыскного законодательства // Современный юрист. 2017. № 2 (11). С. 108–111.

² Филиппов Н. Д. Деятельное раскаяние как основание прекращения уголовного преследования // Постулат. 2018. № 2. С. 15.

³ Джинджолия Р. С. Категория «деятельное раскаяние» в уголовном праве России и Республики Абхазия // Вестник Российского нового университета. 2018. № 3. С. 94–97.

играет ведущую роль в регулировании уголовно-правовых отношений, не всегда может способствовать достижению задач, которые стоят перед Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ). В определенных случаях более эффективной может быть реализация других мер уголовно-правового характера, которые сами по себе и могут являться освобождением от уголовной ответственности.

В конце XX – начале XXI вв. одной из форм противодействия преступности стало применение не только тех мер, которые заменяют или дополняют наказание, но и тех, что вообще исключают уголовное преследование. Такой альтернативой явилось освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности за это преступление. Именно поэтому УК РФ предусматривает случаи, когда при определенных условиях государство в лице суда отказывается от реализации своего исключительного права дальнейшего осуществления уголовного преследования лиц, совершивших соответствующие преступления, и освобождает их от уголовной ответственности, а потому закономерно – и от наказания. Индивидуальный подход к применению соответствующих норм об освобождении от уголовной ответственности не только не препятствует охране законности, правопорядка от преступных или иных посягательств, но и, наоборот, способствует успешному противодействию преступности и, как считают многие, способен достичь целей наказания без его реального применения.

На сегодняшний день в УК РФ регламентированы отдельные виды освобождения от уголовной ответственности, которые характеризуются как наличием общих, единых для всех условий, так и наличием ряда специфических индивидуальных признаков.

Так, действующее уголовное законодательство предусматривает возможность освобождения лиц от уголовной ответственности по общим основаниям (ст.ст. 75, 76, 76¹, 76², 78, ч. 2 ст. 84 УК РФ). Если же лицо, преступившее уголовный закон, является несовершеннолетним, то он может быть освобожден от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия – по специальным основаниям (ст. 90 УК РФ).

К числу обязательных видов освобождения от уголовной ответственности, которые никоим образом не могут зависеть от мнения правоприменителей, можно отнести, такие как освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ); в связи с актом амнистии; в связи с истечением сроков давности (исключением являются основания, закрепленные в чч. 4 и 5 ст. 78 УК РФ). Все другие виды освобождения от уголовной ответственности являются факультативными, т. к. они предусматривают не обязанность, а право применения освобождения от уголовной ответственности лица, которое совершило преступление.

При этом необходимо отметить, что освобождение от уголовной от-

ветственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) возможно только при совокупности двух обязательных условий: совершенное преступление относится к преступлениям небольшой или средней тяжести и лицо, его совершившее, является лицом, впервые совершившим преступление. Последнее обстоятельство предусмотрено и в ст. 76¹ УК РФ. Вопрос о том, какое преступление следует считать совершенным впервые, высшая судебная инстанция разрешила следующим образом. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» впервые совершившим преступление лицом, рекомендуется считать, в частности: а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

При освобождении от уголовной ответственности лиц по основаниям, предусмотренным ст. 76¹ УК РФ, необходимо также учитывать, что лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается.

Слово «впервые» означает «в первый раз», поэтому указанная позиция Пленума ВС РФ подвергается критике со стороны ряда ученых, предлагающих не отождествлять понятия «лицо, впервые совершившее преступление» и «лицо, юридически несудимое», абстрагироваться от оценочных суждений, и руководствоваться лишь законами формальной логики. Так, по мнению Э. Г. Шкредовой, лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, не будет признаваться лицом, впервые совершившим преступление в течение установленных законом сроков давности, поскольку само по себе освобождение от уголовной ответственности является прямой льготой лицу, которое совершило преступление, и распространение такого льготного подхода к оценке даль-

нейшего поведения данного лица представляется, безусловно, чрезмерным¹. Однако некоторые ученые считают, что впервые совершенное преступное деяние оценивается не только фактически (то есть первый раз за всю жизнь), но и юридически².

Как нам представляется, отсутствие указанного определения в уголовном законе не позволяет отграничить либо признать тождественными по содержанию это понятие и понятие «лицо, ранее не судимое». Именно фактически, как считают большинство ученых, а не юридически впервые совершенное лицом преступление небольшой или средней тяжести может свидетельствовать о небольшой общественной опасности лица, совершившего преступление, и служить таким образом, одним из оснований освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, в рамках вышеизложенного, мы можем прийти к выводу о том, что освобождение от уголовной ответственности по рассматриваемому условию является альтернативой принудительным мерам уголовно-правового воздействия, которое основано на поощрении (стимулировании) положительного посткриминального поведения и общественно полезных поступков, а также на нецелесообразности дальнейшего осуществления уголовного судопроизводства.

© Бадамшин И. Д.

© Салимова Л. Р.

УДК 343.711.9(470)

Ю. С. Белик – доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Екатеринбург)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Уголовная ответственность за квалифицированный вид краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ), установлена пунктом «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ сравнительно недавно. Ука-

---

¹ Шкредова Э. Г. Влияние института множественности преступлений на освобождение от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ // Современное право. 2006. № 2. С. 65.

² Савкин А. П. Распространить норму о деятельном раскаянии на совершивших преступления средней тяжести // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 43–44.

занные изменения были внесены в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹.

Обращение специалистов в области уголовного права к анализу содержания признаков, составляющих (определяющих) данный вид краж, обусловлено тем фактом, что достаточно долгое время отсутствовали разъяснения Верховного Суда РФ по этому вопросу, что вызывало трудности при применении указанных норм. Сложными являлись следующие моменты: понятия «банковский счёт» и «электронные денежные средства» одновременно являются терминами, которые используются в праве, экономике, информатике и технике. Хотя они и закреплены в нормативно-правовых актах, но не являются уголовно-правовыми. Вместе с тем использование их в качестве признаков состава преступления требует выделения их характерных признаков (свойств) и одновременно анализа всего процесса, связанного с их использованием. Отсюда возникла и дискуссия по поводу момента окончания этого общественно опасного деяния и отграничения его от смежных составов преступлений.

В течение недавнего времени так или иначе к исследованию этих вопросов обращались такие учёные, как П. С. Яни², Е. Ю. Антонова, А. К. Клименко³, В. В. Хилюта⁴, А. А. Кирилловых, Д. А. Овсюков⁵, З. И. Хисамова⁶, И. С. Иванов, С. В. Рязанцева⁷, А. В. Архипов⁸ и др.

Рассмотрение квалифицирующих признаков (пункт «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) приводит нас к выводу о том, что законодатель относит к числу тяжких преступлений кражи, совершенные с банковского счёта или в отношении электронных денежных средств. Обратимся к сущности этих понятий и их месту в составе преступления. Так, признак «с банковского счёта» является способом совершения кражи, а «электронное средство плате-

---

¹ URL:<https://consultant.ru>

² Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. С. Яни // Законность. 2019. №№ 4, 5

³ Антонова Е. Ю., Клименко А. К. Классификация хищений денежных средств с использованием средств связи. URL:<https://demo.consultant.ru/>

⁴ Хилюта В.В. Пределы автономности уголовного права // Lexrussica. 2019. № 4. С. 117–128.

⁵ Кирилловых А. А., Овсюков Д. А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой охраны // Право и экономика. 2019. № 1. С. 62–70.

⁶ Хисамова З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. 2018. № 9. С. 43–47.

⁷ Иванов И. С., Рязанцева С. В. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств // Российский следователь. 2018. № 8. С. 46–50.

⁸ Архипов А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 4–9.

жа» – это предмет преступления. Данные квалифицирующие признаки являются альтернативными. При краже с банковского счёта предметом могут быть как наличные, так и безналичные денежные средства. При этом следует учитывать, что основным непосредственным объектом ст. 158 УК РФ являются отношения собственности. Предметом – чужое имущество. Вещный признак является одним из обязательных его признаков, то есть существование этого имущества как вещи в объективной действительности. Если рассматривать безналичные денежные средства в качестве одного из видов чужого имущества, подпадающего под понятие предмета по ст. 158 УК РФ, то они не обладают этим признаком. То есть законодатель искусственно расширил границы понятия «чужое имущество», включив сюда безналичные денежные средства, электронные денежные средства и газ. Дальнейшее расширение также возможно, как отмечают некоторые авторы, включение в него, например, криптовалюты¹. Сами же по себе безналичные деньги как объект права собственности не существуют. Следовательно, можно сделать вывод о том, что безналичные деньги представляют собой записи на счетах в кредитных организациях, не находящих своего материального выражения вовне².

С точки зрения гражданского права, это денежное обязательство – правоотношение, содержанием которого является право требования кредитора, и корреспондирующая ему юридическая обязанность должника совершить платеж. Естественно, что безналичные расчеты не предполагают фактической передачи денег из банка плательщика в банк получателя, а просто заключаются в изменении записей по банковским счетам плательщика, получателя и обслуживающих их банков. В свою очередь, договор о безналичных расчетах – это согласие получателя средств на замену плательщиком исполнения денежного обязательства совершением таких действий, которые приведут к увеличению размера денежных требований получателя к обслуживающему его банку на сумму причитающегося ему денежного платежа³.

Существуют различные формы безналичных расчётов⁴. Для целей применения уголовного законодательства можно выделить: расчеты в

---

¹ Крылов О. М. Правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации. Монография. / Под общей ред. д. ю. н, С. В. Запольского. «Контракт», 2014. С. 97.; Хиллота В. В. Указ. соч. С. 117–128.

² Ситник А. А. Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Ситник. М., 2010. С. 32; Арзуманова Л. Л. Денежное обращение и история его развития (финансово-правовой аспект): монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М., 2013. С. 216.

³ Белов В. А. Денежные обязательства: учебное пособие. / В. А. Белов. М., 2007. С. 115–116.

⁴ Правовое регулирование денежного обращения (денежное право) / Н. М. Артемов [и др.]. 2016. С. 35–36.

форме перевода денежных средств по требованию получателя средств¹; расчеты с использованием платежных карт; расчеты в форме перевода электронных денежных средств² и т. д.

Электронные денежные средства – это денежные средства, принадлежащие на вещном праве обязанному лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета³. Между лицом, предоставившим средство, и обязанным лицом возникает денежное обязательство (распоряжение), по которому первый (лицо, предоставившее средства) дает согласие на совершение обязанным лицом таких действий, которые приведут к уменьшению размера денежных требований к нему третьими лицами. Можно сделать вывод о том, что электронные денежные средства являются частью безналичных денежных средств.

В качестве средства платежа в товарообороте используются и финансовые продукты коммерческих банков. Наиболее известным таким продуктом являются бонусы, которые начисляются за операции с банковской карты того или иного банка. В связи с тем, что данными бонусами можно рассчитаться за товары и услуги, их можно также считать средством платежа, следовательно, они являются электронной валютой⁴. Рассматривая их с точки зрения наличия признаков электронных денежных средств, считаем, что их можно относить к предмету анализированного вида кражи. Квалификация действий виновного будет по пункту «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в случаях, когда виновным не использовался обман уполномоченного работника кредитной или торговой организации. Одним из доказательств обмана будет подпись на чеке, якобы принадлежащая законному владельцу кредитной или расчётной карты. Наиболее типичными примерами деяний, подпадающих под признаки п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, являются: снятие наличных денег в банкомате, покупка товаров, оплата услуг, перевод денег посредством сети «Интернет», в кассах самообслуживания с использованием приложения в телефоне «Мобильный банк».

На практике встречаются случаи, когда виновному вменяются одновременно два квалифицирующих признака «с банковского счёта» и «в отношении электронных денежных средств». На наш взгляд, главное разграничение в этом случае следует проводить по такому признаку, как наличие или отсутствие банковского счёта, с которого происходит списание денежных средств. Признак «в отношении электронных денежных средств» следует вменять, если отсутствует банковский счёт.

---

¹ Пункт 1.1 Положения Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств». URL:<https://demo.consultant.ru/>

² Ст. 7 Федерального закона от 27 июня 2011 г. №161-ФЗ «О национальной платежной системе». URL:<https://demo.consultant.ru/>

³ Ст. 3. Там же.

⁴ Правовое регулирование денежного обращения (денежное право) / Н. М. Артемов [и др.]. 2016 С. 71–72.

Рассмотрим следующий пример: Грязнов распивал спиртные напитки с П. в её квартире, незаметно для П. взял из её кошелька 5 000 рублей и кредитную банковскую карту и пин-код к ней. Путем введения пин-кода снял с банкомата 20 800 рублей и потратил на свои личные нужды. П. был причинен значительный материальный ущерб на общую сумму 25 800 рублей.

В описательной части формулировки предъявленного обвинения было указано, что Грязнов совершил кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенную с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Помощник прокурора предложила исключить из квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» указание «с банковского счёта», квалифицировав действия Грязнова по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, – кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину, в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ).

Суд пришёл к выводу о том, что квалифицирующий признак «в отношении электронных денежных средств», вменен подсудимому обоснованно, поскольку после похищения банковской карты и пин-кода к ней, получив доступ к банковскому счету, осуществил с него хищение электронных денежных средств путем обналичивания через банкомат¹.

Считаем, что суд в данном случае принял неверное решение, так как кража осуществлена с банковского счёта. А предметом в этом случае выступали чужие безналичные денежные средства. Исключить следовало квалифицирующий признак «электронные денежные средства».

Для вменения квалифицирующего признака «с банковского счёта» судам необходимо проанализировать весь технический процесс осуществления операции по снятию или переводу денежных средств. Речь идёт об оказании воздействия виновного на банковский счёт.

Наглядным будет следующий случай: Ербягин признан виновным и осуждён за тайное хищение с банковского счёта И. путём перечисления денег посредством услуги «мобильный банк» на свой абонентский номер и на банковскую карту, с причинением И. значительного материального ущерба.

Прокурор полагал, что действиям Ербягина судом дана неправильная квалификация. Так как виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. Поскольку Ербягин совершал переводы денежных средств от имени потерпевшей, но при этом незаконного воздействия на банковский счёт потерпевшей не осуществлял, то есть не применял технические средства, устройства, то квалификацию действий Ербягина как преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ,

---

¹ Приговор Чапаевского городского суда Самарской области от 30 января 2019 года по делу № 1-27/2019. URL:<https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.h>

нельзя признать верной, в связи с чем данный квалифицирующий признак из осуждения Ербягина подлежит исключению, а его действия – квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Красноярский краевой суд исключил квалификацию по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку для такой квалификации необходимо было установить хищение путём целенаправленного воздействия программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники или на информационно-телекоммуникационные сети. Однако при описании преступного деяния такие обстоятельства не выявлены, а установлено, что деньги с банковского счёта переведены Ербягиным посредством услуги «Мобильный банк», то есть без какого-либо программного воздействия на банковский счёт, что состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не образует¹. Считаем, что в данном случае воздействие на банковский счёт всё-таки осуществлялось по следующим признакам: виновное лицо ввело пин-код, получило доступ к мобильному банку, а затем отдало распоряжение о проведении операции с банковским счётом, тем самым изъяло безналичные денежные средства с банковского счёта их законного владельца без его согласия. Следовательно, решение суда ошибочное.

Проведенные выше рассуждения приводят к выводу о том, что следует внести разъяснения в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» в части раскрытия содержания признака кража «с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств».

© Белик Ю. С.

УДК 343.236.3(470)

О. В. Ермакова – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Барнаул)

ОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Вопрос признания преступления оконченным имеет первостепенное значение для правоприменительной деятельности, поскольку от его реше-

---

¹ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 26 февраля 2019 года по делу Ербягина Л. Е. URL: <https://bsr.sudrf.ru/>

ния зависит квалификация преступного деяния, а также назначение уголовного наказания.

Однако, как показывает анализ норм Особенной части УК РФ, а также судебной практики, толкование того момента, наступление которого позволит признать деяние окончанным, его установление в конкретной ситуации вызывает значительные трудности, что объясняется следующими причинами:

1. В действующем уголовном законе не определена правовая природа окончанного преступления, что доказывается следующими обстоятельствами: название главы 6 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), в которой располагается данное понятие, содержит упоминание лишь о неоконченном преступлении. В свою очередь ст. 29 УК РФ закрепляет общие положения, относящиеся как к окончанному преступлению, так и к неоконченному.

В научной литературе вопрос правовой природы окончанного преступления достаточно дискуссионный.

Так, в большинстве научных работ окончанное преступление определяется в качестве стадии совершения преступления¹.

Следует отметить, что, несмотря на распространенность изложенной позиции, ее представители так и не объясняют отказ законодателя от использования понятия «стадии совершения преступления».

По нашему мнению, окончанное преступление является не чем иным, как законодательной конструкцией состава преступления². При этом такие конструкции располагаются в нормах Особенной части и содержат полный перечень признаков, являющихся обязательными для конкретного состава преступления.

Конструкция окончанного преступления должна отображать тот момент, который избран законодателем в качестве момента окончания преступления. При этом данный момент может искусственно переноситься законодателем на различные этапы совершения преступления. Именно поэтому для признания одних преступлений окончанными требуется наступление преступных последствий, для других – совершение всех описанных действий либо признается достаточным начало совершения деяния.

2. В науке уголовного права до настоящего времени не разработана классификация составов окончанных преступлений, которая имеет принципиальное значение в силу многообразия вариаций момента окончания преступления.

Разработки данной классификации, имевшиеся место в советский период, базировались на делении составов на формальные и материальные.

---

¹ Уголовное право / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2015. С. 109.

² Безверхов А. Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1. С. 70–78

Однако в настоящее время предпринимаются попытки расширения перечня существующих видов. В частности, авторами предлагается выделять нематериальные составы. К таким составам Г. А. Насимов предлагает относить преступления, в которых преступный результат носит моральный или политический характер¹.

По нашему мнению, отсутствие четкого классификационного основания для построения видов составов оконченных преступлений не позволит представить четкую модель. Учитывая, что классификация составов преступлений по моменту окончания призвана выделить возможные варианты составов, устанавливающие юридический момент окончания на разных этапах преступного деяния, то количество вариантов (видов) составов должно соответствовать стадиям (этапам) совершения преступления.

Юридический момент окончания преступления может быть установлен как на этапе наступления результата (и в этом случае юридический и фактический момент окончания совпадают), так и предшествующих стадиях в виде планирования либо совершения деяния (действия или бездействия). Поэтому однозначно можно утверждать, что конструкций состава преступлений, используемых законодателем для установления момента окончания преступления, в действительности не две (формальные и материальные составы) и даже не три (формальные, материальные и усеченные составы), а гораздо больше.

3. В уголовно-правовой науке не выработаны правила отображения выбранной законодателем разновидности конструкции состава оконченного преступления в нормах Особенной части.

Особо следует отметить то обстоятельство, что даже в тех случаях, когда законодатель с очевидностью указывает на конструкцию состава преступления (наиболее часто данная ситуация имеет место при использовании конструкции материального состава преступления), конкретизация момента окончания путем указания на общественно опасные последствия в самом законе не осуществляется.

Например, даже в составе убийства момент наступления смерти, необходимый для признания преступления оконченным, в уголовном законе не определен, а раскрывается в подзаконных актах.

В этой части наибольшую сложность толкования момента окончания преступления представляют те составы, в которых преступные последствия, с которыми законодатель связывает момент окончания преступления, определены при помощи использования оценочных понятий.

Например, жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ) признается оконченным преступлением при наступлении одного из последствий – гибели животного или его увечья. При этом только первое из них отличается четкостью выбранного момента окончания преступления.

---

¹ Насимов Г. А. Неоконченное преступление. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 33.

В свою очередь, содержательная характеристика понятия «увечье» вызывает сложности. В частности, остается неясным, возможно ли для уяснения понятия увечья использовать те последствия, которые характеризуют тяжкий вред здоровью человека, а также другие виды вреда здоровью?

Исходя из этимологического значения, термин «увечье» означает телесное повреждение, которое наносит ущерб функциям организма, приводящее даже к возможной смерти¹.

Следовательно, содержание данного преступного последствия должно включать только такие повреждения, которые опасны для жизни животного. Принимая во внимание, что последствия, сопряженные с опасностью для жизни, закреплены в составе умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, толкование увечья должно основываться на той же характеристике, которая представлена в ст. 111 УК РФ.

Однако те правила и критерии определения степени тяжести вреда здоровью, которые в настоящее время действуют в отношении человека, нельзя признать приемлемыми для животных, например такие последствия, как потеря слуха, речи и т. д. Следовательно, необходимо конкретизировать рассматриваемое понятие в рамках уголовного закона либо постановления Пленума Верховного Суда РФ, что позволит унифицировать судебную практику.

Например, достаточно сложно определить разновидность конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, в части оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Если признать данный состав разновидностью формальной конструкции, то преступление будет считаться оконченным с момента полного оказания услуги; если законодатель вкладывал конструкцию усеченного состава – момент окончания перенесен на начало осуществления такой услуги.

В отдельных случаях в научной литературе встречается неверное толкование момента окончания в той или иной разновидности конструкций составов оконченных преступлений.

Так, И. И. Терешкин указывает, что состав незаконной охоты сконструирован по типу формального и преступление считается оконченным с момента начала совершения деяния². Подобное понимание формального состава преступления нивелирует его отличие от усеченного, в котором как раз имеет место установление момента окончания преступления на начальных стадиях преступного деяния. Кроме того, нельзя не заметить, что и с точки зрения анализа конструкции состава незаконной охоты, сочетающей в себе несколько альтернативных видов преступного деяния, один из которых вообще предполагает обязательное наступление преступных

---

¹ Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 101.

² Терешкин И. И. Уголовно-правовые аспекты ответственности за незаконную охоту // Законность. 2014. №7. С. 52–55.

последствий (п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ), справедливость представленной позиции вызывает сомнение.

Таким образом, следует констатировать отсутствие в современной уголовно-правовой науке однозначного понимания сущности правовой природы оконченного преступления, его соотношения со стадиями преступного деяния, классификации видов. Недостаточная разработанность норм об оконченном преступлении наблюдается и в уголовном законе. Подобная пробельность законодательной регламентации негативно сказывается на судебной практике и порождает сложности в установлении момента окончания преступления.

© Ермакова О. В.

УДК 343.983.25:69(470)

Е. В. Кузбагарова – доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург);

М. Н. Кузбагаров – доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

СУДЕБНАЯ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”» в качестве одной из стратегических задач нашего государства и важнейшего приоритета развития общества в настоящее время определяет обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации¹. Статья 35 Конституции Российской Федерации¹ закрепляет пра-

¹ О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 30.01.2019) [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.05.2019 г.).

во граждан на жилище в виде права частной собственности и охраны права на жилище, предусмотренной ст. 40 Конституции РФ. Вместе с тем следует констатировать тот факт, что граждане достаточно часто лишаются конституционного права на жилище в результате неправомерных действий граждан и юридических лиц – компаний застройщиков, в частности, путем совершения мошеннических действий, предусмотренных ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации², которые повлекли лишение гражданина права на жилое помещение и причинение материального ущерба в крупном и особо крупном размере.

В качестве одного из способов совершения мошеннических действий на рынке первичного жилья является создание видимости строительства жилого дома либо нескольких жилых домов фирмой-застройщиком. В связи с этим в рамках возбужденных уголовных дел и гражданских исков требуется исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью их оценки для определения размера причиненного ущерба. Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью их оценки, осуществляется в рамках строительно-технических экспертиз или комплексных экспертиз, которыми решаются такие диагностические задачи, как: установление стоимости фактически выполненных работ, строительных материалов, их соответствия данным отчетной документации; обоснованность составления проектно-сметной документации и т. п.³

Судебная строительно-техническая экспертиза – это исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, с последующей дачей заключения, имеющее доказательное значение при расследовании уголовных и административных дел, а также по делам, рассматриваемым арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Для того чтобы использовать методику производства экспертизы, необходимо знать объект исследования. Объекты судебной строительно-технической экспертизы своеобразны по своим техническим и природным характеристикам и функциональному назначению⁴.

Предметом судебной строительно-технической экспертизы являются фактические данные, которые основываются на объемах строительно-монтажных работ, на их качественности и на качестве производства и

---

¹ Конституция РФ (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Российская газета. № 113. 1996; № 114. 19.06.1996; № 115. 1996; № 118. 1996.

³ Низаева С. Р. Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Уфа: УЮИ МВД России, 2017.

⁴ Бутырин А. Ю. Теория и практика строительно-технической экспертизы / А. Ю. Бутырин. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006. С. 53.

применения строительных материалов, изделий и конструкций¹.

Одной из важнейших составляющих судебной строительно-технической экспертизы являются ее задачи. И если предмет судебной строительно-технической экспертизы раскрывает определенные свойства объекта, то устанавливаются эти свойства – задачи. Они делятся на подзадачи, в которые входят:

1. Экзистенциальные подзадачи, которые решаются с помощью соотношения специальных правил с определенным видом данных исследования, характеризующие одну из сторон объекта экспертизы. Например, происшествия, связанные с работой на высоте, в первую очередь будут выяснять, были ли на пострадавшем индивидуальные средства защиты.

2. Атрибутивные подзадачи, которые в основном изучают свойства строительной продукции (функциональные, эксплуатационные, свойства безопасности, эстетические и потребительские свойства).

3. Ситуалогические подзадачи воссоздают вещественную обстановку уже произошедшего события, что позволяет понять характер и последовательность его самостоятельных фрагментов. Такие подзадачи считаются промежуточными в цепочке решаемых экспертом задач.

4. Стоимостные задачи, решение которых позволяет определить стоимость выполненных строительных работ, использованных строительных материалов и конструкций, целого строительного объекта или отдельных его частей.

5. Классификационные задачи, направленные на установление принадлежности объекта на основании определения его свойств к разнообразию объектов и свойств, которые уже известны. Важно, что объекты и свойства, которые известны заранее, предусмотрены государственными стандартами или нормативными документами.

6. Диагностические задачи позволяют определить наличие отклонений, которые могут возникнуть в будущем во время рабочего процесса. Например, это могут быть отклонения, связанные с требованиями СНиП (строительных норм и правил), которые регулируют как строительство, так и строительное производство.

7. Нормативистские задачи устанавливают соответствие (или их отсутствие) требованиям специальных правил и норм действий лиц или результатов этих действий, которые участвовали в каких-либо производственных работах, повлекших событие, которое привело к расследованию или судебному разбирательству. Главной отличительной чертой нормативистских задач является наличие нормы или правила.

8. Каузальные задачи устанавливают причинно-следственную связь между нарушением специальных норм и произошедшим негативным

---

¹ Строителям о судебной строительно-технической экспертизе: учебное пособие / В. Н. Козомазов [и др.]. Липецк: Типография «Липецк-Плюс», 2018. С. 27.

событием (несчастный случай, авария и т. д.). В арбитражном и гражданском судопроизводстве казуальные исследования используются: при определении характера повреждения объекта строительства; при определении наличия или отсутствия причинно-следственной связи между поломкой строительной конструкции и ее некачественным производством; при определении связи между некорректно составленной проектной документацией и дефектами или расходами.

9. Преобразовательные задачи решаются при рассмотрении гражданских споров, связанных с правом собственности на недвижимость в жилищной сфере, по делам, связанным с разделом недвижимого имущества, находящегося в долевой и совместной собственности и т. д.¹

Предметом судебного разбирательства по делам о мошенничестве в сфере строительства, как правило, становятся: 1) виды выполненных работ (подготовительные, геодезические, земляные, строительные-монтажные, отделочные, гидротехнические и другие); 2) объемы работ (в соответствии с техническим заданием на выполненные работы); 3) качество выполненных работ (в соответствии с требованиями нормативно-технической документации); 4) стоимость указанных работ, выполненных при возведении здания или сооружения (в соответствии с договорами подряда, дополнительными соглашениями и другими документами, содержащие ценовые показатели).

При производстве данного вида исследования эксперт-строитель пользуется инструментальным методом с помощью измерительных инструментов и оборудования, а также фиксирующих инструментов, аппаратуры и принадлежностей. К фиксирующей аппаратуре относятся: фотоаппарат, видеокамера, диктофон. Фиксирующие принадлежности – это карандаш, ластик, тетрадка и другие. Оборудование, предназначенное для определения метрических и иных параметров исследуемых объектов, используемое при проведении экспертизы в обязательном порядке, должно быть сертифицировано и откалибровано. Применение технических средств зависит от специфики исследуемого объекта и содержания поставленных задач.

На сегодняшний день в Каталоге регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств не содержится перечень методик строительной-технической экспертизы. Для выбора методики эксперт-строитель опирается на методические указания, ГОСТы, Своды правил и другие документы. В частности, экспертами-строителями используются следующие методики: 1) методика определения причин возникновения и развития дефектов в каменных конструкциях; 2) методика определения стоимости восстановления зданий и сооружений, поврежденных пожаром; 3) методика определения качества работ, выполняемых при

---

¹ Россинская Е. Р. Настольная книга судьи: Судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Проспект, 2011 г. С. 678.

устройстве гипсокартонных перегородок на металлическом каркасе;
4) методика определения видов, объемов, качества и стоимости строитель-но-монтажных и специальных работ по возведению, ремонту (реконструкции) строительных объектов и другие.

В соответствии со Сборником примеров заключений по судебной строительно-технической экспертизе¹ в практике судебной экспертизы чаще всего встречается Методика определения видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специальных работ по возведению, ремонту (реконструкции) строительных объектов. Задачей данной методики является определение видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специализированных работ, выполненных при возведении или ремонте строительных объектов: здания, строения, сооружения (включая благоустройство, а также внутренние и наружные инженерные сети), оконченные строительством, находящиеся на стадии возведения либо ремонта, объекты незавершенного строительства².

Производство данной методики условно можно разделить на три стадии: 1) исследования, проводимые до осмотра строительного объекта; 2) исследования, проводимые в ходе осмотра строительного объекта; 3) исследования, проводимые после осмотра строительного объекта. Все стадии отличаются друг от друга объемом исходных данных. Так как при переходе от одной стадии к другой объем информации дополняется, содержание становится все более сложным. Но, несмотря на это, важно отметить, что исследование объекта на каждой стадии имеет одну цель – это установление качественных и количественных характеристик выполненных работ.

На первой стадии исследования эксперт составляет в виде таблицы опись предоставленных документов, которая впоследствии будет составлять вводную часть заключения эксперта. Следующим шагом эксперта является разработка алгоритма действия в ходе осмотра. Эксперт должен учесть объем исследуемого объекта, а также предусмотреть какие инструменты ему понадобятся. Сведения об инструментах также вносятся в вводную часть заключения. Вторая стадия исследования непосредственно состоит в организации осмотра строительного объекта. Проведение осмотра состоит из общего визуального ознакомления с объектом и определения доступных визуальному восприятию видов, используемых при строительстве, их взаимного расположения, состояния внешней и внутренней отделки, наличия инженерных коммуникаций. При визуальном осмотре эксперт

---

¹ Сборник примеров заключений по судебной строительно-технической экспертизе: практическое пособие для экспертов / подг. А. Ю. Бутырин, Е. Б. Статива. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. С. 212.

² Сборник методических рекомендаций по производству судебных строительно-технических экспертиз / под общ. ред. А. Ю. Бутырина. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2012. С. 7.

определяет виды и объемы проделанных работ. Одной из наиболее распространенных ошибок является мероприятие по обследованию несущих конструкций. Правила их обследования закреплены в п. 5.2 СП 13-102-2003. Эксперт в обязательном порядке должен включать в заключение сведения об условиях проведения осмотра и лицах, которые присутствовали. Таким образом, можно убедиться в том, что были соблюдены все нормы процессуального права.

В ходе экспертного осмотра необходимо определить виды использованных материалов, изделий и конструкций, на основании нормативно-технической документации и специальной литературы. Итогом проведения осмотра строительного объекта является фиксация результатов. На третьей стадии для определения объемов фактически выполненных строительных работ проводятся расчеты на основании полученных при осмотре данных, отражающихся в таблице, которая является составной частью заключения.

После проведения всех расчетов оформляется заключение эксперта на основании Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации. В выводе эксперт фиксирует все данные, полученные в рамках исследования: вид, объем, качество и стоимость строительного-монтажных работ.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что качественно проведенная судебная строительного-техническая экспертиза является весомым средством доказывания, ибо позволяет в полной мере объективно оценить все допущенные нарушения в сфере строительства. Строительно-техническая экспертиза позволяет дать итоговую оценку состояния и стоимости объекта незавершенного строительства, ибо определение в рамках производства экспертизы фактического состояния объекта, наличия основной и вспомогательной документации, правовых особенностей составления сопровождающих правовых документов повлияют на стоимость и срок завершения строительства. Совокупность факторов дополнительного срока строительства, фактического объема выполненных и невыполненных работ влияет на конечную стоимость строительства, являющейся обстоятельством, подлежащим доказыванию по факту мошеннических действий.

© Кузбагарова Е. В.

© Кузбагаров М. Н.

Г. В. Лукьянова – старший преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Участие сотрудников органов внутренних дел в исполнительном производстве заключается, как правило, в оказании содействия судебным приставам-исполнителям в осуществлении их полномочий.

Обычно такое участие заключается в проведении совместных комплексных мероприятий по выявлению должников. В данном случае речь идёт о практике работы судебных приставов-исполнителей вместе с сотрудниками ГИБДД МВД России. Суть её заключается в проверке сотрудниками ГИБДД МВД России водителей транспортных средств на предмет наличия задолженностей по исполнительному производству.

Судебные приставы совместно с сотрудниками ГИБДД МВД России останавливают водителей, у которых есть долги за услуги ЖКХ, неоплаченные налоги, штрафы, алименты. Водители, имеющие крупные долги, иногда даже остаются без автомобилей – их арестовывают на месте в счет уплаты долга.

С точки зрения принудительного исполнения можно отметить безусловную эффективность проведения подобных мероприятий. Однако с формально-юридической стороны дела (и это подтверждается практикой прокурорского надзора) возникают обоснованные вопросы, поскольку в действиях сотрудников усматривается нарушение прав граждан.

Речь, в частности, идёт о тех случаях, когда сотрудники ГИБДД МВД России останавливают транспортные средства не в связи с нарушением Правил дорожного движения, а для реализации полномочий судебных приставов.

Проблема в том, что без непосредственного участия органов внутренних дел невозможна реализация полномочия судебных приставов-исполнителей по ограничению специальных прав должников (прежде всего, прав на управление транспортными средствами).

В последнее время из средств массовой информации всё чаще звучат критические высказывания о проведении совместных рейдов ГИБДД МВД России и Федеральной службы судебных приставов, направленных на взыскание долгов по штрафам.

Тем не менее, согласно действующему законодательству, полиция

при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами¹.

Мнения специалистов зачастую сводятся к тому, что совместные действия указанных правоохранительных органов непропорциональны.

Возникновению подобных противоречий способствует отсутствие единства в правоприменительной практике. В частности, прокуратура Курганской области провела проверку, по результатам которой было принято решение, что такие рейды на дорогах незаконны. Своё решение прокуратура обосновывает тем, что согласно ч. 1 ст. 27 Конституции России, все граждане имеют право на свободу передвижения. Поэтому останавливать их, при отсутствии в действиях водителей нарушений, нельзя. Противоречат совместные действия и Административному регламенту МВД, описывающему основания для остановки автомобиля.

Однако подобные рейды проводятся на основании согласованных распоряжений областного управления ГИБДД и областного управления ФССП. В результате проверки оказалось, что действия сотрудников ГИБДД законны и носят обоснованный характер. В соответствии с законодательством сотрудники дорожной полиции обязаны выявлять административные правонарушения, а неуплата задолженности составляет административное правонарушение.

Сотрудники органов внутренних дел в пределах предоставленных им федеральным законом полномочий оказывают содействие судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка, в порядке, установленном совместным нормативным правовым актом федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции, и федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел².

Жизненные реалии настоящего времени всё более требуют согласованности действий вышеуказанных органов. Трудности заключаются в том, что происходит неточное выполнение правовых норм. То есть, согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, за неуплату административного штрафа в установленный срок он налагается в двойном размере. Для чего, по истечении семидесяти суток после вынесения постановления об административном правонарушении, инспектор по исполнению административного законодательства вызывает лицо, имеющее задолженность, на прием, чтобы составить в отношении

---

¹ Статья 10 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

² Статья 62. Взаимодействие судебных приставов-исполнителей с органами внутренних дел (в ред. Федерального закона от 03.12.2011 № 389-ФЗ).

него протокол по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ (неуплата административного штрафа в срок). Поскольку ситуация такова, что неоплаченных штрафов слишком много (инспектор не успевает оформить материалы на каждого), то можно с уверенностью утверждать, что данная норма права в отношении большинства граждан попросту не выполняется. Из этого следует, что недобросовестные водители не несут ответственности в должной мере, и вследствие безнаказанности продолжают нарушать правила дорожного движения. При этом инспекторы, не получая своевременно данных об оплате штрафа, составляют реестр и отправляют постановления в ФССП России для принудительного взимания штрафов.

Таким образом, складывается ситуация, что одни правонарушители по факту уплачивают штраф в двойном размере, или же в отношении них исполняется такая мера административного наказания, как административный арест (до пятнадцати суток), либо обязательные работы (на срок до пятидесяти часов), с других же правонарушителей административные штрафы взыскиваются судебными приставами в первоначальной сумме.

Представляется, что данный вопрос в обязательном порядке должен быть урегулирован. Для этого потребуются создать банк данных, в котором будут суммироваться все неоплаченные штрафы граждан, и при накоплении определенной суммы, к примеру, десяти тысяч рублей можно будет привлекать лиц к ответственности, применяя в качестве наказания административный арест с последующей выплатой задолженностей. Логично, что лица, совершившие указанные правонарушения, будут откладывать уплату административных штрафов и копить их, для этого необходимо установить временной барьер, например, три месяца, и если нарушитель не уложился в этот срок, сумма автоматически удваивается и приближается к тем десяти тысячам, о которых ранее упоминалось. В практике взаимодействия ГИБДД МВД России с министерствами и ведомствами, предприятиями и учреждениями встречаются определенные трудности. Громоздкая система управления, параллелизм в ведомственных функциях, несовершенство действующего законодательства создают некоторую сложность в комплексном обеспечении безопасности дорожного движения заинтересованными органами.

Госавтоинспекция и ФССП России за последнее время достигли ощутимых успехов в части межведомственного взаимодействия, и следующим шагом для данных ведомств должно стать повышение взыскиваемости административных штрафов, не уплаченных в добровольном порядке.

© Лукьянова Г. В.

Л. С. Ремизова – доцент кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России, кандидат юридических наук (Россия, г. Рязань)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СО СТОРОНЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТИМУЛИРУЮЩИХ МЕР И ВЗЫСКАНИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Немаловажную роль в выполнении задачи защиты прав осужденных, заключенных, а также иных граждан играют органы прокуратуры Российской Федерации¹.

В сфере прокурорского надзора находятся различные вопросы, в том числе и вопросы дисциплинарной практики, профилактики преступлений и других правонарушений в местах лишения свободы, условия содержания, все составляющие их правила, условия, ограничения².

С. А. Борсученко отмечает, что распространенными формами прокурорского реагирования на нарушения закона в рассматриваемой сфере являются протесты и представления, постановления о возбуждении уголовного дела или производства об административных правонарушениях. Причем до рассмотрения протеста действие опротестованного акта администрацией учреждения приостанавливается. Следует отметить, что постановления и требования прокурора относительно установленных законом порядка и условий содержания граждан подлежат обязательному исполнению администрацией учреждения (ст. 34 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»)³.

При необходимости прокурор может провести проверку внезапно в целях предотвращения сокрытия факта нарушения закона или его последствий, в том числе это касается и незаконного наложения взыскания на осужденного или его несоразмерности совершенному правонарушению.

---

¹ Банаев В. И. Взаимодействие прокуратуры с уголовно-исполнительной системой в вопросах обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара. 2017. С. 4–6.

² Борсученко С. А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы уполномоченным по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. .... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 22.

³ О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

Почему в данном случае речь идет только о наложении взысканий? Ответ на данный вопрос очевиден, поскольку любые поощрения в той или иной мере улучшают положения лица, допустившего нарушение. Бывают случаи необоснованного и несоразмерного наказания в местах лишения свободы.

Как показывает практика, продолжает увеличиваться количество обращений осужденных, а также их родственников о неправомерных действиях со стороны сотрудников исправительных учреждений. Жалобы на нарушение законности сотрудниками УИС поступают, в том числе на незаконное водворение в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ¹ как меру взыскания.

Огромное количество жалоб и обращений из мест лишения свободы поступают в органы прокуратуры и в адрес уполномоченного по правам человека. Эти два субъекта в полной мере занимаются рассмотрением, предотвращением, пресечением, восстановлением, защитой прав и законных интересов граждан, в том числе в местах принудительного содержания. Основную долю рассматриваемых обращений составляют вопросы, касающиеся условий содержания подозреваемых и обвиняемых, административно задержанных².

Анализ практики применения сотрудниками исправительных учреждений дисциплинарных взысканий и их отмены надзирающим органом показывает, что основная масса взысканий отменяется из-за отсутствия либо неустановления фактических обстоятельств нарушения (например, в ходе проведения проверки факты, указанные в обращении, не нашли своего подтверждения).

Также хочется отметить, что задача дисциплинарного взыскания состоит не в том, чтобы причинить осужденному моральные или нравственные страдания, а в том, чтобы оступившийся осознал всю вредность, опасность, неправомерность совершенного им проступка и не допускал подобного впредь.

Однако случается в практике, что незначительное нарушение может повлечь серьезное наказание и, наоборот, за серьезное и значимое нарушение может быть формальное незначительное наказание. Это необходимо искоренять, поскольку указанные факты могут повлечь серьезные последствия и конфликты в местах лишения свободы.

Должностным лицам исправительного учреждения при наложении дисциплинарного взыскания необходимо тщательным образом проверять

---

¹ Банаев В. И. Взаимодействие прокуратуры с уголовно-исполнительной системой в вопросах обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара. 2017. С. 4–6.

² Оводкова Л. С. К вопросу о правах человека в условиях изолятора временного содержания / Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 132–134.

все обстоятельства, относящиеся к делу, факты совершения правонарушения, причины и условия, сопутствующие совершению противоправного проступка, выявлять виновных и иные данные, которые можно отнести к делу. Деятельность такого рода должна проводиться уполномоченными на то лицами и в соответствии с действующим федеральным законодательством, что также закреплено Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, которые приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 года. Поэтому так важна правильная позиция администрации исправительного учреждения, поскольку именно от нее зависит путь исправления личности осужденного и его дальнейшая адаптация в обществе.

Кроме того, уголовно-исполнительное законодательство предусматривает возможности отмены постановления о наложении взыскания начальником исправительного учреждения и иными уполномоченными на то должностными лицами. Также возможно досрочное снятие наложенного взыскания через определенный промежуток времени, предусмотренный законом.

Надзорный орган правомочен отменить дисциплинарное взыскание в местах лишения свободы. Согласно п. 1 ст. 33 Закона о прокуратуре прокурор вправе отменять дисциплинарные взыскания, наложенные в нарушение закона на лиц, заключенных под стражу, осужденных, немедленно освобождать их своим постановлением из штрафного изолятора, помещения камерного типа, карцера, одиночной камеры, дисциплинарного изолятора¹.

Таким образом, можно выделить субъекты, которые наделены полномочиями в отмене взыскания, наложенного администрацией исправительного учреждения: суд и органы прокуратуры². Выбор в этом вопросе является прерогативой осужденного.

Практика показывает, что органы прокуратуры в полной мере обжалуют и отменяют дисциплинарные взыскания, наложенные на осужденных неправомерно, что подтверждается многочисленными примерами из судебной практики.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, повторим, что дисциплинарное воздействие (поощрения и взыскания) является не только одним из средств обеспечения режима, но и одновременно средством стимулирования законопослушного поведения осужденных.

В действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ содержится

---

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп. вступил в силу с 08.01.2019) (СПС «КонсультантПлюс»).

² Исаев С.В., Ситников Г. В. Дисциплинарная ответственность осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях РФ. Пермский региональный правозащитный центр. 2015. С. 32.

ряд статей, посвященных мерам поощрения, порядку применения мер поощрения к различным категориям осужденных, должностных лиц, имеющих право их применять.

Некоторыми из оснований применения мер поощрения являются:

- хорошее поведение;
- добросовестное отношение к труду и обучению;
- активное участие в проводимых воспитательных мероприятиях (ст.ст. 113, 134 УИК РФ). Для применения мер поощрения достаточно одного из этих оснований.

Иное дело с мерами взыскания, поскольку они всегда ухудшают положение осужденного. В этой связи, должностные и иные лица, обладающие полномочиями в данной сфере, должны учитывать все нюансы обстоятельств, причин и условий, способствующих наложению дисциплинарного взыскания на осужденного. Кроме того, любой проступок должен быть надлежащим образом оформлен в соответствии с нормами и правилами, указанными в действующем законодательстве.

© Ремизова Л. С.

УДК 343.231(470)

С. М. Сергеев – начальник кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат экономических наук, доцент (Россия, г. Иркутск);

Р. А. Забавко – заместитель начальника кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Иркутск)

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Одним из важнейших вопросов при применении уголовного закона является определение того, какое конкретно преступление совершило лицо и какой нормой это преступление предусмотрено. Целиком и полностью решается этот вопрос в процессе квалификации преступлений.

Понятие «квалификация преступлений» широко используется в уголовном праве, криминологии, уголовном процессе, судебной статистике, правоприменительной практике, иных отраслях права и юридической науке. Указанное словосочетание употребляется в ряде норм уголовно-процессуального закона (например, в статьях 39, 40.1, 231, 237, 246, 301,

307, 396, 454 УПК РФ). Неоднократно упоминается о квалификации и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Однако до сих пор законодательного определения это понятие не получило, а теоретическая разработка проблемы квалификации преступлений наиболее полно и последовательно осуществляется наукой уголовного права.

В правовой доктрине отмечалось, что создание необходимого понятийно-категориального аппарата является краеугольным камнем, элементом методологии соответствующей отрасли науки, что приобретает особое значение для юриспруденции, где каждый термин должен трактоваться однозначно и адекватно отражать объективную реальность¹. Именно поэтому, считаем, что исследование проблем квалификации деяний, предусмотренных законом об уголовной ответственности, целесообразно начать с выяснения ее сущности и понятия.

Основы теории квалификации были заложены еще со времен Древнего Рима, когда в теории права начали разрабатываться вопросы, связанные с правилами применения закона, преодолением его недостатков, неточностей, пробелов, противоречий². В период становления и развития науки уголовного права, который традиционно связывают с концом XVIII века, значительный вклад в разработку вопросов квалификации осуществили представители классической школы уголовного права. Так, итальянский мыслитель Чезаре Беккариа отмечал, что судья должен устанавливать силлогизм, большей посылкой которого является общий закон, меньшей – поведение, которое совместимо или несовместимо с законом, а выводом – свобода или наказание. Он ограничен правом только разобрать действия граждан и решить, соответствуют ли они писаному закону или нет³.

Н. С. Таганцев более чем столетие назад сформулировал требования к квалификации преступлений, указав, что применение закона к конкретным жизненным случаям предполагает, с одной стороны, выяснение объема и существенных признаков этого запрета, а с другой – выяснение наличия этих существенных признаков в данном деянии, подлежащем судебному разбирательству, так как только за установление тождества между обеими группами признаков возможно применение к обвиняемому тех последствий, которые должны наступить за невыполнение веления закона⁴.

Собственное определение понятия «квалификация» в отечественной уголовно-правовой науке впервые было сформулировано в 1947 году А. А. Герцензоном, который рассматривал квалификацию преступлений

---

¹ Веденеев Ю. А. предмет и структура юридической науки // LexRussica. 2013. Т. ХСV. № 6. С. 580.

² Плотников А. И. Теоретические основы квалификации преступлений. Оренбург: Изд-во ОИ МГЮА, 2001. С. 8.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 96.

⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2-х томах. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 86.

как установление соответствия конкретного деяния признакам того или иного преступления, предусмотренного уголовным законом¹. Позже М. И. Коржанский отметил, что такое определение является малоприменимым для практики, поскольку не содержит указания на уголовно-правовую норму, которая должна быть применена в данном конкретном случае именно к этому деянию².

Более содержательное определение понятия квалификации со ссылкой на применение соответствующего уголовного закона к виновному лицу было предоставлено А. И. Рарогом, который квалификацию преступлений трактует как установление и фиксацию в процессуальной форме тождества юридически значимых признаков реального преступления признакам состава преступления этого вида, закрепленным в норме Уголовного кодекса³.

По мнению Я. М. Брайнина, термином «квалификация» в более узком смысле целесообразно называть выбор или подыскивание соответствующего уголовного закона и подведение под него преступления, которое инкриминируется лицу⁴.

Это понятие в дальнейшем было исследовано в работах таких ученых, как В. Н. Кудрявцев, А. В. Коренева, В. А. Навроцкий, которые рассматривают квалификацию не только как процесс установления точного соответствия между признаками деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, но и еще как юридическое закрепление в официальном документе результата установленной или неустановленной ответственности.

Наибольший вклад в разработку теории квалификации преступлений внес В. Н. Кудрявцев, который отмечал, что квалификация преступлений – это установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. В то же время ученый указывал, что такое определение квалификации характеризует ее как правовое явление. Однако процесс квалификации имеет и иные аспекты, среди которых наиболее важными, по мнению ученого, являются психологический и логический⁵.

Именно как логический процесс рассматривала квалификацию А. В. Коренева, указывая, что она представляет собой самостоятельный логический процесс определения юридической оценки преступления, ре-

---

¹ Герцензон А. А. Квалификация преступлений. М.: Госюриздат, 1947. С. 4.

² Коржанский М. И. Квалификация преступлений. К.: Одиссей, 1998. С. 5.

³ Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. С. 7.

⁴ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967. С. 125.

⁵ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Норма, 2001. С. 78.

шение которой находит свое закрепление в соответствующих юридических актах (процессуальных документах), влекущих правовые последствия¹.

В дальнейшем под квалификацией понималась правовая оценка совершенного деяния. Так, в одном из юридических энциклопедических словарей указывалось, что квалификация преступлений – это уголовно-правовая оценка преступного деяния, заключающаяся в установлении соответствия его признаков признакам состава преступления, предусмотренного уголовным законом².

Более расширенное определение понятия квалификации преступлений представил М. И. Коржанский, отметив, что глубинным признаком квалификации преступлений является установление всех признаков определенных преступлений и дополнительно еще одного признака этого определенного, конкретного деяния и состава преступления, который его предусматривает. Квалификация преступлений, по мнению ученого, это уголовно-правовая оценка совершенного деяния, выбор и применение к нему той уголовно-правовой нормы, которая шире описывает его признаки³.

Наиболее полное определение понятия квалификации привел В. А. Навроцкий, который отметил, что квалификация преступлений – это результат уголовно-правовой оценки деяния органами предварительного расследования, констатирующий отнесение содеянного к преступлению, определение нормы уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершенное деяние, и установление соответствия между юридически значимыми признаками посягательства и признаками преступления, предусмотренного законом, и процессуальное закрепление вывода о наличии такого соответствия⁴.

Квалифицировать совершенное деяние, по мнению Р. А. Сабитова, значит отнести его к определенному виду правонарушений или положительных поступков, охарактеризовать его как правомерное или неправомерное⁵.

Отдельные исследователи рассматривают квалификацию как умственно-логический процесс, который осуществляется по законам формальной логики с использованием таких приемов и методов, как индукция и дедукция, анализ и синтез, переход от абстрактного к конкретному. Так, Н. Л. Идрисов рассматривает квалификацию как деятельность правоохрани-

---

¹ Коренева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 24.

² Голиченков А., Буянова М.: Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.] / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2008. С. 253.

³ Коржанский М. И. Квалификация преступлений. К.: Одиссей, 1998. С. 11.

⁴ Навроцкий В. А. Теоретические проблемы уголовно-правовой квалификации. К.: Атика, 1999. С. 33.

⁵ Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 9.

менителя с использованием приемов формальной логики, направленную на проверку тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления, результат которой формализуется в уголовно-процессуальных документах в виде вывода о совершении преступления определенного вида со ссылкой на статьи Уголовного кодекса¹.

Обобщив позиции, высказанные в научной литературе, можно прийти к выводу о том, что термин «квалификация» рассматривается в двух основных значениях:

а) для обозначения определенного процесса деятельности соответствующих субъектов по оценке и установлению юридической природы совершенного деяния, соответствия между фактическими и юридическими признаками посягательства;

б) для установления результата такой деятельности, который заключается в определении уголовно-правовой нормы (статьи, части, пункта статьи) уголовного закона, предусматривающего ответственность за содеянное. Кроме того, определенные исследователи под квалификацией понимают не только юридическую, но и социально-политическую оценку содеянного.

© Сергеев С. М.

© Забавко Р. А.

УДК 343.541.4(476)

В. В. Стальбовский – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, к основным потенциально опасным либо реально существующим угрозам для Республики Беларусь отнесена утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, а также

---

¹ Идрисов Н. Л. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Т. Идрисов. Самара, 2009. С. 37.

рост преступных и иных противоправных посягательств против человека (п. 27)¹. Аналогичные положения содержатся и в международных правовых актах², подчеркивая значимость проблемы и особый статус объекта правовой защиты – личности, а в частности несовершеннолетнего.

Проблема противодействия преступлениям уголовно-правовыми и криминологическими средствами остается довольно актуальной и острой в Республике Беларусь. Анализ данных уголовной статистики за последние пять лет свидетельствует о значительном увеличении (в 8 раз) количества преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних. В 2013 г. выявлено 110 таких преступлений (56 – тяжких), в 2017 г. в сфере противодействия педофилии зафиксировано 533 преступления, в том числе 326 тяжких и (или) особо тяжких, а за 2018 г. выявлено 831 преступление (513 – тяжких и особо тяжких).

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь не закреплены некоторые составы преступлений в рассматриваемой сфере уголовно-правовой охраны личности. Так, существует опасность совершения деяний, ответственность за которые не предусмотрена в законодательстве (например, деяний в сети «Интернет», посредством которого совершаются многие преступления, в том числе в отношении несовершеннолетних). Для эффективного применения уголовного закона необходимо создать оптимальную теоретическую модель уголовной ответственности за совершение таких преступлений, предусмотрев при этом:

1. Устранение правового пробела в части уголовно-правовой охраны от действий, посягающих на половую неприкосновенность или половую свободу несовершеннолетних, в глобальной компьютерной сети «Интернет» или с помощью информационных технологий – интернет-груминга. Необходимо ч. 3 ст. 166, ч. 3 ст. 167, ч. 2 ст. 169 дополнить квалифицирующим признаком следующего содержания: «Совершенное лицом, состоящим в интернет-сообществе педофилов», «совершенное с помощью интернет-груминга».

2. Закрепление в ст.ст. 166, 167, 169 УК нового квалифицирующего признака путем дополнения указанных статей положением следующего содержания: «В отношении деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 166, ч. 3 ст. 167, ч. 2 ст. 169 – совершенное близким родственником либо лицом, на которое возложены обязанности по содержанию или воспитанию несовершеннолетнего (малолетнего)». Данное положение обосновано тем, что уг-

---

¹ Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.region.grodno.by/ru/konception-ru/> (дата обращения: 10.05.2019).

² Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации и посягательств сексуального характера [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70359656/>. (дата обращения: 19.02.2018); Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. (дата обращения: 19.02.2018).

лубленный анализ уголовных дел, изучение личности осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы свидетельствуют об увеличении количества совершаемых преступлений лицами, часто заранее знакомыми, нередко являющимися близкими родственниками или в обязанности которых входят функции воспитания, содержания. Значительное количество преступлений фиксируется в детских интернатах, есть случаи совершения их врачами, педагогами, социальными работниками, курирующими социально опасные семьи (в частности, возможность лица, имеющего скрытые патологии сексуального характера, беспрепятственно находиться с детьми и подростками в каких-либо повседневных контактах). Усиление уголовной ответственности в рассматриваемом аспекте позволит направить уголовно-правовые нормы на группу потенциальных преступников из указанной категории лиц и обеспечить более эффективное противодействие такой преступности уголовно-правовыми средствами.

3. Дополнение ст. 168 УК следующим примечанием: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если будет установлено, что это лицо и совершенное им деяние перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Как показывает практика изучения статистических сведений и скрупулезный анализ данной категории уголовных дел в аспекте предлагаемого дополнения в УК, виктимологические свойства потерпевшего часто свидетельствуют о невозможности определить его точный возраст: преступником, как правило, является лицо, на несколько лет старше возраста жертвы. Увеличение количества судимых, содержание их в местах лишения свободы, их дальнейшая ресоциализация в условиях свободы, по нашему мнению, накладывают отпечаток на всю дальнейшую жизнь, лишая тем самым общество полноправного индивида, который способен принести пользу государству. Количество преступлений по ст. 168 УК, как показывают статистические данные, значительно возрастает, при этом количество судимых лиц часто увеличивается в связи с процессами акселерации, изменением норм морали и традиций современной молодежи, ранним половым опытом, отсутствием четкого сексуального и правового образования в школе. Все это свидетельствует о необходимости исключения уголовной ответственности в случае вступления в брак с потерпевшим.

4. Дополнение санкции ч. 2 и ч. 3 ст. 166, ч. 2 и ч. 3 ст. 167, ч. 1 и ч. 2 ст. 168, ч. 1 и ч. 2 ст. 169 УК таким обязательным видом наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Данные изменения обусловлены тем, что около 35 % преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних совершаются лицами, занимающими должностные положения, лицами, в обязанности которых входит воспитание и со-

держание несовершеннолетних (педагоги, учителя, воспитатели, врачи, государственные служащие и многие др.). Данное изменение также не позволит после освобождения иметь непосредственный контакт с детьми, трудоустроиться в учреждения и организации, связанные с воспитанием несовершеннолетних.

5. Дополнение абзаца 1 ст. 85 УК (сроки давности) словами следующего содержания: «преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних» и п. 11 следующего содержания «изнасилование, насильственные действия сексуального характера (ст.ст. 166, 167 настоящего Кодекса)». Учитывая высокую степень латентности, общественную опасность, многократность и многоэпизодность, полученные с помощью анкетирования данных о мнении сотрудников по раскрытию преступлений прошлых лет, личных дел осужденных, уголовных дел по рассматриваемым статьям УК, необходимо исключить сроки давности за совершение преступлений предусмотренных ст.ст. 166 и 167 УК. Весомый массив нераскрытых уголовных дел прошлых лет (27–35 в среднем за год) возбуждается спустя значительный отрезок времени (когда жертва решает сообщить о случившемся). Предлагаемая мера является важным направлением уголовно-правового и криминологического противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

6. Ограничение возможности условно-досрочного освобождения от наказания и замена наказания более мягким наказанием в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 166–170 УК Республики Беларусь, повторно. К тому же проведенный криминологический анализ свидетельствует о тенденции увеличения количества случаев рецидивов рассматриваемой группы преступлений (достигает 80 %), многие преступления становятся известными по истечении длительного срока (преступления прошлых лет), латентность имеет показатели значительно выше иных категорий преступности, личность преступника-педофила становится более изощренной после отбытия наказания, скрытой, осторожной, но мотивация совершить новое преступление сексуальной направленности остается на высоком уровне. Стоит еще раз подчеркнуть, что половые преступления – это специфическая группа общественно опасных деяний, которым присущи многоэпизодность и многократность совершения их индивидом. Все вышеприведенные факторы сопутствуют выводу об ограничении институтов досрочного освобождения (УДО, ЗНБМ) от наказания и внесении соответствующих изменений в Уголовный кодекс: статью 90 «Условно-досрочное освобождение от наказания» дополнить ч. 8 следующего содержания: «Лица, совершившие преступления, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 166, ч. 2 и ч. 3 ст. 167, ч. 1 и ч. 2 ст. 168, ч. 1, ч. 2 ст. 169 Кодекса, повторно, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания»; статью 91 «Замена неотбытой части наказания более мягким

наказанием» дополнить ч. 7 следующего содержания: «Лица, совершившие преступления, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 166, ч. 2 и ч. 3 ст. 167, ч. 1 и ч. 2 ст. 168, ч. 1 и ч. 2 ст. 169 Кодекса, повторно, не подлежат замене наказания более мягким наказанием».

Еще раз необходимо подчеркнуть вывод о том, что мы не разграничиваем осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления к применению институтов досрочного освобождения, не входящие в группу рассматриваемых в исследовании преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних. Этот вывод подтверждается тем, что в ходе исследования нами подтверждены заключения о гиперлатентном (высоком) уровне рецидива (наибольшем среди всех категорий преступлений, предусмотренных УК) и латентности преступлений, предусмотренных УК педофилической направленности, за исключением некоторых преступлений в экономической и коррупционных сферах. В том числе выявлены закономерности в мотивационной сфере, внутренней структуре и причинной связи указанной категории преступлений, что так же отличает их по степени общественной опасности, к примеру, от убийств, причинения тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей и др.

Педофилические наклонности невозможно вылечить мерами воспитательного характера (в том числе таким инструментом воспитательного воздействия, как УДО и ЗНБМ). Таким образом, это еще раз подтверждает тезис о правомерности запрета институтов досрочного освобождения от наказания в местах отбывания наказания, предусмотренных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь. К тому же вполне правомерно проработать в дальнейшем вопрос применения в отношении такой категории преступников хирургической кастрации как одного из условий УДО и ЗНБМ.

© Стальбовский В. В.

УДК 343.352(470)+341.48

Р. Ф. Гарифуллина – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Понятие такого социального явления, как коррупция, является многоплановым и включает в себя множество видов и форм преступных проявлений, что ни одно из определений этого социального явления не является полным, охватывающим все его формы.

Например, в документах ООН и Совета Европы коррупция определена как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп». Эта дефиниция, на наш взгляд, носит общий и неопределенный характер. Здесь не ясна цель получения выгоды третьих лиц или групп, в чем заключается личный интерес коррупционера, если эти лица не являются для него близкими родственниками или друзьями.

Профессор В. А. Номоконов считает, что «подкуп является стержнем коррупции, присутствует в ней всегда, в обязательном порядке... Злоупотребления должностных лиц и иных служащих, даже носящие корыстный характер, с подкупом не связанные, не могут расцениваться как коррупция»¹.

Нам представляется, что это не совсем верная позиция, если не понимать слово «подкуп» слишком узко. Дело в том, что подкуп имеет разные формы. Его, на наш взгляд, нельзя рассматривать только в виде взятки. Он может выступать и в виде иной личной заинтересованности должностного лица по принципу «ты мне – я тебе», в том числе по причине родственных и иных связей. В итоге возникает круговая порука, прикрытие хищений, злоупотреблений и превышений служебных полномочий. Это лежит в основе приносящего вред обществу протекционизма, когда ведущие посты и чиновничьи должности занимают лица не вполне достойные и по деловым, и по моральным качествам. Коррупционный характер носят и такие злоупотребления должностным положением, когда высокопоставленные должностные лица раздают неоправданные льготы и преимущества предпринимателям-родственникам, даже не скрывая это. Известные из средств массовой информации примеры этому имели место и в Москве, и в ряде регионов России.

Таким образом, следует признать, что взяточничество является главным компонентом коррупции, но далеко не единственным. Это социальное явление многолико, и личная заинтересованность должностного лица – также своего рода подкуп, когда незаконный интерес (не только чисто корыстного характера) удовлетворяется за счет причинения вреда законным интересам граждан или организации либо охраняемым законом интересам общества или государства.

В группу преступлений коррупционного характера входят: превышение должностных полномочий, в том числе с применением насилия или с угрозой его применения (ст. 286 УК РФ); заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ); подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ). В большинстве слу-

---

¹ Номоконов В. А. Новое антикоррупционное законодательство и перспективы формирования антикоррупционной политики // Следователь. 2009. № 9. С. 53–57.

чаев это относится к принуждению дачи ложных показаний, соединенному с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких (ч. 2 ст. 309 УК РФ). Это пример того, что коррупционные преступления могут иметь и насильственный характер.

Одно из первых законодательных определений коррупции мы находим в Законе Республики Башкортостан «О борьбе с коррупцией» 1995 года. В законе дается следующее определение: «Коррупция – это использование лицами, уполномоченными на реализацию функций органов государственной власти, управления, органов правосудия, надзора и контроля, а также должностными лицами, наделенными организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями в сферах исполнения действующего законодательства, своего официального положения и связанных с ним возможностей для противоправного, вопреки интересам службы или деятельности, извлечения материальных, иных благ и преимуществ или удовлетворения иной заинтересованности посредством принятия неправомερных актов, совершения незаконных действий или бездействия, а равно не предусмотренное законами предоставление им этих благ и преимуществ физическими и юридическими лицами»¹.

Определение грешило редакционными и стилистическими неточностями, было изложено громоздко и содержало много ненужных подробностей. Но суть не в этом. Главным недостатком этого определения, на наш взгляд, являлось то, что в нем не была отражена сущность коррупции, определяющая степень ее общественной опасности, ее форму в виде взяточничества и ее связь с организованной преступностью.

На сегодняшний день понятие коррупции официально представлено в специальном Законе Российской Федерации «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года. Законодатель попытался дать ее определение путем перечисления наиболее распространенных и опасных форм преступных проявлений коррупционного содержания, каковыми являются: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»².

Получение взятки, дача взятки представляет собой достаточно распространенные формы коррупции. Опасность получения и дачи взятки обу-

¹ См.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1995. № 2. С. 37.

² См.: Российская газета. 2008. № 266.

словливается тем, что они часто сочетаются с такими преступлениями, как хищения, воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, регистрация незаконных сделок с землей, легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, злоупотребления должностными полномочиями, служебный подлог и т. д.

В 2013–2014 годах заметно возросло число зарегистрированных фактов взяточничества: 11521 и 13311. В 2016–2017 годах наметилось существенное снижение этих преступлений: 9984 и 5460. Из статистических данных видно, что число выявленных преступников меньше по сравнению с количеством зарегистрированных преступлений коррупционного характера, а также наблюдаются различия в динамике числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц. Это, по мнению профессора А. И. Долговой, указывает на фактическую безнаказанность значительного числа виновных в совершении соответствующих преступлений.

Таким образом, эффективность деятельности правоохранительных органов в борьбе с коррупционными преступлениями зависит от наличия необходимой нормативной базы, механизма реализации этих норм и непротivoдействия представителей государственного аппарата данной работе.

© Гарифуллина Р. Ф.

УДК 343.2/.7(575.2)

Р. Т. Исмаилов – начальник кафедры уголовного права и профилактики преступлений Академии МВД Кыргызской Республики, кандидат юридических наук (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВВЕДЕНИЕМ НОВОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С 1 января 2019 года в Кыргызской Республике введен в действие новый Кодекс (далее – УК КР)¹, имеющий существенные отличия от предшествующего УК КР 1997 г. Разработчиками нового УК КР предпринята попытка смены карательной парадигмы, что проявилось в декриминализации преступлений небольшой тяжести, переводе их в разряд уголов-

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики (от 2 февраля 2017 года № 19. Принят Жогорку Кенешем КР 22 декабря 2019 г. Введен в действие Законом КР от 24 января 2017 г. № 10). Бишкек: «М-МАХИМА», 2018.

ных проступков, не влекущих за собой судимости; в сокращении максимального срока лишения свободы; в снижении максимального срока лишения свободы по совокупности преступлений и приговоров; во введении института пробации за менее тяжкие преступления; в отказе от института рецидива преступлений, который противоречил принципу двойного вменения и т. п. Вместе с этим в современном УК КР имеются нормы, усилившие карательное воздействие, в частности: увеличен срок лишения свободы по совокупности преступлений и приговоров для несовершеннолетних при наличии особо тяжкого преступления (с 10 лет до 12 лет); увеличены размеры штрафов для несовершеннолетних (вместо 2 000–3 000 сом новое законодательство предусматривает штраф от 20 000 до 140 000 сом). Законодатель отказался от некоторых видов освобождения от наказания: отсрочки отбывания наказания осужденным, имеющим малолетних детей, и вследствие утраты лицом общественной опасности и т. д.

Кроме того, в уголовное законодательство введен новый институт «Принудительные меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Появились новые структурные элементы УК КР: а) приложение 1, раскрывающее значение терминов, употребляемых в данном Кодексе; б) приложение 2 – таблица соответствия видов и размеров наказаний за преступления для унифицированного построения санкций.

Вышеуказанные и многие другие нововведения вызвали бурное обсуждение в обществе, отдельные из них породили проблемы борьбы с конкретными видами преступлений. В частности, такое преступление, как уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 210 УК КР), отличаются от одноименного уголовного проступка (ст. 94 Кодекса Кыргызской Республики о проступках – КоП КР) степенью вреда, который, в отличие от вышеуказанного преступления, является незначительным (размер не превышает 100 расчетных показателей – 10 000 сом). Однако следует акцентировать внимание на том, что в ст. 94 КоП КР говорится о вреде в незначительном размере, а в ч. 1 ст. 210 УК КР – о вреде, причинившем значительный ущерб (в одну тысячу раз превышает расчетный показатель, то есть превышает 100 000 сом). При этом термины «значительный ущерб» и «значительный размер», исходя из приложения 1 УК КР, не тождественны.

Таким образом, если уничтожение и повреждение имущества в сумме до 10 000 сом относится к уголовному проступку, а аналогичное деяние, повлекшее ущерб свыше 100 000 сом, – к преступлению, то можно наблюдать образовавшийся вакуум уголовно-правового регулирования при уничтожении или повреждении чужого имущества на сумму от 10 000 сом до 100 000 сом, который затрудняет борьбу с данным деянием. Выход из сложившейся ситуации видится в криминализации уничтожения или повреждения чужого имущества в размере от 10 000 сом до 100 000 сом путем редакционной правки вышеуказанных статей.

Еще один вакуум образовался из-за новой конструкции статьи об от-

ветственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 181 УК КР), в которой в сравнении с ранней редакцией (ст. 157 УК КР 1997 г.) не криминализованы действия взрослых за вовлечение несовершеннолетнего в употребление одурманивающих веществ, то есть наблюдается декриминализация данных действий. Мало того, они не нашли своего отражения не только в современном уголовном законодательстве, но и в законодательстве об уголовных проступках.

Следует отметить, что до введения в действие нового УК КР и КоП КР в утратившем силу Кодексе об административной ответственности КР¹ (КоАО КР) содержалась статья, предусматривающая ответственность за вовлечение ребенка в антисоциальное поведение (ст. 367), в частности, за вовлечение лица, не достигшего 18-летнего возраста, в употребление веществ, средств, не относящихся к наркотическим или психотропным, но оказывающих на интеллектуально-волевою деятельность негативное воздействие. Кроме того, до принятия нового законодательства норма об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в употребление веществ, средств, не являющихся наркотическими или психотропными, к которым относятся одурманивающие вещества по КоАО (ст. 367), конкурировала с нормой уголовного законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в употребление одурманивающих веществ (ст. 157 УК КР 1997 г.).

Из одной крайности «конкуренции норм» законодатель перешел к другой – «полной декриминализации» деяний, связанных с вовлечением ребенка в употребление одурманивающих веществ.

Вместе с тем в Кыргызской Республике несовершеннолетние продолжают нюхать клей и ацетон. По данным специалистов, количество случаев зарегистрированных подростков, зависимых от психоактивных веществ, возрастает, однако официальная статистика не отражает действительную картину. В целом только по городу Бишкек зафиксировано около 25 человек².

На первом месте по употреблению одурманивающих веществ стоят: летучие растворители, клей, ацетон³. В Наркологический центр Бишкека ежемесячно доставляют в среднем около 20 детей с отравлениями жидкостью для очистки карбюратора⁴.

---

¹ Кодекс об административной ответственности [Принят Законод. собр. ЖК КР 18 июня 1998 г. По сост. на 2 авг. 2017 г.]

² Цой Е. Эксперт: В Кыргызстане подростки продолжают нюхать клей и ацетон // <https://knews.kg/2018/04/11/ekspert-v-kyrgyzstane-podrostki-prodolzhayut-nyuhat-klej-i-atseton/> (дата обращения: 15.10.2019)

³ Там же.

⁴ Чыныбаев Б. «Друзья карпают»: Подростки увлеклись новым видом токсикомании // <https://kloop.kg/blog/2017/08/27/druzya-karpayut-podrostki-uvleklis-novym-vidom-toksikomanii/> (дата обращения: 15.10.2019).

Криминализация действий, связанных с вовлечением несовершеннолетних в употребление одурманивающих веществ, позволит организовать борьбу с данным явлением.

Современное уголовное законодательство таит в себе немало проблемных вопросов, разрешение которых повысит эффективность борьбы с преступностью.

© Исмаилов Р. Т.

УДК 343.238.5(575.2)

А. М. Тагаева – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии МВД Кыргызской Республики, кандидат юридических наук (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

К ВОПРОСУ О ДЛЯЩЕМСЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В теории уголовного права длящееся преступление относится к разновидности сложного единичного преступления. Разграничение же сложных единичных преступлений, в частности длящихся, от множественности преступлений является довольно сложным процессом¹, что, как нам представляется, связано с неоднозначностью определения момента его окончания. Между тем само определение оконченного преступления в теории уголовного права также подлежит критике². От точного установления момента, когда преступление считается оконченным, зависит правильная их квалификация, а в конечном итоге – влияет на соблюдение принципов законности и справедливости.

Понятие длящегося преступления, определение момента его окончания является актуальным для теории уголовного права. Значимость поднятой темы также усиливается в свете принятия в Кыргызской Республике нового Уголовного кодекса³ (далее – УК КР), где закреплено законодательное определение длящегося преступления (подробно об этом будет сказано ниже).

Хотя еще в середине XIX века теории уголовного права уже было

---

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений – 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Юристъ, 2001. С. 242.

² Демидов Ю. Понятие оконченного преступления // Советская юстиция. 1996. № 16. С. 21

³ Уголовный кодекс Кыргызской Республики (от 2 февраля 2017 года № 19). Бишкек: «М-МАХИМА», 2018.

известно понятие «длящееся преступление»¹. О длящихся преступлениях упоминалось и в Уложении 1845 г., где они назывались «беспрерывно продолжаемыми»².

Советскому законодательству эта разновидность сложного единичного преступления неизвестна, однако ею пользовалась судебная практика того периода. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (в редакции Пленума от 14 марта 1963 г.) длящееся преступление определялось как «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования»³. Такие преступления совершаются на протяжении более или менее длительного периода⁴.

В теории уголовного права есть такая точка зрения, что длящиеся преступления совершаются единым способом. Это совокупность множества действий (бездействий), которые являются звеньями одного и того же действия или бездействия, между ними нет промежутков по времени⁵, в отличие от продолжаемых преступлений.

Моментом окончания этого преступления следует считать действия виновного, направленные на прекращение преступления или наступление события, препятствующего совершению длящегося преступления, например: явка с повинной субъекта правонарушения, пресечение преступления правоохранительными органами, наступление совершеннолетия детей, которым виновный не платил средств на их содержание⁶.

В современном уголовном законодательстве Кыргызской Республики под «длящимся преступлением признается деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса, совершение которого начинается с действия или бездействия, которое затем осуществляется непрерывно» (ч. 1 ст. 20 УК КР). Момент окончания данного (длящегося) преступления определяется моментом прекращения действия или бездействия.

Казалось бы, что вышеуказанное понятие применимо, например, к таким преступлениям, ответственность за которые установлена: ст. 349 УК КР «Побег из мест лишения свободы или из-под стражи»; ст. 267

---

¹ Уголовное право России: учебник для вузов. В 2-х томах. Общая часть. Отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М.: Изд. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1998. Т. 1. С. 63.

² Курс уголовного права: в 5 т.: учебник для вузов. Изд.: Зерцало-М, 2002. Т. 1. С. 624.

³ Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 14 марта 1963 г. № 1) // Судебная практика по уголовным делам / сост. Г. А. Есаков. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005).

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003. С. 94

⁶ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2-х томах. Общая часть. Отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М.: Изд. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1998. Т. 1. С. 63.

УК КР при хранении наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – наркотиков) в значительном, крупных, особо крупных размерах; ст. 368 УК КР «Дезертирство». Такие преступления могут длиться непрерывно, а считаться оконченными с момента прекращения действия или бездействия, то есть когда противоправное состояние прервано либо пресечением со стороны правоохранительных органов, либо явкой с повинной субъекта преступления.

Однако следует заметить, что длящиеся преступления относятся к формальным составам преступлений, и первоначальный момент таких деяний уже образует оконченный состав преступления. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых авторов¹ о том, что якобы длящиеся преступления признаются оконченными с момента прекращения преступного состояния. Следует согласиться с точкой зрения А. В. Корнеевой, что представителями вышеуказанного утверждения осуществлена подмена, смещение юридического момента окончания преступления и фактического². Фактически указанные выше преступления считаются оконченными с момента прекращения преступного состояния по воле либо вопреки воле субъекта преступления, однако юридически это не так. Для юридического признания преступления оконченным, с учетом того, что они (длящиеся) относятся к формальным составам, достаточно первоначального момента деяния.

Таким образом, юридически такие виды преступлений, как хранение наркотиков (ст. 267 УК КР), считаются оконченными сразу же с момента хранения; побег из мест лишения свободы или из-под стражи (ст. 349 УК КР) – с момента совершения побега; дезертирство (ст. 368 УК КР) – по истечении тридцати суток самовольного оставления части или места службы и т. д.

Если, например, проанализировать такое преступление, как побег, то он рассматривается по общим правилам о возможности покушения в правонарушениях с формальным составом.

Кроме того, проведенный нами анализ отдельных статей УК КР также указывает на то, что такие виды преступлений, которые фактически окончены не с момента прекращения действия или бездействия, а с момента достижения максимально допустимого срока для данного деяния времени, например, самовольное оставление части или места службы свыше десяти суток, но не более тридцати суток, признается преступлением (ст. 367 УК КР «Самовольное оставление части или места службы»).

Такое преступление, как самовольное оставление части или места службы, имеет все признаки длящихся преступлений в теоретическом по-

---

¹ Уголовное право России. Указ. соч. С. 63.

² Там же. С. 64.

нимании, однако они не согласуются с законодательным определением, так как в них отсутствует непрерывность. Специфика фактически длящихся преступлений заключается в том, что они длятся в течение «определенного» времени, а оканчиваются (фактически) при прерывании данного деяния именно в этом промежутке, установленном законодательством. Однако, если преступления не прекращаются, то они трансформируются, переходят из одного вида в другой, при этом применительно к предыдущему преступлению мы не можем говорить о непрерывности его деяния, так как последующие действия (бездействия) являются признаком уже иного преступления.

Проведенный нами анализ теории законодательства позволяет сделать некоторые выводы:

- в уголовном законодательстве при определении длящегося преступления и установлении момента его окончания за основу было взято фактическое понимание бессрочных длящихся преступлений;

- законодательное определение длящегося преступления в ст. 20 УК КР не охватывает все разновидности данных сложных преступлений, в частности, имеющих максимальный предельный срок;

- не выдерживают критики как с юридической, так и с фактической позиции положения о моменте окончания длящегося преступления, установленные в уголовном законодательстве;

- законодательная модель конкретных длящихся преступлений, с юридической позиции, относится к формальным составам преступлений, поэтому признавать оконченными с юридической позиции их следует не с момента прекращения действия или бездействия, а с «первоначального» момента деяния.

С нашей точки зрения, решение данной проблемы может развиваться в одном из следующих направлений: 1) по пути исключения ст. 20 УК КР «Длящееся преступление» из Кодекса; 2) по пути редакционной правки вышеуказанной статьи. Первое направление представляется самым простым для законодателя, но не снимающим теоретические проблемы данного института. Второе направление требует обоснованную теоретическую основу с учетом обозначенных выше проблем.

© Тагаева А. М.

А. Ф. Муксинова – адъюнкт Казанского юридического института МВД России (Россия, г. Казань)

ПОДРЫВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ деятельность преступных организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков, отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности. Это отмечает и Президент Российской Федерации В. В. Путин. Так, в ходе заседания Совета Безопасности в 2017 году он заявил, что важнейшей задачей противодействия незаконному обороту наркотиков является подрыв экономических основ наркопреступности².

В системе уголовно-правовых средств подрыва экономической основы преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, главная роль отводится не самим составам преступлений, относящимся к так называемым преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, предусмотренных главой 25 Уголовного кодекса РФ, а к экономическим преступлениям – ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Сфера незаконного оборота наркотиков, по данным Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), наряду с такими областями, как кредитно-финансовая сфера, сфера кредитных отношений, сфера коррупционных преступлений, является областью, где проявление процессов отмывания преступных доходов наиболее вероятно³. Следует отметить, что первоначально отмывание преступных доходов в международном уголовном законодательстве и уголовном законодательстве зарубежных стран рассматривалось исключительно в качестве отмывания именно преступных наркодоходов. Лишь со временем сфера предикатных преступлений была расширена на иные составы преступлений.

Так как же применение статей 174 и 174.1 УК РФ влияет на подрыв экономической основы преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков? Мы убеждены, что основной целью преступных организаций, занимающихся сбытом наркотических средств, психотропных веществ или

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

² Выступление В. В. Путина на заседании Совета Безопасности РФ 28 апреля 2017 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54401> (дата обращения: 16.11.2018).

³ Отчет о деятельности Росфинмониторинга за 2018 год [Электронный ресурс]// URL: http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports/otchet_2018%D1%80%D1%83%D1%81.pdf(дата обращения: 23.08.2019).

их аналогов, является извлечение материальной выгоды. У участников организованной группы накапливаются большие объемы денежных средств и иного имущества, приобретенных в результате незаконного сбыта наркотиков, которым в дальнейшем необходимо придать правомерный вид владения, пользования и распоряжения.

С этой целью наркоторговцы с каждым годом изобретают все новые способы легализации (отмывания) преступных доходов. В настоящее время общероссийской тенденцией является бесконтактный сбыт наркотических средств, основанный на использовании высоких технологий (компьютеров, смартфонов, сети «Интернет», программ-коммуникаторов и т. д.) и современного рынка финансовых услуг (безналичные денежные средства, электронные платежи, криптовалюты и т. д.).

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем (в результате совершения преступления), может проявляться в совершении финансовых операций с использованием счетов физических лиц, не осведомленных о преступном происхождении соответствующих денежных средств; с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные доходы приобретены преступным путем; с использованием электронных средств платежа, в том числе неперсонифицированных или персонифицированных, но принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств¹.

Р. В. Жубрин, говоря о цели легализации (отмывания) преступных доходов, заметил, что «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению доходами, приобретенными преступным путем, может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота»². Об этом же говорится в п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 7 июля 2015 г. № 32.

Казалось бы, Верховный Суд РФ четко разъяснил, что понимать под целью легализации, как ее устанавливать и доказывать, однако на сегодняшний момент основная проблема заключается в отсутствии единооб-

---

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32. // Российская газета. 2015. № 6722.

² Жубрин Р. В. Надзор за исполнением законов при расследовании легализации преступных доходов // Законность. 2016. № 5.

разной практики применения норм об уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов.

Так, например, Приволжский районный суд г. Казани 20 апреля 2018 г. оправдал Н. и М. по п. «а» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ. Судом установлено, что Н. и М. занимались сбытом наркотических средств путем организации «закладок». В качестве оплаты за свою преступную деятельность они получали криптовалюту «Биткоин». После чего Н. и М. осуществляли с криптовалютой различные финансовые операции: на специализированных Интернет-сайтах обменивали криптовалюту на российские рубли, затем переводили российские рубли на различные банковские карты, оформленные на подставных третьих лиц, после чего осуществляли обналичивание денежных средств путем снятия их в банкоматах. Суд пришел к выводу о том, что в действиях Н. и М. отсутствует цель придания денежным средствам законного вида; подсудимые осуществляли перевод криптовалюты вынужденно, так как использовать криптовалюту иным образом нельзя¹.

Однако Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан при схожих объективных обстоятельствах дела осудил С. за сбыт наркотических средств и по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Судом установлено, что С., являясь членом преступного сообщества (преступной организации), с целью получения финансовой выгоды систематически незаконно сбывала наркотические средства синтетического происхождения на территории Республики Татарстан, Республики Башкортостан и других регионов РФ. За выполнение своих преступных обязанностей в незаконной деятельности С. получала от руководителя преступного сообщества (преступной организации) денежное вознаграждение в размере 10 % от полученного ежемесячного дохода от сбыта наркотиков. С., осознавая, что данные денежные средства незаконные, им необходимо придать правомерный вид, приобрела электронные счета системы «Visa QIWI Wallet», зарегистрированные на вымышленных лиц, на которые руководитель преступного сообщества перечислял денежные средства. После чего С. переводила денежные средства на различные банковские карты ОАО «Сбербанк» с целью их дальнейшего обналичивания. Таким образом, С. легализовала (отмыла) с использованием электронных счетов системы «Visa QIWI Wallet» денежные средства в сумме 664 200 рублей. С. признана судом виновной по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. За данное преступление ей назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 рублей².

Приведенные примеры судебной практики показывают, что лица, занимающиеся сбытом наркотических средств, нередко используют много-

---

¹ Приговор Приволжского районного суда г. Казани от 20 апреля 2018 г. по делу № 1/96-18 // URL: <https://privolzhsky--tat.sudrf.ru/modules.php> (дата обращения: 23.05.2019).

² Приговор Набережночелнинского городского суда от 7 февраля 2018 г. по делу № 1/115-2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/IOIeEwlkwQHp/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 20.05.2019).

ходовые схемы денежных переводов (электронные кошельки, банковские карты, электронные счета), перераспределение данных денежных средств по различным счетам и последующее обналичивание. Нередко данные действия квалифицируются как способ распоряжения (использования) денежными средствами или иным имуществом либо как способ сокрытия преступной деятельности, а не как самостоятельное преступление – легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем (в результате совершения преступления). Однако, на наш взгляд, такие действия осуществляются наркоторговцами с целью сокрытия не всей своей преступной деятельности, а с целью сокрытия незаконного источника получения денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков. В ходе таких многоходовых финансовых операций происходит значительный разрыв между преступно приобретенными доходами и теми денежными средствами или иным имуществом, которым в итоге завладевают виновные лица. Таким образом, в результате данного процесса происходит не что иное, как отмывание, «очищение» преступных доходов.

© Муксинова А. М.

УДК 343.851.5:343.341(470)

Н. М. Сафин – старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России (Россия, г. Казань)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Необходимость профилактики экстремистских проявлений превратилась в начале XXI века в одну из главных проблем развития человеческой цивилизации. Это обусловлено тем, что, во-первых, в рамках конкретного государства экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность, создает реальную угрозу сохранения основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия. Во-вторых, экстремизм вышел за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества.

Распространение радикальной идеологии способствует инспирированию экстремизма среди молодежи, мобилизации значительных ресурсов мо-

лодежи для проведения масштабных акций экстремистского характера¹. В молодежной среде Российской Федерации наиболее распространены политические, националистические, религиозные формы экстремизма. На взаимовыгодной основе распространяется взаимодействие лидеров экстремистских группировок, а также их консолидация с радикальными политическими организациями для увеличения электоральной базы, ресурсного обеспечения².

Одной из причин экстремистских проявлений среди молодежи являются особенности возрастного развития личности в молодости, составляющие:

– поиск идентичности, характеризующийся, с одной стороны, стремлением к самопознанию, формированием Я-концепции, открытостью к общению, с другой – сосредоточением на своих интересах, чувствах, потребностях и неприятием чужих стремлений и эмоций, неспособностью (нежеланием) рассматривать иную, нежели собственную, точку зрения как заслуживающую внимания (эгоцентрическая доминанта)³;

– творческая активность, проявляющаяся, с одной стороны, в дивергентном мышлении, развитии интеллектуальных способностей, умении формулировать эвристические гипотезы, с другой – в конфликтных отношениях с окружающей средой, отсутствии удовлетворенности ею и поиске нового, установке на обширные масштабы, которые субъективно более приемлемы, чем ближние (доминанта дали)⁴;

– мотивация достижения, связанная, с одной стороны, со стремлением к успеху, признанию, самоутверждению, а также избегания неудач, с другой – с тягой к неизведанному, рискованному, приключениям (доминанта романтики), а также сопротивлению, преодолению, волевым на-

---

¹ Арбузов С. А. Деятельность органов ФСБ по противодействию радикализации российской молодежи и недопущению инспирирования экстремизма в молодежной среде с использованием сети «Интернет» // Актуальные проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде: материалы межведомственной научно-практической конференции (Ульяновск, 22 мая 2009 г.) / под ред. А. А. Бакаева, С. И. Гирько. Ульяновск: ОАО «ИПК Ульяновский Дом Печати», 2009. С. 159–160.

² Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии // Актуальные проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде: материалы межведомственной научно-практической конференции (Ульяновск, 22 мая 2009 г.) / под ред. А. А. Бакаева, С. И. Гирько. Ульяновск: ОАО «ИПК Ульяновский Дом Печати», 2009. С. 33.

³ Выготский Л. С. Педология подростка // Собрание сочинений: в 6 т. / Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с. http://elibr.gnpbu.ru/text/vygotsky_ss-v-6tt_t4_1984/go,6;fs,1/, С. 6–37.

⁴ Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / под редакцией Матюшкина А. М. М.: Прогресс, 1965. – 534 с. http://www.practicalthinking.narod.ru/psy_of_thinking_matushkin.pdf, С. 433–456. Разумникова О. М. Функциональная организация коры головного мозга при дивергентном и конвергентном мышлении: роль фактора пола и личностных характеристик: диссертация ... доктора биологических наук. Новосибирск, 2003. С. 21–25.

пряжениям, проявляющимся в упрямстве, хулиганстве, борьбе против воспитательского авторитета, протесте (доминанта усилия)¹.

Особенности возрастного развития личности в молодости позволяют сказать, что экстремистские проявления имманентно присущи поведению молодежи². Еще Б. Г. Ананьев отмечал, что наступление зрелости человека (физической зрелости) и личности (гражданской зрелости) не совпадают по времени (гетерохрония)³. Характерные для молодежи эгоцентрическая доминанта, доминанты дали, романтики, усилия могут привести к протестному поведению (молодежным «взрывам»), проявляющемуся в стихийных массовых движениях и сопровождающемся немотивированной жестокостью⁴; игнорированию общепринятых социальных норм и ценностей⁵; формированию комплекса авторитарной личности, склонной к агрессивному поведению⁶. Примерами могут быть ритуально-издевательские, изоциренно-жесткие деяния; целенаправленное вооружение различными видами оружия и совершение экстремистских преступлений; вступление в неформальные молодежные движения, склонные к экстремистской деятельности и совершению экстремистских акций⁷.

Склонность молодежи к протестному поведению, подражанию харизматичным неформальным лидерам, высокий уровень ее внушаемости делают эту социальную группу наиболее уязвимой для негативного воздействия со стороны экстремистских групп и сообществ. Незавершенность формирования интеллектуальных и волевых качеств несовершеннолетнего, их гибкость позволяют не просто вовлекать в экстремистскую деятельность лиц, разделяющих экстремистскую идеологию, но и направленно создавать личность экстремиста, в которой экстремистские установки изначально задают вектор на игнорирование норм социального поведения, замещают их место и препятствуют формированию законопослушного гражданина.

Особую тревогу вызывают дети, родитель или родители которых

---

¹ Возрастная психология: Личность от молодости до старости / М. В. Гамезо [и др.]. М.: Педагогическое общество России, Издательский дом «Ноосфера», 1999. С. 16–21.

² Давыдов Д. Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10. С. 5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления. Социологические исследования. №5. 2008. С. 38.

³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: 1968., с. 108–109.

⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.с. 181–182.

⁵ Зубок Ю. А. Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма. Социологические исследования. № 1. 2009. С. 79.

⁶ Громов Д. В. Молодежь: конструирование экстремальности. М., 2007. С. 67–83.

⁷ Суслонов П. Е. Противодействие молодежному экстремизму: социально-философские, криминологические и уголовно-правовые аспекты проблемы / П. Е. Суслонов, А. А. Карапетян. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2012. С. 47.

являются активными членами экстремистских сообществ. Окружающая с детства аура ненависти и вражды в отношении противопоставленных экстремистской идеологии социальных групп деформирует их психику, наносит существенный вред нравственному и физическому развитию несовершеннолетнего. Пристальное внимание со стороны государства уделяется российским детям, которые возвращаются в нашу страну из стран, в которых их родители принимали участие в незаконных вооруженных формированиях и боевых действиях.

Признавая высокую общественную опасность вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, законодатель ввел уголовную ответственность за отдельные ее формы проявления. Так, ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако, по нашему мнению, этой нормы недостаточно, так как она не предусматривает ответственности за вовлечение несовершеннолетних в иные общественно опасные формы осуществления экстремистской деятельности и ее проявления, которые на данный момент не признаются преступлениями: воспитание несовершеннолетних в духе ненависти или вражды, внушение истинности и ценности экстремистской идеологии; вовлечение в распространение экстремистских материалов, в пропаганду экстремистской идеологии; посещение несовершеннолетними собраний экстремистских сообществ и организаций, участие в них или привлечение к обеспечению их функционирования.

Представляется, что охватить уголовно-правовым запретом иные формы вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность и ее проявления можно, внося изменения в ряд имеющихся уголовно-правовых норм.

Так, статьей 282 УК РФ предусмотрена ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Криминообразующими признаками данных действия является их совершение публично либо с использованием средств информации, либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Предлагается дополнить диспозицию еще одним криминообразующим признаком – совершение данных действий в отношении несовершеннолетнего, что позволит криминализовать деяния, направленные на формирование у несовершеннолетнего экстремистских установок и оградить несовершеннолетнего от унижения его достоинства в силу его принадлежности к определенной социальной группе.

Здесь представляется уместным отметить несовершенство указанной нормы в части возможности ее расширительного толкования, когда, например, в высказывании «все мужики сволочи» можно усмотреть состав данного преступления в форме унижения достоинства группы лиц по признакам пола. В то же время правоприменители должны понимать, что возбуждение вражды или ненависти – это деяние, преследующее цели совершения противоправных, чаще насильственных действий в отношении потерпевших.

Статьями 282.1 и 282.2 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию, вовлечение и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации соответственно. Представляется необходимым дополнить данные статьи частями 1.2, в которых предусмотреть повышенную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение несовершеннолетнего лица в деятельность экстремистского сообщества или организацию. Данные меры позволят дифференцировать уголовную ответственность виновных лиц согласно уровню общественной опасности деяния, определяемому наличием дополнительного объекта посягательства.

Однако формы экстремизма, экстремистской деятельности, экстремистских проявлений настолько разнообразны, что меры уголовно-правового принуждения недостаточны для устранения причин и условий, способствующих их распространению¹. Наиболее перспективными методами противодействия экстремизму следует признать предупреждение экстремистской деятельности и профилактику экстремистских проявлений.

© Сафин Н. М.

УДК 343.97

М. Н. Косарев – доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Екатеринбург)

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В условиях трансформации политических, экономических, социальных, экологических, информационных и других основ современного миропорядка возникает необходимость изучения вопроса обеспечения безопасности личности, обществ и государств в существующих реалиях. Рос-

---

¹ Скудин А. С., Ларичев В. Д., Варанкина Ю. С. Правовые меры противодействия экстремизму. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 7.

сийская Федерация как государство, активно участвующее в исторических процессах, также решает задачи обеспечения своей национальной безопасности. Одной из существенных угроз для безопасности Российской Федерации выступает такое многогранное явление, как преступность. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится о том, что появляются новые формы противоправной деятельности, в частности, с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности¹.

В связи с чем важным для теории и практики обеспечения безопасности становится вопрос описания, объяснения и прогнозирования развития тенденции современной преступности. При этом следует отметить, что преступность постоянно совершенствуется, исходя из развития социальных отношений, так и подстраивается под стратегию противодействия ей со стороны государства.

На наш взгляд, современная преступность будет определяться в контексте следующих факторов:

1) развитие кризисных явлений в существующей мировой экономической модели потребления приведет к глобальному экономическому спаду и кризису², регионализации и обособлению экономических взаимоотношений;

2) распад глобальной системы обеспечения безопасности³. Запущен процесс разрушения универсализации международных стандартов обеспечения безопасности и в экономике это приведет, с неизбежностью, к формированию региональных систем обеспечения безопасности.

Вышеназванные факторы повлияют на массовую дестабилизацию многих регионов мира и стран и, в свою очередь, окажут важное влияние на видоизменение качественных и количественных показателей транснациональной, региональной и внутригосударственной преступности.

В связи с этим следует предположить, что основными угрозами в области преступности в будущем могут выступать:

– активизация использования преступности как инструмента конкурентной деятельности государств и иных субъектов для социально-

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.09.2019).

² Стало ясно, когда разразится новый мировой финансовый кризис – URL: <https://ria.ru/20191010/1559590625.html> (дата обращения: 10.10.2019).

³ Система международной безопасности переживает кризис – URL: <https://ria.ru/20190611/1555480872.html> (дата обращения: 09.09.2019).

политической дестабилизации обществ и нарушения территориальной целостности государств;

- активизация преступных организаций как самостоятельных субъектов, влияющих на безопасность государств и регионов;

- активизация преступной деятельности террористических и экстремистских организаций;

- активизация незаконной миграции через территорию и на территорию государств;

- активизация преступных проявлений в государствах, обладающих достаточными ресурсами, при их ограниченности в мировом масштабе (природные ископаемые, возобновляемые экологические ресурсы (вода, лес и др.);

- активизация незаконного потребления запрещенных средств и веществ как среди населения государства, так и среди мигрантов (законных и незаконных). Снижение уровня жизни и безопасности будет способствовать возникновению депрессивности значительных масс населения, что, в свою очередь, придаст импульс к развитию спроса на различные средства, изменяющие сознание человека (наркотические средства, психотропные вещества и др.);

- активизация использования информационных технологий как при совершении ранее известных преступлений (например, хищения), так и при возникновении новых преступных деяний (например, порноместь);

- активизация преступлений против собственности и экономической деятельности;

- активизация агрессивности и тем самым насильственной преступности, в том числе и среди несовершеннолетних (буллинг (травля), массовые убийства в образовательных учреждениях и др.);

- активизация коррупционных проявлений.

Нами перечислены далеко не все направления угроз преступности, которые будут активно влиять в ближайшие годы на состояние внутренней безопасности государств, способных сохраниться в новом мировом устройстве. Поэтому в качестве вывода хотелось бы отметить, что в вопросах обеспечения защиты от преступных проявлений значительные усилия следует обратить на выстраивание системы обеспечения внутренней безопасности государств, основой которой должно стать оперативное и эффективное реагирование на вызовы преступности.

© Косарев М. Н.

Исаева – начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Д. Файрушина – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ КОРРУПЦИИ И НАРКОБИЗНЕСА

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется приобретением такими проблемами транснационального характера, как организованная преступность, коррупция и наркобизнес. Определению роли преступных сообществ (преступной организации) в развитии международной преступности юристами было уделено немало внимания. Однако выделению и рассмотрению наркобизнеса как одной из ее составляющих и определяющих связи с коррупцией, их комплексному анализу посвящено весьма ограниченное количество исследований. Вместе с тем именно индустрия наркобизнеса определила в значительной степени динамику и перспективы развития указанных элементов транснациональной преступности.

Под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать структурно оформленную преступную группу, которая помимо присущих организованной группе признаков (ч. 3 ст. 35 УК РФ) характеризуется сплоченностью и созданием для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданное в тех же целях. В качестве организаторов (руководителей) преступного сообщества (преступной организации) и входящих в него структурных подразделений может выступать одно или несколько лиц¹.

Наркобизнес – специфическое негативное социальное явление, представляющее собой, как уже отмечалось, одну из составляющих организованной преступности и подструктуру наркотизма, включающее, с уголовно-правовой точки зрения, совокупность незаконных деяний, непосредственно связанных с нелегальным оборотом наркотических средств, психо-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 10.06.2008 г. // СПС «КонсультантПлюс».

тропных веществ или их аналогов и ряда примыкающих к ним преступных деяний, направленных на обеспечение функционирования этого явления с целью получения преступных доходов и их последующей легализации¹.

Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами².

Соотношение наркобизнеса и коррупции проявляется во многих областях – в политической сфере, в сфере юстиции и частного сектора, а также присвоения собственности и легализации доходов. Увеличивается число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков как в мире, так и в отдельных государствах. Наиболее распространенной тенденцией в динамике наркопреступности является рост числа зарегистрированных преступлений данного вида, в том числе связанных с производством и распространением наркотических средств и психотропных веществ, что, в свою очередь, свидетельствует и о расширении масштабов наркобизнеса.

Поскольку преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, связанные с распространением соответствующих препаратов, отличаются в первую очередь особой доходностью в материальном смысле, имеют результатом своего совершения большие потоки денежных средств, постольку лица, имеющие к ним отношение, обильно «орошают», в том числе и нечестных на руку «государевых служителей». Ни для кого не секрет, что существование преступного сообщества, соответственно, и наркобизнеса невозможно без поддержки в государственном секторе. Таким образом, усиление уголовного закона в данном направлении просто очевидно.

Проведенные исследования показали, что в России деньги, полученные от наркобизнеса, наркогруппировки направляют: на организацию будущих операций наркобизнеса и приобретение недвижимого имущества; на подкуп государственных служащих; в банковскую сферу; на приобретение оружия, боеприпасов; на организацию политических кампаний – выборов, референдумов – для лоббирования криминальных интересов; на создание подставных юридических лиц (с целью дальнейшего отмывания нарkode-

---

¹ Сильченко Е. В. К вопросу о понятии наркобизнеса // Экономика. Право. Печать: Вестник КСЭИ. Краснодар, 2006. № 1-3. С. 31–37.

² О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. Ст. 1 СПС «КонсультантПлюс».

нег) для покупки драгоценностей и предметов роскоши, ценных бумаг¹.

Наркобизнес активно стимулирует коррупцию. С помощью последней наркодельцы стремятся обезопасить свой бизнес и уйти от ответственности. Часть прибыли тратится на подкуп и получение необходимой информации; ведется сбор сведений о коррумпированных чиновниках в правоохранительных органах и органах власти, данных о конъюнктуре рынка, о ценах на наркотики².

Необходимо обратить внимание и на факт использования преступниками наркодилеров для вовлечения в незаконные действия, связанные с наркотическими средствами, должностных лиц ведомств, осуществляющих борьбу с криминальным наркобизнесом. По справедливому утверждению специалистов, это негативно отражается на репутации силовых ведомств и ставит под сомнение эффективность реализации государством одной из своих внутренних функций – охраны прав и свобод граждан (в частности, права на медицинскую помощь, жизнь, охрану здоровья от распространения наркотических средств)³.

Организация наркобизнеса является одним из видов «черной» (подпольной) теневой экономики (экономики преступности)⁴. Следует отметить тот факт, что производство наркотических средств приобретает черты отлично налаженной индустрии. В России, являющейся единственным государством, расположенным на двух континентах – Европе и Азии, торговля наркотиками является самым прибыльным преступным бизнесом. Россия – страна, в которой торговля наркотиками приносит прибыль, измеряемую миллиардами долларов: один рубль, вложенный в наркобизнес, приносит 1000 рублей дохода⁵.

Однако следует отметить тот факт, что в настоящее время наркобизнесу уже тесно в рамках исключительно экономики – он проникает в сферу политики, государственного управления. Ему необходимы такие порядки и законы, такие органы власти, которые обеспечивали бы наилучшие условия для его дальнейшего развития. Обладая колоссальными постоянно растущими финансовыми средствами, наркобизнес противостоит и противодействует органам государственной власти и управления в их деятельности по реализации государственной воли, снижает доверие к ней со стороны населения. Вышеуказанные действия носят не только криминальный,

---

¹ Борьба с отмыванием доходов от индустрии наркобизнеса в странах Содружества / Б. С. Болотский [и др.]. М., 2001. С. 13.

² См.: Гуров А. И. Красная мафия. М., 1995.

³ Роганов С. А. Расследование преступлений в сфере нетрадиционного наркобизнеса. СПб., 2005. С. 16–17.

⁴ Латов Ю. В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М., 2001. С. 10–13.

⁵ Вакурин А. В., Кадовик Е. И. Структура и тенденции наркобизнеса // Совершенствование борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом. М., 1998. С. 21.

но и политический характер, поскольку, подрывая основы государственной власти и управления, могут привести к переориентированию и искажению политического курса государства¹.

Наркобизнес, являясь подструктурой преступного сообщества, оказывает серьезное негативное воздействие на правопорядок и социальную стабильность в стране. Огромные доходы от незаконной деятельности позволяют торговцам наркотиками влиять на внутреннюю политическую и экономическую жизнь страны, поддерживать коррупцию.

Проблемы преступного сообщества, коррупции и наркобизнеса, их взаимосвязи и взаимообусловленности – социальные, политические, научные – абсолютно нетрадиционны по своему характеру. Необходимо искоренять причины указанных явлений и бороться с их распространением в связи с тем, что они могут получить полную и безоговорочную власть над обществом².

Противоядие можно выработать, только достигнув высокого уровня общественной кооперации и политической стабильности, а также обеспечив более действенный механизм международного сотрудничества и возможность применения нетрадиционных подходов к решению проблем противодействия распространению преступного сообщества, коррупции и наркобизнеса.

© Исаева Р. М.

© Файрушина Р. Д.

УДК 343.775(470)

А. Р. Гайфуллина – ассистент кафедры уголовного процесса Института права Башкирского государственного университета (Россия, г. Уфа)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Экологические преступления представляют собой деяния, совершенные умышленно или по неосторожности, ведут к разрушению окружаю-

---

¹ См. также: Гасанов Э. Г. Наркотизм: тенденции и меры преодоления. М., 1997. С. 7; Ивасенко В. Б. Незаконный оборот наркотиков и политическая безопасность России // Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 132.

² Голубенко А. Е., Сильченко Е. В. Влияние коррупции на повышение уровня организованной преступности и увеличение масштабов наркобизнеса // Научный вестник Южного федерального округа. 2008. № 1.

щей природной среды и к причинению ущерба здоровью и деятельности человека¹.

В Уголовном кодексе РФ экологическим преступлениям посвящена глава 26, подразделяющимся на преступления общего характера, посягающие на окружающую природную среду, экологическую безопасность и экологический правопорядок: нарушения правил охраны окружающей природной среды (ст. 246), обращения экологически опасных веществ (ст. 247) и др., и преступления специального характера, посягающие на отдельные природные объекты и комплексы: незаконная охота (ст. 258), порча земли (ст. 254), загрязнение атмосферы (ст. 251), незаконная порубка деревьев (ст. 260) и др. УК РФ содержит 18 статей об экологических преступлениях. П. В. Жестеров в своей работе² проводит сравнительный анализ с уголовным законодательством других стран и отмечает, что «...к примеру, в уголовном законодательстве ведущих европейских стран содержится 10 статей (УК Германии), 9 – в УК Румынии, 8 – в УК Австрии и УК Польши».

Также существует множество подзаконных правовых актов, раскрывающих признаки экологических преступлений. К ним относятся: постановления Правительства РФ «Об утверждении Перечня нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, представляющих угрозу причинения вреда окружающей среде, для целей государственного экологического надзора»³, «О лимитах (предельных объемах) и квотах забора (изъятия) водных ресурсов из водного объекта и сброса сточных вод»⁴, методика «Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия»⁵, приказ Федерального агентства по рыболовству «Об утверждении Правил рыболовства для Восточно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна»⁶.

Поднимая вопрос об ущербе от преступлений, причинивших вред окружающей среде, надо отметить, что в 2018 году он составил 12 млрд рублей. Ежегодно таможней и управлением МВД России на транспорте

---

¹ Краснова К. А. Уголовно-правовая охрана окружающей среды в государствах – членах Европейского Союза // В сборнике: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции (28 – 29 января 2016 г.). Москва: РГ-Пресс, 2016. С. 527–530.

² Жестеров П. В. Преступления в области охраны окружающей среды // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 119.

³ Собрание законодательства РФ. 2012. № 48. Ст. 6701

⁴ Собрание законодательства РФ. 2009. № 11. Ст. 1318.

⁵ Методика «Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия»: (утв. Минприроды России 30 нояб. 1992 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁶ Российская газета. 2009. 13 февр. (№ 25).

возбуждается около 200 уголовных дел по преступлениям, связанным с контрабандой леса¹.

Самые известные экологические преступления в мире: незаконная эмиссия или выброс веществ в воздух, воду или почву; контрабанда особо охраняемых видов диких животных и растений; незаконный вылов голубого тунца; нелегальная лесозаготовка; незаконный оборот опасных отходов. Американский криминолог Ларри Сигл (Larry J. Siegel) в своем исследовании беловоротничковой преступности называет в качестве одного из ее компонентов экологическую преступность и перечисляет наиболее распространенные экологические преступления, совершаемые управленцами среднего и высшего уровня: незаконная утилизация опасных отходов; экспорт опасных отходов без разрешения принимающей страны; незаконные сбросы загрязняющих веществ в воды; вывоз и утилизация асбесто-содержащих материалов в нарушение установленных законов и правил; незаконный импорт химикатов США в нарушение установленных ограничений или правил; подмена питьевого водоснабжения; конспирация и отмывание денег, полученных в результате совершения экологических преступлений².

В Российской Федерации на протяжении последних семи лет доля преступлений в области природопользования практически не снижалась. В 2018 году их количество возросло на 3 процента. По линии Росприроднадзора было выявлено свыше 16 тысяч нарушений, из которых устранено менее трети³.

Ю. В. Францифоров подчеркивает, что при анализе экологических преступлений следует учитывать не столько экономический ущерб, сколько ущерб, причиненный окружающей среде, который оказывает непосредственное влияние на здоровье людей и состояние иных живых существ⁴.

Одной из самых обсуждаемых проблем теории и практики отечественного и зарубежного уголовного права является проблема определения субъекта экологических преступлений. Хотя большинство из них совершается в результате небрежных, халатных и порой злоумышленных действий конкретного лица, наибольший вред окружающей среде и ущерб экономике причиняют нарушения экологических норм юридическими лицами. Речь идет, прежде всего, о соблюдении юридическими лицами требований

---

¹ Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Friafan.ru%2F1187752-podschitana-summa-usherba-ot-ekologicheskikh-prestuplenii-v-rossii-v-2018-godu> (дата обращения: 26.06.2019).

² См.: Краснова К. А. Уголовно-правовая охрана окружающей среды в государствах – членах Европейского Союза. Siegel Larry J. (2006). *Criminology: Theories, Patterns, & Typologies*, 9th edition. Belmont, CA: Wadsworth Publishing. 698 p. С. 413.

³ Электронный ресурс. Режим доступа URL <https://rg.ru/2018/04/05/mvd-dolia-prestuplenij-protiv-ekologii-vyroslo.html> (дата обращения: 26.06.2019).

⁴ Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальные аспекты // Правовая парадигма. 2017. Т.16. № 2. С. 20.

экологической безопасности при выполнении работ, представляющих потенциальную угрозу окружающей среде. В теоретическом аспекте эта проблема связана с разрешением вопроса о наличии самостоятельной воли и интереса у юридического лица, которая не сводится к интересам отдельных лиц¹. Иными словами, совершение преступлений юридическими лицами с использованием ресурсов порождает условия для развития экологической преступности². Ю. В. Францифоров считает, что «анализ уголовных дел, возбуждаемых по фактам экологических преступлений, дает понять, что субъектами данных преступлений являются чаще всего руководители либо другие должностные лица предприятий, это обусловлено тем, что основными нарушителями состояния окружающей среды являются такие промышленные предприятия, которые характеризует наличие определенных деформаций в ценностно-нормативной сфере, что выражается в стремлении выполнить план любой ценой, даже в ущерб исполнению законов об охране природы; безразличном отношении к предписаниям природоохранного законодательства, а тем самым к ущербу, причиняемому природной среде их действиями»³.

Особое внимание обращают на себя наказания, предусмотренные главой 26 УК РФ. Как показывает исследование судебной практики, наиболее применяемыми наказаниями являются: штраф, обязательные, исправительные работы, а также лишение свободы условно. Р. А. Забавко пишет о «необходимости применения ограничения свободы взамен лишения свободы условно, а также применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение тяжких экологических преступлений»⁴. П. В. Жестеров подчеркивает, что это «позволит усилить уровень карательного воздействия за экологические преступления в пределах существующих санкций и предупредить совершение новых экологических преступлений, носящих промысловый характер. Кроме того, более активное назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью должно способствовать снижению количества злоупотреблений со стороны должностных лиц органов государственного экологиче-

---

¹ Квашис В. Е. Предпосылки и перспективы введения уголовной ответственности юридических лиц // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г. : в 2 т. / под ред. А. В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Т. I. С. 41.

² Жестеров П. В. Преступления в области охраны окружающей среды // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 120.

³ См.: Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальные аспекты. Правовая парадигма. 2017. Т.16. № 2. С. 20; Дагель П. С. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду/ П. С. Дагель, Т. А. Бушуева // Правоведение. 1981. № 6. С. 51.

⁴ Забавко Р. А. Анализ практики назначения наказания за экологические преступления // Адвокатская практика. 2017. № 3. С. 8.

ского надзора при осуществлении своей контрольной деятельности и руководителей юридических лиц при выполнении работ, представляющих потенциальную угрозу окружающей среде»¹.

Ю. В. Францифоров пишет, что основным условием эффективного расследования экологического преступления, производимого в форме дознания (ч. 1 ст. 250, ч. 1 ст. 251, ч. 1 ст. 252, ст. 253, ч. 1 ст. 254, ст.ст. 256–258, ч. 1 ст. 258.1, ч. 1 ст. 260, ч. 1 ст. 261, ст. 262 УПК РФ) либо в форме предварительного следствия (ст.ст. 215, 237, 246–249, чч. 1–3 ст. 250, чч. 2–3 ст. 251, чч. 2–3 ст. 252, чч. 2–3 ст. 254, ст. 255, чч. 2–3 ст. 258.1, ст. 358 УПК РФ), служит своевременное выявление факта совершения данного преступления и эффективность расследования экологических преступлений реализуется лишь при условии комплексного подхода, который связан не только с производством следственных действий, но и с использованием знаний экспертов и специалистов (например, для установления видовой принадлежности растений и организмов либо участков загрязнения окружающей среды продуктами техногенной деятельности человека) и проведением оперативно-разыскных мероприятий².

При расследовании преступлений в сфере природопользования возникает и множество проблем, связанных с отсутствием специальной техники для осуществления ОРД, недостаток специальных знаний должностных лиц, полномочных осуществлять ОМП при сообщении об экологическом преступлении³. Например, причиной низкой раскрываемости преступлений, связанных с уничтожением или повреждением лесных насаждений (ст. 261 УК РФ), служит некачественное и несвоевременное проведение осмотра места происшествия на стадии проверки сообщения о преступлении, в результате чего не устанавливались очаги возгораний, не изымались предметы, имеющие значение для уголовного дела (емкости со следами горючих жидкостей, различные инструменты, предметы быта и иные предметы)⁴.

Пресечение экологических преступлений и сохранение таким образом благоприятной окружающей среды для человека в настоящее время остается достаточно актуальной темой. И проведенный нами анализ научной литературы и нормативно-правовых актов показывает, что деятельность по расследованию экологических преступлений по-прежнему остается недостаточно эффективной. В большинстве случаев люди, совершая экологические преступления, недооценивают их опасности для окружаю-

---

¹ Жестеров П. В. Преступления в области охраны окружающей среды // Пробелы в российском законодательстве. № 7. 2017. С. 120.

² Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальные аспекты. Правовая парадигма. 2017. Т.16. № 2. С. 20-21.

³ См.: Там же. С. 21.

⁴ Максименко В. А. О состоянии работы правоохранительных органов по противодействию преступлениям в сфере лесопользования // Прокурор. 2016. № 2. С. 96.

щей среды и человечества в целом. Также, как отмечает Ю. В. Францифоров, «... решение задач, связанных с расследованием и разрешением уголовных дел по экологическим преступлениям, обусловлено не только регулированием меры уголовной ответственности и совершенствованием деятельности следователя, дознавателя, связанной с эффективным расследованием и обеспечением прав потерпевших от этих преступлений, но решением вопросов профилактики, вызванной выработкой рекомендаций по недопущению совершения данных преступлений»¹.

© Гайфуллина А. Р.

УДК 347.736:343.535(470)

Г. Р. Игбаева – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург);

М. В. Кочнев – студент Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Россия, г. Санкт-Петербург)

БАНКРОТСТВО КАК СПОСОБ РЕЙДЕРСКОГО ЗАХВАТА

С развитием технологий меняются схемы и способы рейдерских захватов, появляются все новые типы мошеннических способов завладения чужим бизнесом, которые сложно распознать, а также инкриминировать. Все чаще используются вполне законные и юридически корректные способы, в том числе процедуры банкротства для реализации целей рейдерства. Рейдерский захват представляет собой процедуру по незаконному присвоению чужой собственности, происходит это либо путем обмана, либо насильственно, в том числе с применением физической силы.

О понятии рейдерства в современном понимании можно говорить с момента появления ценных бумаг – акций, которые дали возможность поглощения компаний против воли их учредителей и органов управления (так называемое враждебное поглощение). Данное явление зародилось и процветало еще в 1920–1930-е годы в США во времена великой депрессии, когда американские фирмы стали жертвами мафиозных структур. Считает-

---

¹ Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальные аспекты. С. 24.

ся, что первым рейдером был Джон Рокфеллер, основатель Standart Oil, который различными способами скупал акции своих конкурентов с целью укрепления положения своего бизнеса еще в конце XIX века¹.

Зарубежная практика указывает на существование трёх типов рейдерского захвата: «чёрное рейдерство», «серое рейдерство», «белое рейдерство».

Применение таких мер, которые наиболее быстро приведут к краху предприятия, принято относить к «черному рейдерству». Данные способы основаны на коррупционных связях с государственными и правоохранительными органами и направлены на нейтрализацию деятельности бизнеса компании-жертвы путем проведения различного рода обысков, изъятия документации, а также иных незаконных действий, которые дестабилизируют нормальное функционирование бизнеса.

Внешне законное поглощение предприятия путем сложных операций и запутанных схем с использованием недоработок и пробелов в действующем законодательстве относят к «серому рейдерству». В качестве примера можно привести механизм махинации с кредиторской задолженностью компании-жертвы. Рейдер может скупить задолженность компании перед другими лицами после чего, инициировать процедуру банкротства жертвы. В рамках этой процедуры могут отменяться сделки компании за предыдущие три года, ее финансово-хозяйственная деятельность осуществляется под контролем управляющих, а сами руководители юридического лица-жертвы могут быть привлечены к уголовной ответственности. Итогом банкротства может быть передача всех активов рейдерам с одновременной ликвидацией компании-должника. Зачастую такого рода рейдерский захват реализуется в сговоре с арбитражным управляющим.

Способ рейдерского захвата, характеризующийся поглощением компании-жертвы с применением законных методов и способов, относят к «белому рейдерству». Однако при более детальном и тщательном рассмотрении могут выявиться сговоры части собственников поглощенного предприятия, использование административного ресурса и иногда злоупотребления правом. Примером наиболее эффективного способа данного вида рейдерства может служить ценовой демпинг. Схема достаточно проста: компания «А», желающая захватить предприятие «Б», существенно снижает цены на свою продукцию или же услуги (в зависимости от рода её деятельности) в целях создания неблагоприятной среды ведения бизнеса для предприятия «Б», провоцирующей серьезные его убытки. Далее происходит снижение стоимости фирмы-жертвы, ведение её деятельности становится нерентабельным, компания «А» предлагает купить бизнес по очень низкой цене на выгодных для себя условиях, тем самым поглощая предприятие «Б».

---

¹ Веселков К. В. Международный опыт противодействия рейдерским захватам // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 61–65.

В России рейдерство начало формироваться в конце XX века с появлением частной собственности. Принято выделять четыре этапа развития рейдерских захватов в Российской Федерации:

I этап (после распада Советского Союза – первая половина 1990-х годов) – характеризуется, прежде всего, появлением частной собственности. Благодаря переходному периоду злоумышленники безнаказанно действовали незаконным путём. Им было достаточно владеть 3 % процентами акций для инициации совещания, на котором поднимали вопрос об избрании нового гендиректора, после чего через суд требовали права на управление собственностью.

II этап (период второй половины 1990-х годов совместно с процессами приватизации) – приватизация – период, запомнившийся масштабными взятками чиновникам. В то время буквально за бесценок приватизировали активы, стоимость которых на самом деле составляла миллиарды. В эти годы прибыль от «борьбы за права акционеров» (понятие, за которым было скрыто истинное название явления – «рейдерство») могла достигать более 1000 %.

III этап (начало XXI века) – период, который многие ученые определяют как «конец частного и начало государственного рейдерства». Ярким примером может служить «дело ЮКОСа», после которого начался масштабный передел собственности.

IV этап (современный период) – данный период можно определить как период, в котором высококвалифицированные люди посредством своей юридической осведомленности захватывают предприятия, не нарушая при этом законодательство.

Представляется, что самым «безопасным» способом рейдерского захвата предприятия является процедура банкротства. Деятельность рейдеров в банкротных процессах легко замаскировать под вполне законную активность кредитора.

Атака рейдеров начинается со сбора и анализа общедоступной информации, содержащейся в средствах массовой информации, интернет-ресурсах, или же ею владеют жители местности, где расположено предприятие-жертва. Далее рейдеры получают информацию от работников предприятия-жертвы, которые пользуясь служебным положением, родственными или дружескими связям, «сливают» информацию о финансово-хозяйственном состоянии объекта, доходит и до подкупа работников предприятия. Довольно часто наблюдается сотрудничество рейдеров с отдельными работниками правоохранительных органов или с представителями налоговой службы. Обычно интерес для рейдеров составляют те предприятия, которые вообще не имеют надлежащей системы безопасности, или же она плохо работает, что и позволяет беспрепятственно собрать необходимую информацию.

На основании собранной информации команда рейдеров тщательно

планирует стратегию и готовится к захвату предприятия. Для достижения поставленной цели рейдеры используют различные тактические действия, в частности, разрабатывают и реализуют целую PR-кампанию, манипулируя общественным мнением для изменения баланса сил в свою пользу, в том числе используют объединения и сообщества патриотического характера.

Рейдеры используют несколько способов, в частности, путем скупки долгов предприятия или через не совсем правовые механизмы создают фиктивную задолженность у предприятия-жертвы. Так, в мае 2018 года в Кировской области возбуждено уголовное дело по факту создания фиктивной кредиторской задолженности в процедуре банкротства юридического лица. Данные действия квалифицированы правоохранительными органами как покушение на мошенничество – ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ. Поводом для возбуждения уголовного дела послужило то, что гражданин К. в преддверии банкротства организации совместно с руководителем этой организации составили фиктивный договор займа и кассовый ордер на сумму 27 миллионов рублей. При этом денежные средства не передавались. Целью данных действий являлось приобретение статуса кредитора с преобладающей суммой задолженности для осуществления контроля над процедурой банкротства и получения имущества должника.

Суд, даже при независимости и неангажированности, в случае получения надлежащих доказательств о наличии бесспорных имущественных требований к должнику, в частности, открытых исполнительных производств, выносит определение об открытии производства о банкротстве и назначает распорядителя имущества. При рейдерском захвате, как правило, распорядителем имущества назначают лицо, которое действует в интересах рейдеров и инициирует отстранение руководителя должника, после чего к нему переходит полный контроль над деятельностью должника. Кроме того, рейдеры при атаке через процедуру банкротства будут пытаться получить контроль в комитете кредиторов, который избирается в процедуре распоряжения имуществом. Для этого они, как правило, скупают долги других кредиторов или создают искусственные. Далее сценарий может развиваться следующим образом: открытие ликвидационной процедуры, в процессе которой осуществляется отчуждение активов предприятия-должника через удовлетворение собственных кредиторских требований (при этом активы могут быть проданы подконтрольным им предприятиям).

© Игбаева Г. Р.

© Кочнев М. В.

Г. Р. Игбаева – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург);

Т. С. Нестерова – студент Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Россия, г. Санкт-Петербург)

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА О РАЗГРАНИЧЕНИИ ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА ОТ ПРЕДНАМЕРЕННОГО

В условиях роста субъектов рыночной экономики уделяется большое внимание легальности их существования как в процессе их работы, так и в процедуре прекращения деятельности. Этот аспект очень важен, так как некоторые руководители ведут себя недобросовестно, желая получить выгоду за счет сокрытия денежных средств и объявления банкротом. Фиктивное банкротство – это заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб¹. Причинами данных действий может быть желание уклониться от уплаты налогов или вывести активы, денежные средства в целях их собственного использования.

В соответствии с п. 2 ст. 20.3 ФЗ № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» на арбитражного управляющего возложена обязанность проведения анализа сделок должника с целью определения наличия в деятельности коммерческой организации признаков фиктивного банкротства². Так, закон обеспечивает легальность процедуры банкротства. В случае обнаружения признаков фиктивного банкротства арбитражный управляющий должен информировать об этом уполномоченный орган для привлечения к ответственности виновного лица. В уголовном законодательстве России не предусмотрено уголовной ответственности юридического лица, из-за этого наказанию подлежит лицо, которое сознательно привело организацию к банкротству путем незаконных действий. К характерным признакам фиктивного банкротства относят:

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

² О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №43, Ст. 4190.

- 1) приобретение товаров по завышенной стоимости;
- 2) отражение в документах бухгалтерии сведений кредиторской задолженности, которой на самом деле нет;
- 3) сокрытие имущества или его части при аудиторской проверке;
- 4) указание неверных периодов по различным статьям доходов и расходов;
- 5) ведение расчетов с покупателями через банковские счета других лиц;
- 6) приобретение неликвидных ценных бумаг;
- 7) перевод денежных средств в другие компании;
- 8) финансовые аферы с кредиторской задолженностью (закупка части товаров не отражена документально в бухгалтерском отчете, что приводит к росту кредиторской задолженности);
- 9) преднамеренная задолженность перед банковской организацией (компания получает в банке кредит на короткий срок и намеренно его не погашает, за счет чего начисляются проценты и штрафы).

Составом преступления по факту фиктивного банкротства являются мошенничество и нанесение имущественного вреда.

Помимо фиктивного банкротства (ст. 197 УК РФ) уголовное законодательство содержит состав преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ). Их необходимо различать для правильной квалификации деяния виновного лица. Правильное разграничение данных преступлений необходимо для сотрудников следствия и иных органов, занимающихся уголовным преследованием.

Обратимся к судебной практике. Так, А. А. Мерябин, являясь генеральным директором ОАО «Универсам Плюс», на основании решения внешнего управляющего «Менде Росси» Э. Ш. Вафина в целях фиктивного банкротства «Универсам Плюс» использовал свое служебное положение с целью увеличения кредиторской задолженности. Действуя умышленно, подписал финансовые документы, содержащие заведомо ложные сведения о сумме требований кредиторов «Универсам Плюс» в размере 2 млн 200 тыс. рублей. А. А. Мерябин обратился в арбитражный суд Республики Татарстан с заявлением о признании «Универсам Плюс» несостоятельным (банкротом), предоставив фиктивные требования о сумме требования кредиторов. В результате умышленных действий единственному акционеру «Менде Росси» причинен крупный ущерб в размере 23 млн 300 тыс. рублей, кроме того «Универсам Плюс» полностью прекратил свою деятельность, чем существенно ухудшил деятельность единственного акционера «Менде Росси», который лишился возможности безубыточной деятельности. Данное деяние классифицируется как фиктивное банкротство по ст. 197 УК РФ.

В период с 01.03.2014 по 31.03.2014 А. В. Наймушин, являясь учредителем и фактическим руководителем общества с ограниченной ответст-

венностью «Наиз», достоверно зная о финансовой неустойчивости и зависимости от заемных средств, а также росте кредиторской задолженности (на март 2014 г. составляла 58 млн), не желая за счет имущества организации погашать обязательства общества, в том числе по налогам и сборам, с целью увеличения неплатежеспособности организации, сокрытия имущества от наложения ареста и последующей его реализации в счет погашения кредиторской задолженности, совершил действия, заведомо влекущие неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворять требования кредиторов по денежным обязательствам и уплате денежных платежей, заключил фиктивный договор купли-продажи автотранспортных средств (принадлежащих «Наиз» в количестве 31 единицы общей стоимостью 21 млн рублей) со своей знакомой О. В. Буровлёвой. При этом указанные денежные средства в кассу «Наиз» внесены не были. Данные действия были классифицированы по ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Приведенный материал судебной практики показывает, что признаки преднамеренного банкротства можно выявить на стадии, когда лицо уже имеет признаки банкротства и стремится скрыть денежные средства. А фиктивное банкротство – это когда должностное лицо компании заранее делает всё, чтобы объявить себя банкротом.

© Игбаева Г. Р.

© Нестерова Т. С.

УДК 343.77:342.924.037(470)

Ф. Ф. Набиев – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ УМЫШЛЕННЫХ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Преступные посягательства, связанные с умышленными уничтожением или повреждением чужого имущества, причиняют существенный вред отношениям собственности и сегодня являются достаточно распространенными. Например, статистика уголовных дел по ст. 167 УК РФ показывает, что доля таких преступлений в структуре общей преступности невелика, но несмотря на это, последствия от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества наступают довольно серьезные. Су-

шествующая система профилактики и предупреждения подобных преступлений не проявляет себя в полной мере, о чем свидетельствует анализ статистических данных за последние шесть лет¹.

Очевидно, что для эффективной защиты имущества от умышленных уничтожения или повреждения требуется комплексный подход к изучению данной проблемы по материалам современной практики, а также обоснование и выработка предложений по совершенствованию уголовного, административного законодательства.

В рамках настоящей статьи хотелось бы уделить внимание лишь отдельным условиям, влияющим на уровень умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества. Одним из таких условий являются упущения в административной практике органов внутренних дел. Речь идет о случаях, когда выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, но при этом не рассматривается вопрос о наличии в совершенном деянии признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба» и о привлечении виновного к административной ответственности. Это, на наш взгляд, способствовало бы профилактике данных преступлений.

Например, в отношении гражданина К. проводилась доследственная проверка по факту повреждения им автомобиля скорой медицинской помощи (разбил лобовое стекло) и причинения ущерба на сумму 2 720 рублей. Было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в его действиях признаков состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, в связи с тем, что потерпевшим являлось юридическое лицо, для которого такая сумма ущерба не является значительной. При этом к административной ответственности по ст. 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба» гражданин К. привлечен не был².

Другой пример, гражданин Г. повредил входную дверь квартиры гражданина Ч. на сумму 2 500 рублей, однако проведенной доследственной проверкой было установлено, что такой ущерб для потерпевшего значительным не является, в связи с чем было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Гражданин Г. к административной ответственности по ст. 7.17 КоАП РФ привлечен не был³.

---

¹ Набиев Ф. Ф. Уголовно-правовые и криминологические аспекты умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2017. С. 4–15.

² Набиев Ф. Ф. Указ. соч. С. 117–134.

³ Там же.

Кроме того, еще одним из условий, влияющих на уровень умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества в отдельных районах Республики Башкортостан, являются случаи, когда по факту повреждения автотранспорта, застрахованного от подобных деяний, а также уничтожения или угона (полис страхования Каско – возмещение страховой компанией материального ущерба, причиненного владельцу автотранспорта), выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ.

Например, по факту повреждения автомобиля Форд Фокус, принадлежащего гражданину Ф., на сумму 8 920 рублей, было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием признаков состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ.

Такое решение было мотивировано тем, что ущерб возмещается в полном объеме страховой компанией по полису Каско и причинен противоправными действиями третьих лиц не гражданину Ф., а страховой компании¹.

Как правило, при рассмотрении таких материалов из поля зрения правоприменителя выпадает и остается без должной оценки сам факт административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ. Это, в свою очередь, влечет рост искусственной латентности и безнаказанности виновных лиц.

Проведенный нами анализ материалов доследственной проверки по фактам умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества на территории Республики Башкортостан, по результатам которых были вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, за 2014–2018 гг. показал, что виновные лица к административной ответственности по ст. 7.17 КоАП РФ привлекались крайне редко, это следует из данных, приведенных в таблице ниже.

Таблица

Количество вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 167 УК РФ и протоколов об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.17 КоАП РФ

год	2014	2015	2016	2017	2018
Количество постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	7053	6363	11279	24852	24051
Количество протоколов об административном правонарушении	549	582	669	797	830

¹ Набиев Ф.Ф. Указ. соч. С. 207–220

Доля протоколов об административном правонарушении из числа вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	7,8 %	9 %	6 %	3 %	3,4 %
--	-------	-----	-----	-----	-------

Приведенные в таблице данные позволяют констатировать, что из всех фактов по Республике Башкортостан за 2014–2018 гг., по которым выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, только в 9 % случаев виновные лица были привлечены к административной ответственности по ст. 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества». Это свидетельствует о недостаточной профилактической работе в данном направлении.

Кроме того, условиями, способствующими реальному проявлению антиобщественной установки и формированию мотива преступника, являются недостатки в организационно-управленческой деятельности органов исполнительной власти на местах, которые выражаются в халатном отношении к вопросам благоустройства улиц, площадей, мест парковок автотранспорта, детских игровых площадок, зон отдыха. Из материалов изученных нами уголовных дел видно, что достаточно распространенными являются случаи умышленных повреждений автотранспорта, припаркованного непосредственно на территории детских игровых площадок, у входа в подъезд дома, тротуарах, зонах отдыха и т. д. «Брошенный» таким образом автотранспорт затрудняет проход пешеходов, перекрывает подъездные пути для автомобилей экстренных служб и является раздражающим фактором.

Рассмотренные выше условия и причины, безусловно, способствуют реальному проявлению антиобщественной установки и формированию мотива преступления. Однако основную роль выполняют факторы неблагоприятного нравственного формирования личности, которые приводят к возникновению в его сознании негативных потребностей, создающих психологическую основу антиобщественной установки. Существующей сегодня криминологической картине присущи чувство вседозволенности и безнаказанности у лиц, совершивших преступление.

Считаем, что при решении задач по предупреждению как умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, так и в целом преступности необходимо использовать потенциал общественных формирований правоохранительной направленности – народных и казачьих дружин. Как было отмечено В. А. Колокольцевым, «с их участием раскрыто около 16 тысяч преступлений, выявлено 393 тысячи административных правонарушений, задержано 302 тысячи нарушителей закона, из них 11 тысяч – за преступления. Вместе с тем остаётся открытым вопрос фи-

нансирования деятельности народных дружин из региональных бюджетов, возможность которого предусмотрена федеральным законодательством. Средства на эти цели предусмотрены в бюджетах только двадцати семи субъектов Российской Федерации»¹.

В этом направлении ведется работа и в Республике Башкортостан. Разработана и реализуется программа «Развитие системы общественной безопасности на территории городского округа г. Уфа Республики Башкортостан (в период с 2014 по 2020)». Народной дружиной было инициировано проведение 2800 мероприятий, в том числе 92 «праздников двора», свыше 200 благотворительных, 180 спортивных и более 1000 просветительских. В образовательных учреждениях перед учащимися и родителями проведено свыше 11 тысяч лекций и бесед на правовые темы, проводится профилактическая работа с неблагополучными семьями. Кроме того, 22 января 2013 года создано Муниципальное казенное учреждение «Центр общественной безопасности» городского округа город Уфа Республики Башкортостан, предназначенное для оказания услуг в сфере профилактики правонарушений, наркомании, терроризма и экстремизма, предупреждения правонарушений несовершеннолетних, проведения мониторинга правил благоустройства и санитарного состояния территории г. Уфы, а также поддержания общественного порядка. Реализацию указанных задач Центр общественной безопасности осуществляет путем проведения собраний по месту жительства, приёма обращений граждан, проведения индивидуальных профилактических бесед, оказания консультативной и иной помощи лицам, злоупотребляющим спиртными напитками, ведущим антиобщественный образ жизни, нарушающим правила общежития.

Одним из важных направлений деятельности Центра является контроль за нарушениями в сфере благоустройства и санитарного состояния. За нарушения в сфере благоустройства и санитарного состояния территории города работниками Центра составлено свыше 8,5 тыс. административных протоколов. Кроме того, работниками Центра, включенными в состав административных комиссий, составлено 14,5 тыс. протоколов об административных правонарушениях с наложением штрафов на сумму более 16 млн рублей, из которых взыскано порядка 10 млн рублей². Однако такой Центр общественной безопасности создан и функционирует только в г. Уфе.

Считаем, что создание подобных центров в других населенных пунктах, в том числе и в сельской местности, усилило бы профилактику и пре-

---

¹ Выступление В. А. Колокольцева на Расширенном заседании коллегии МВД России // [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51515> (дата обращения 20.09.2019).

² Центр Общественной безопасности // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cob-ufa.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

дупреждение не только умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, но и других преступлений. Представляется, что было бы целесообразным возложение на такой Центр общественной безопасности функций по выявлению и нейтрализации лиц с психофизиологическими аномалиями, склонных к насилию, в том числе и в форме уничтожения или повреждения чужого имущества (например, пироманы, алкоголики и др.).

© Набиев Ф. Ф.

УДК 343.135:343.155(470)

Е. В. Ежова – доцент кафедры уголовного процесса Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)

Вопросы оснований и порядка отмены решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) всегда были актуальными в уголовном процессе, поскольку одновременно затрагивают интересы многих участников процесса. Поэтому в приказе Генерального прокурора от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» обращается внимание на то, чтобы «при рассмотрении вопросов, связанных с отменой решений о прекращении уголовных дел, исходить из необходимости обеспечения и защиты как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Не допускать немотивированное возобновление производства по прекращенному уголовному делу, используя имеющиеся полномочия только в случае необходимости установления обстоятельств, без оценки которых невозможно обеспечить принятие законного процессуального решения, а также реабилитацию лица» (п. 1.13)¹.

Законность и обоснованность принятого решения об отмене постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) проверяются при осуществлении прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Пытаясь найти оптимальный баланс между необходимостью учиты-

---

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

вать интересы потерпевших и защищать лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на недопустимость сохранения для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянной угрозы уголовного преследования, а значит, и ограничения его прав и свобод. Это предполагает и недопустимость многократного возобновления по одному и тому же основанию (в частности, по причине неполноты проведенного расследования) прекращенного уголовного дела (определения от 27 декабря 2002 г. № 300-О, от 22 октября 2003 г. № 385-О, от 25 марта 2004 г. № 157-О, от 5 июля 2005 г. № 328-О и от 16 мая 2007 г. № 374-О-О).

Следующим шагом в урегулировании процедуры возобновления производства по уголовному делу после отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) стало вынесение Конституционным Судом РФ постановления от 14 ноября 2017 г. № 28-П, в котором было указано, что «отсутствие в уголовно-процессуальном законе срока для отмены постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, вынесенного на досудебной стадии уголовного судопроизводства, умаляет гарантии защиты от необоснованного возобновления прекращенного уголовного преследования, создает для лица постоянную угрозу привлечения к уголовной ответственности ...». Поэтому «Конституционный Суд Российской Федерации, учитывая пресекательный годичный срок для поворота к худшему при пересмотре вступившего в законную силу приговора, считает необходимым установить следующее: впредь до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений, вытекающих из настоящего Постановления, отмена или изменение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения; по прошествии года постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования может быть отменено только судом по заявлению прокурора по правилам ст. 165 УПК Российской Федерации или потерпевшего – по правилам ст. 125 данного Кодекса с обязательным предоставлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании»¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ предложил законодателю направление решения проблемы, связанной с установлением срока отмены постановлений о прекращении уголовного дела. В УПК РФ были внесены соответствующие изменения (ст.ст. 214, 214.1).

---

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Российская газета. 2017. 24 ноября.

Анализ практики показывает, что прокурор нередко пользуется правом подачи ходатайства перед судом об отмене постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по истечении одного года с момента его вынесения.

Между тем остаются нерешенными несколько процедурных вопросов, на которые обращают внимание ученые-процессуалисты:

– о возможности ограничения прокурора в праве принимать неоднократные решения о возобновлении производства по прекращенному уголовному делу. Д. В. Татьяна и А. В. Мордвинов предлагают предоставить такое право прокурору только один раз; в последующем, независимо от времени, которое прошло после принятия постановления о прекращении уголовного дела, такое решение может принять только суд)¹;

– о предоставлении прокурору права одновременно с отменой постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) принимать решение о возобновлении производства по уголовному делу²;

– о порядке прекращения уголовного дела (уголовного преследования) следователем (дознавателем), возобновленного по решению суда при отмене постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). А. С. Косянчук и Р. В. Ильясов полагают, что следователь обязан исполнить решение суда, а в случае несогласия – обжаловать его в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, «а не просто вынести постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования»³. Целесообразным также авторы считают указать в УПК РФ на то, что «в судебном порядке должен рассматриваться вопрос и об отмене всех последующих постановлений следователя о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, если вопрос о возобновлении уголовного преследования решался в судебном порядке»⁴. А. С. Косянчук и Р. В. Ильясов абсолютно справедливо поднимают вопрос об эффективности исполнения вынесенного судебного решения в случае несогласия с ним органа предварительного расследования. Кардинально эту проблему можно было бы разрешить путем введения в УПК РФ института следственных судей. Положение о том, что прекращать производство по уголовному делу может только суд было закреплено в Уставе уголовного судопроизводства: «Прокурор окружного суда не может собственной своей властью ... ни прекратить или приостановить следствие по неоснователь-

---

¹ Татьяна Д. В., Мордвинов А. В. Отмена постановления о прекращении уголовного дела в свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т.27. Выпуск 6. С. 136.

² Там же.

³ Косянчук А. С., Ильясов Р. В. К вопросу о возобновлении уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положение лица, имеющего право на реабилитацию // Пролог: журнал о праве. 2017. №4. С. 24–25.

⁴ Там же.

ности обвинения или другим законным причинам, ни разделить предметы исследования, имеющие между собой связь (ст.ст. 515 и 516), но заключение свое о том или предлагает окружному суду, или представляет на усмотрение судебной палаты через ее прокурора (ст. 518 УУС). Но на данном этапе предложение А. С. Косянчук и Р. В. Ильясова представляется рациональным.

© Ежова Е. В.

УДК 343.43(574)

Г. Б. Онгарова – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, магистр права (Республика Казахстан, г. Караганда)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность, создание безопасных условий жизнедеятельности личности является важной задачей правоохранительных органов. В ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. провозглашено право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность. В ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., сказано, что «каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность» [1]. Это право закреплено и в статьях 12, 16, 17 Конституции Республики Казахстан (далее – РК). В соответствии с международно-правовыми обязательствами и конституционными нормами уголовное законодательство Казахстана с 1987 г. [2] предусматривает ответственность за похищение человека, а криминологическая наука разрабатывает пути и способы предупреждения похищения человека как социального явления.

Похищение человека в качестве преступного деяния закреплено в ст. 125 Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 г. (далее – УК РК). Согласно данным Комитета правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, уголовная статистика в стране за период с 2015 г. по 2019 г. выглядит следующим образом:

Отчётный период	2015	2016	2017	2018	2019 (9 мес.)
Всего преступлений	386718	392216	348255	322207	220383
Преступления против личности – гл. 1 УК РК	15376	14369	11721	11285	9429
Похищение человека (ст. 125 УК РК от 03.07.2014)	79	96	89	57	61

Современная криминальная ситуация в Казахстане характеризуется ростом числа зарегистрированных случаев похищения человека, особенно в период с 2015 по 2017 гг. и незначительным их ростом в 2016 г.

Похищение человека является опасным и распространенным деянием среди преступных посягательств на свободу, честь и достоинство личности (гл. 1 УК РК). Непосредственным объектом похищения человека признается его физическая свобода, то есть общественные отношения, обеспечивающие возможность человека свободно перемещаться и определять место своего нахождения, а также возможность по своему усмотрению совершать активные телодвижения (возможность фактически реализовать присущие ему от природы физические блага) [3, с. 194].

Личная (физическая) свобода выступает основным непосредственным объектом целой группы преступлений против личной свободы (ст.ст. 125–129 УК РК).

Представляется, что с понятием посягательства на свободу человека невозможно разобраться, не рассмотрев определения самого слова «свобода», в данном случае применительно к личности. Так, в словаре В. Даля приводится следующее определение «свободы» – это «своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле» [4, с. 251]. Это понятие, хотя и лишенное юридического контекста, во многом отражает его существо и в юридическом смысле.

Свобода человека подразделяется на виды в зависимости от степени ее реализации в различных сферах общественной и личной жизни. Так, физическая свобода человека выражается в способности человека действовать в соответствии со своим волеизъявлением, при условии отсутствия определенных физических (материальных) факторов, ограничивающих его действие. В качестве примера можно привести свободу выбора места проживания, свободу передвижения, свободу в выборе профессии и т. д.

В ст. 125 УК РК указана так называемая простая диспозиция, в которой не содержится объективных признаков похищения человека. Такое положение дает возможность более широкого субъективного толкования для судебно-следственных органов и открывает дорогу, если можно так сказать, произволу. Безусловно, необходимость нормативного определения любого противоправного деяния очевидна и не требует особой аргументации.

Похищение человека, как известно, состоит в открытом или тайном завладении живым лицом, которое помимо своей воли перемещается из места его постоянного или временного пребывания в иное по усмотрению похитителя место, где оно с определенной целью насильственно удерживается.

В связи с этим, считаем обоснованным изложить различные точки зрения на понятие «похищение человека». Так, например, Т. Д. Кукузов считает, что похищение человека «выражается в противоправном захвате потерпевшего, его перемещении и последующем удержании помимо его воли в том или ином месте» [5, с. 20–21]. Аналогичное определение, включающее в себя захват и перемещение потерпевшего, предлагают Н. Э. Мартыненко [6, с. 20] и Л. Л. Кругликов [7, с. 97].

Авторы комментария к УК РК 2014 г. дают следующее определение: «под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, направленные на тайное или открытое либо с помощью обмана его завладение, а также перемещение потерпевшего с места его нахождения и удержание помимо его воли в другом месте» [8, с. 73]. Как следует из этого определения, речь идет о трех действиях: первое – тайное или открытое либо с помощью обмана *завладение*; второе – *перемещение* с места его нахождения; третье – *удержание* помимо его воли в другом месте.

Термин «завладение» в этом определении представляется удачным, так как он имеет прямое отношение к понятию «хищение», от которого в языковом смысле термин «похищение» является производным.

Перемещение осуществляется, как правило, с помощью транспортных средств. Однако, на наш взгляд, возможны и другие способы перемещения. Важно, чтобы оно было осуществлено из места постоянного или временного пребывания потерпевшего в иное место. Представляется, что нельзя считать перемещением какие-либо действия виновных в пределах одного помещения (квартиры, дома), так как в этом случае не меняется обычная среда лица, в отношении которого совершаются противоправные действия.

Под «удержанием» в словаре русского языка понимается следующее: «не отпустить, не отдать часть чего-нибудь при выплате» [9, с. 717]. Следовательно, ограничение свободы потерпевшего возникает уже в момент завладения им, и в этом смысле имеет место временное совпадение завладения и удержания.

Нам представляется, что указание на способ совершения в похищении человека, равно как на триединство указанных выше действий: завладение потерпевшим, перемещение его в пространстве и последующее удержание, является крайне важным. Каждое из трех составляющих данное деяние действий предполагает активное поведение похитителя, что отчасти облегчает доказывание его вины.

В особенностях «похищаемого» существует разница в хищении имущества и в похищении человека. Как известно, казахстанский законодатель в ст. 125 УК РК использует термин «похищение», а не «хищение», что вполне обоснованно, так как понятие «хищение» предполагает различные формы, в том числе присвоение и растрату, что абсолютно неприемлемо по отношению к живому человеку.

В преступлении, предусмотренном ст. 125 УК РК, им является человек. Следовательно, оценка способа похищения должна зависеть не от того, осознаются ли эти действия посторонними лицами, а от того, осознаются ли они *самим потерпевшим*. Поэтому похищение человека в подавляющем большинстве случаев должно признаваться открытым независимо от присутствия посторонних лиц. Их присутствие и осознание ими противоправного характера происходящего влияют на способ похищения тогда, когда сам потерпевший в силу разных причин (малолетство, бессознательное состояние и т. д.) факт похищения не осознает.

Конечно, в отличие от способа хищения имущества установление способа похищения человека на его квалификацию не влияет, однако оно влияет на степень общественной опасности совершенного деяния.

Нередко в юридической литературе встречается понимание похищения человека только лишь как «противоправное перемещение потерпевшего против его воли». В этом смысле более полно высказался И. Я. Козаченко: «Похищение человека по своей сути представляет собой любые действия, сопряженные с перемещением потерпевшего из одного постоянного или временного места нахождения в другое вопреки или помимо его воли» [10, с. 71].

В последней приведенной точке зрения речь идет лишь о действиях, которые виновные лица совершают после того, как они получили в свое распоряжение незаконно изъятого ими человека. Представляется, что данное понятие не полное по своему содержанию, так как из него не совсем понятно, что предшествовало перемещению потерпевшего.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что потерпевшим при совершении похищения человека может быть любое лицо, независимо от пола, возраста, гражданства, социального положения, знакомое или незнакомое виновному [11, с. 80].

Вместе с тем ряд авторов делают оговорку, указывая, что не может быть потерпевшим собственный ребенок [12, с. 55; 27]. Некоторые авторы эту оговорку расширяют. Так, например, Г. В. Габибова из круга потерпевших исключает всех *близких родственников*, а А. В. Клименко отмечает: «Не может быть потерпевшим при совершении похищения человека родственник (например, ребенок), если у лица есть законное право завладеть им» [13, с. 57]. Следовательно, по его мнению, не могут признаваться потерпевшими и другие родственники, если у них есть право законно «владеть» потерпевшим.

Право владеть – это разновидность вещных прав, объектом которых может быть имущество, но не человек. Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г., регулирующий имущественные и неимущественные отношения между членами семьи, закрепляет право владения исключительно имуществом (ст.ст. 32, 36, 66). В отношении ребенка у родителей есть другие права: воспитывать, общаться с ним, участвовать в его воспитании и др. Такое право, как право владения родственником, этому Кодексу неизвестно.

Не будет состава похищения человека, как отмечает А. С. Горелик, если захват и перемещение совершаются хотя и без согласия человека, но в его интересах (например, чтобы спасти от готовящегося покушения на его жизнь, пожара, стихийного бедствия и т. п.) [14, с. 291]. Отсюда следует, что не является похищением человека завладение и удержание ребенка, помимо воли родителей, его близкими родственниками (например, дедом или бабушкой), если эти действия совершаются в интересах ребенка, в том числе ложно им понимаемые.

Однако мы полагаем, что противоправный захват даже собственного ребенка, очевидно, представляет общественную опасность, если совершается с целью его эксплуатации или с другими подобными целями. Поэтому исключение собственных детей из числа потерпевших в случаях их эксплуатации при похищении представляется необоснованным.

При анализе состава похищения человека существенное значение имеет определение момента окончания преступления. Похищение человека считается оконченным с момента захвата и в то же время может сопровождаться перемещением потерпевшего (причем, как свидетельствует практика, иногда неоднократно) и его удержанием на неопределенное и зачастую достаточно длительное время [11, с. 80]. Согласие самого человека на изоляцию в определенном месте исключает состав преступления, предусмотренного ст. 125 УК РК.

Следует отметить, что в уголовном законе, а именно в примечании к ст. 125 УК РК, не указан срок удержания похищенного лица и влияние этого срока на возможность освобождения от уголовной ответственности. По мнению А. И. Клименко, «срок или период времени – это оценочная категория и зависит от конкретной ситуации. Кратковременность насильственного ограничения потерпевшего в свободе передвижения может свидетельствовать о малозначительности и отсутствии общественной опасности деяния» [13, с. 57]. Приведенная правовая конструкция позволяет удерживать человека в качестве похищенного на протяжении неопределенного периода (например, нескольких часов, дней, месяцев и т. д.).

Лицо, добровольно освободившее похищенного (похищенную), освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состава иного преступления, т. е. осуществляется соблюдение двух изложенных в примечании к ст. 125 УК РК условий. Действие данно-

го примечания не распространяется на случаи, когда виновный отпускает похищенного после выполнения условий, которые были предъявлены потерпевшему или его близким.

Субъектом похищения человека может быть физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14 лет. Необходимым признаком субъекта похищения человека наряду с достижением определенного возраста является вменяемость, т. е. способность лица сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а также способность руководить ими. Эти признаки являются юридической предпосылкой вины и уголовной ответственности.

Субъективная сторона похищения человека характеризуется виной только в виде прямого умысла. Виновный осознает, что незаконно захватывает другого человека (незаконно лишает его свободы) и вопреки его воле перемещает и удерживает в ином месте и желает этого. Сознание общественно опасного характера совершаемого деяния означает понимание его фактического содержания и общественного значения. Оно включает представление виновного об ограничении свободы потерпевшего, т. е. об объекте преступления, о содержании своих противоправных действий, посредством которых осуществляется похищение человека, а также о тех фактических обстоятельствах (время, место, способ, обстановка), которые облегчают или усложняют совершение преступления.

В настоящей статье мы предприняли попытку анализа и обобщения определения «похищение человека», на основании чего мы пришли к следующему выводу. Большинство приведенных нами определений преступления, закрепленного в ст. 125 УК РК, содержат указание на последовательно совершаемые действия, а именно: завладение и изъятие (ограничение свободы), перемещение (удаление потерпевшего с места его постоянного пребывания) и удержание помимо воли похищенного человека в ином месте. Представляется, что недостатком уголовного законодательства Республики Казахстан является отсутствие легального определения «похищение человека». На наш взгляд, было бы целесообразно закрепить определение «похищение человека» на законодательном уровне, с целью единообразного его толкования в правоприменительной практике, что способствовало бы не только уменьшению ошибок в квалификации деяния по ст. 125 УК РК, но и оптимизации всего процесса расследования преступлений данной категории.

Внесение изменений и дополнений в положение ст. 125 УК РК в виде регламентации юридической дефиниции понятия «похищение человека» позволит определить состав данного преступления. В этой связи предлагаем изложить диспозицию ч. 1 ст. 125 УК РК в следующей редакции: *«Похищение человека – это противоправное завладение, перемещение в пространстве и удержание лица помимо его воли в неизвестном для род-*

ственников, знакомых и правоохранительных органов месте, совершенное тайно, открыто либо путем обмана».

Анализируемая нами статья изложена в рамках проекта на тему: «Пресечение и расследование незаконного предпринимательства в сфере торговли людьми» и в этой связи представляется необходимым также рассмотреть признак преступления, закрепленный в п. 2 ч. 3 ст. 125 УК РК, предусматривающий ответственность за деяние, совершенное с целью эксплуатации похищенного (похищенной).

Для квалификации преступления по ч. 2 или ч. 3 ст. 125 УК РК должны быть установлены, помимо факта похищения человека, соответствующие отягчающие обстоятельства. Впервые в п. «б» ч. 3 ст. 125 УК РК от 16 июля 1997 г. было закреплено похищение человека, совершенное с целью сексуальной или иной эксплуатации похищенного (похищенной).

Под похищением с целью эксплуатации (п. 2 ч. 3 ст. 125 УК РК) понимают действия виновного с намерением извлечь какую-либо выгоду в результате выполнения потерпевшим различного рода работ.

Под эксплуатацией человека понимается использование виновным принудительного труда, то есть любой работы или службы, требуемой от лица, путем применения насилия или угрозы его применения, для выполнения которой это лицо не предложило добровольно своих услуг, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан; использование виновным занятия проституцией другим лицом или иных оказываемых им услуг в целях присвоения полученных доходов, а равно принуждение лица к оказанию услуг сексуального характера без преследования виновным этой цели; принуждение лица к занятию попрошайничеством, то есть к совершению антиобщественного деяния, связанного с выпрашиванием у других лиц денег и (или) иного имущества; иные действия, связанные с осуществлением виновным полномочий собственника в отношении лица, которое по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ и (или) услуг для виновного и (или) другого лица [8, с. 74].

Комплексный юридический анализ такого преступного деяния, как похищение человека, позволяет провести сравнение признака преступления, закрепленного п. 2 ч. 3 ст. 125 УК РК, предусматривающего ответственность за деяние, совершенное с целью эксплуатации похищенного (похищенной), с уголовным законодательством Российской Федерации.

Так, например, в перечень особо отягчающих признаков, предусмотренных ст. 126 УК РФ «Похищение человека», входят следующие: а) совершены организованной группой; б) утратил силу с 11 декабря 2003 г. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ; в) повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия (часть третья в редакции, введенной в действие с 12 февраля 1999 г. Федерального закона от 09.02.1999 № 24-ФЗ) [15].

Таким образом, сравнительный анализ особо отягчающих признаков, предусмотренных ст. 125 УК РК и ст. 126 УК РФ, показал, что в Российской Федерации до настоящего времени отсутствует ответственность за похищение человека, совершенное с целью эксплуатации похищенного (похищенной), что, на наш взгляд, является пробелом уголовного законодательства РФ.

Список использованной литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67. 5 апр.
2. Статья 116 УК КазССР от 22.07.1959 «Похищение человека» в редакции Указа от 5 марта 1987 г. (Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1987. № 11. Ст. 120).
3. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1996.
5. Кукузов Т. Д. Уголовная ответственность за похищение человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
6. Мартыненко Н. Э. Похищение человека: понятие, анализ состава и проблемы квалификации: лекция. М.: Академия управления МВД России, 1998.
7. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999.
8. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (Том 2). Алматы: Жеті Жарғы, 2015.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1986.
10. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Петрашева. М.: Приор, 1999.
11. Ушакова Е. В. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации похищения человека // Вестник МГЛУ. 2011. Выпуск 15. (621).
12. Зубкова В. И., Тяжкова К. М. Ответственность за похищение человека по уголовному законодательству России // Вести Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1996. № 2.; Донцов А. В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2003.
13. Клименко А. В. Уголовно-правовая характеристика похищения человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
14. См.: Российское уголовное право: курс лекций. Т. 3 / под ред. А. И. Коробеева. М.: Юридический центр Пресс, 2008.
15. Уголовный кодекс РФ (с изменениями на 30 декабря 2015 г.). [электрон. ресурс] - Доступно из URL: <http://docs.cntd.ru/document/ugolovnyj-kodeks-rf-uk-rf>.

© Онгарова Г. Б.

О. Г. Савчишкина – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

Т. А. Сукач – курсант 5-го курса, 512-го учебного взвода Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШИВШЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Дождь барабанит по крыше
большого семейного дома,
но никто этих капель не слышит.
Никого больше нет в этом доме,
а недавно совсем там звучали
песни и радостный смех,
в камине поленья трещали
и жилось им совсем без помех.
Жизнь такая забавная штука
Ее сложно порой понимать,
люди часто воюют друг с другом,
но зачем нужно целые семьи сжигать?
Ответь, террорист, выполнявший
приказ – уничтожить семью,
дети, бежавшие к маме упавшей,
не разбудили ли совесть твою?
Однажды придет понимание,
что семьи дороже войны,
тогда и окупится ваше страдание,
люди, погибшие без вины
Т. А. Сукач

Психологический анализ лиц, совершивших преступления террористической и экстремистской деятельности, направленные на дестабилизацию нормального функционирования государства, имеет для уголовно-исполнительной системы определяющее значение. Так, в процессе отбывания наказания происходит сосредоточение всех типов экстремистов и террористов не только для отбывания наказания, но и для их «ресоциализа-

ции», приспособления к жизни в новом обществе, после освобождения¹. Не секрет, что для достижения вышеуказанных целей уголовного наказания необходимо изучать особенности психологической характеристики личностей экстремистов и террористов.

С юридической точки зрения нецелесообразно отождествлять субъектов отличных друг от друга преступлений, но с точки зрения психологии лица, осуществляющие экстремистскую и террористическую деятельность, обладают рядом сходных черт.

Деятельность в рамках данного вида преступлений выступает в роли волевого акта поведения, т. е. субъект морально оправдывает совершение терроризма.

Так, в истории революционного движения нашего государства наиболее известными экстремистами были народники, эсеры, а на сегодняшний день таковыми являются анархистские движения на Западе и в России. Характеризуя основные особенности личности «террориста-экстремиста», обратимся к рассуждениям С. Г. Нечаева в его знаменитом произведении «Категоризис революционера»: «Революционер живет в обществе лишь для того, чтобы его вернее разрушить. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением существующего положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, – всё и все должны быть ему равно ненавистны»².

С целью анализа психологической стороны экстремистской и террористической деятельности необходимо раскрыть термин «агрессия», как неотъемлемого элемента преступного поведения. Данный термин определяется как «открытая неприязнь, вызывающая враждебность»³. Таким образом, под актом агрессии целесообразно понимать реакцию враждебности на окружающий мир, обстановку, в которой субъект испытывает состояние фрустрации. При этом не играет важную роль обусловленность фрустрации враждебными намерениями. Проявление агрессии также заключается и в том, что любое радикальное учение (фашизм, большевизм, национал-социализм и др.) создает модель врага, будь то люди другой расы или масоны, буржуазия и т. д.

Лицам, совершающим действия экстремистской или террористической направленности, присуще стремление к поиску острых ощущений. Так, обычная по общественным и государственным законам жизнь кажется им скучной и обыденной. В большинстве случаев такие люди не пользуются авторитетом в своем окружении, а точнее они не приняты обществом. По классификации типов личности таких людей целесообразно относить к

---

¹ Долгополов П. С. Экстремизм: понятие и меры по противодействию // СПС КонсультантПлюс. 2019. (дата обращения: 22.02.2019).

² Грачев А. С. Политический экстремизм. Спб., 2016. С. 134.

³ Ожегов С. И., Швецова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2017. С. 65.

шизоидному типу личности. В связи с тем, что такие люди не могут себя реализовать в какой-либо общественной сфере жизни, именно участие в экстремистских или террористических организациях позволяет им в реализации своих способностей.

Рисковые и опасные действия аутсайдером воспринимаются как шанс доказать свою значимость. Отсюда и возникновение нового «радикального» смысла жизни – освобождение Родины либо обретение торжества своей идеологии или религии. Одним из решающих факторов, способствующих активному вовлечению людей в экстремистские и террористические сообщества, является метод одобрения и принятие шизоидной личности в данной группе. При этом к участникам таких сообществ уделено внимание СМИ, общественности, всего мира в целом. Таким образом, у «изгоев» них больше нет потребности в подтверждении собственной значимости.

Участники террористических и экстремистских групп, как отмечает Ю. М. Антонян, испытывают «болезненные переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к недостаточному чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности»¹.

Таким образом, простое желание выделиться из толпы и стремление доказать свою значимость приводят к таким негативным последствиям, как «зомбирование» личности в процессе деятельности данных групп в корыстных целях. Больше всего участникам террористических и экстремистских сообществ прельстит идея об их исключительности по отношению к окружающим. Тем самым, они объясняют свои неудачи во взаимодействии с легальными социальными группами и общественными институтами. Что самое опасное, деятельность подобных преступных организаций приводит к гибели ни в чем не повинных жертв, которые и не подозревают о чьей бы то ни было исключительности.

Можно сделать вывод о том, что члены террористических и экстремистских группировок и сообществ являются порождением общественного устройства, при котором основная масса людей негативно относится к меньшинству, которое чем-то от них отличается. Все, кто как-то не похож на других или ведет себя не так как принято, автоматически попадают в группу аутсайдеров, отверженных. Необходимо проявлять гибкость и конформизм в межличностных отношениях, контролировать свои слова и поступки с целью предупреждения негативных последствий.

© Савчишкина О. Г.

---

¹ Антонян Ю. М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 143.

Л. В. Сердюк – профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа);

А. Г. Тимербулатов – старший оперуполномоченный отделения экономической безопасности и противодействия коррупции Отдела МВД России по городу Салавату (Россия, г. Салават)

ПОЛИЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

В системе социально-правового контроля над преступностью, обеспечиваемого специальными государственными структурами: органами полиции (МВД РФ), следственным комитетом, прокуратурой, ФСБ, ФСО, Министерством юстиции РФ, таможенным комитетом, налоговой службой, – органы полиции играют особую роль. По объему задач, связанных с обеспечением правопорядка, органы внутренних дел существенно превосходят всех субъектов правоохранительной деятельности. В частности, комплекс мер, проводимых ими в области предупреждения преступности, заслуживает самостоятельного исследования. Одной из основных задач органов внутренних дел является устранение и нейтрализация криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений. Это связано с тем, что предупредить правонарушение (преступление) гораздо предпочтительнее, нежели сталкиваться с его последствиями¹.

Все предупредительные меры, проводимые органами внутренних дел, служат обеспечению безопасности граждан и сохранности их имущества. Создаются условия, препятствующие совершению преступлений на обслуживаемой ими территории. При получении информации о подготавливаемом преступлении сотрудники полиции принимают меры к пресечению планируемых злоумышленниками противоправных действий. Кроме целенаправленного получения информации в целях предупреждения преступности, сотрудники полиции оперативно реагируют на заявления граждан, их представителей и представителей организаций о готовящихся или уже совершенных преступлениях.

Определение функций субъектов в системе профилактики правонарушений (преступлений) является одним из актуальных вопросов. Это связано с разрушением существовавшего в СССР комплекса мер предупреждения

¹ См.: https://bstudy.net/651036/pravo/subekty_preduprezhdeniya_prestupleniy – gads_btm.

дения преступлений и формированием новой системы профилактики в современных условиях. Особую сложность представляет предупреждение преступлений, совершаемых в сфере фальшивомонетничества, о чем свидетельствуют исследования криминологов.

«Росту фальшивок способствует то, что объемы наличных денег в мире неуклонно растут, – пишет М. Погорелов. – В РФ этот рост наиболее взрывной, и защита банкнот по визуальным, и по машиночитаемым признакам, которая совершенствуется постоянно, не гарантирует, что в наличное денежное обращение не проникнут подделки. Поэтому количество подделок возрастает опережающими темпами по сравнению с общим количеством роста банкнот»¹.

Автор говорит о сложности раскрытия исследуемых преступлений. Например, на территории Дагестана при участии большого количества сотрудников правоохранительных органов лишь через полтора года удалось найти место использования преступниками двух печатных машин, с помощью которых печатались рубли и доллары США тысячного достоинства².

Судя по наказанию за фальшивомонетничество (от 5 до 15 лет лишения свободы), данные преступления относятся к категории тяжких. Их общественная опасность заключается в том, что неконтролируемое увеличение денежной массы может ухудшить макроэкономическую ситуацию и дестабилизировать курс рубля. Рост фальшивомонетничества нарушает авторитет власти, негативно сказывается на общей криминальной обстановке и социальной напряженности в стране. Сотрудниками полиции на постоянной основе проводятся оперативно-профилактические мероприятия, направленные на выявление, предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых в сфере изготовления, хранения, перевозки в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации или ценных бумаг.

Для проведения профилактических мероприятий создаются рабочие группы по проведению оперативно-профилактических мероприятий, составляется план проведения этих мероприятий. Например, в системе служебной подготовки, утвержденной приказом МВД по РБ от 15.11.2017 № 1030, по данной проблеме проводятся занятия с личным составом: изучается Инструкция об организации работы по рассмотрению сообщений и расследованию уголовных дел о преступлениях по фактам изготовления, хранения, перевозки и сбыта поддельных денежных знаков; проводятся инструктажи кассиров, продавцов, индивидуальных предпринимателей, руководителей предприятий крупных и средних торговых сетей об алгоритме действий при обнаружении фальшивого денежного знака и о необходимости ведения журнала учета поступления денежных купюр достоинством 5 тысяч рублей с указанием серии, номера купюры, времени и даты ее получения, с вручением под роспись обновленной памятки-

---

¹ Погорелов М. Проблема фальшивомонетничества в РФ // Сайт: «Финансы-кредиты». КонсультантПлюс.

² Там же.

предписания. Подготавливаются расширенные пресс-релизы по вопросам профилактики и борьбы с фальшивомонетничеством, во взаимодействии с местными СМИ, используя имеющиеся каналы (интернет, телевидение, радио, газеты) проводится работа по информированию населения с разъяснением порядка действий при обнаружении подозрительных денежных купюр.

Прежде всего, следует отметить, что продолжается рост сбыта фальшивых денежных знаков. Из числа зарегистрированных, сбываемых рублёвых купюр, основную массу составляют 5-тысячные поддельные банкноты, выполненные на высокоточном оборудовании в Северо-Кавказском регионе, в том числе с помощью цветного струйного принтера.

Купюры, изготовленные не предприятием Гознака, как правило, состоят из двух склеенных между собой слоев бумаги, визуально отличить от подлинных их можно по следующим признакам:

- имитацией водяных знаков, выполненных надпечаткой на внутренней поверхности одного слоя бумаги путем монохромной электрофотографии;

- имитацией «ныряющей» защитной нити выполненной фольгированием по монохромному тону;

- имитированием микроперфорации, выполненной путем прокалывания острым предметом с лицевой стороны купюры;

- изображением лицевой и оборотной стороны, выполненной способом струйной печати.

Основными признаками, отличающими данный вид подделки от подлинных банкнот, являются:

- изображение водяного знака на поддельных банкнотах имеет искажение;

- при рассмотрении банкнот на просвет на имитации защитной нити отсутствуют границы полимерной основы. Текст «5000 ЦБР» воспроизведен только в прямом и перевернутом исполнении;

- цвета эмблемы Банка России при рассмотрении банкноты под прямым и острым углом не соответствуют цветам аналогичного элемента на подлинных банкнотах. При увеличении заметно, что эмблема на поддельной банкноте состоит из тонких параллельных штрихов;

- изображения, отпечатанные на лицевой и оборотной стороне, не совмещаются на просвет;

- при осмотре купюры с лицевой стороны внизу, в правом нижнем углу, если смотреть на банкноту под острым углом, поворачивая банкноту под разными углами падения света, можно увидеть две буквы РР (русский рубль), так называемый кипп-эффект, который на поддельной купюре отсутствует;

- в ультрафиолетовом излучении на подлинных банкнотах наблюдается красное свечение серийного номера, выполненного на узком купонном поле с лицевой стороны. Свечение фрагментов фонового изображения и защитной нити в УФ-лучах отсутствует;

– в ультрафиолетовом излучении красные и светло-зеленые защитные волокна люминесцируют (светятся) красным и желто-зеленым светом, на поддельных купюрах микроволокна красным светом не люминесцируют либо вообще не светятся;

– в инфракрасном излучении на экране детектора виден весь рисунок купюры (на подлинных билетах Банка России видны только отдельные фрагменты);

– микроперфорация числа «5000» в правой части подлинных банкнот образовано отверстиями малого диаметра и становится видимым при исследовании банкноты на просвет. Как правило, на поддельных банкнотах перфорация образована методом игольчатого прокалывания данного участка, в связи с чем, обратная сторона прокалывания на ощупь является шероховатой, тогда как на подлинных купюрах обе стороны указанного участка гладкие.

Профилактика рассматриваемых преступлений проводится в соответствии с указаниями соответствующего Федерального закона, предусматривающего «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»¹.

Сотрудники органов внутренних дел подразделяются на профильные отделения, каждое из которых работает в своем направлении. Фальшивомонетничество относится к категории экономических преступлений. Соответственно в большей степени профилактикой преступлений данной направленности занимаются подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции. В рамках проводимой профилактической работы ими организовывается взаимодействие с федеральной службой исполнения наказаний, федеральной службой безопасности, уголовным розыском с целью получения оперативно-значимой информации о лицах, занимающихся распространением поддельных денег.

Также организовывается учет и регистрация всех фактов обнаружения и сбыта фальшивых денежных знаков с указанием серии и номера, номинала купюры. При наличии обращений, заявлений, а также оперативной информации о лицах, занимающихся распространением, в том числе с использованием сети «Интернет», поддельных денег и ценных бумаг, принимаются меры к установлению лиц, документированию их противоправной деятельности. Проводятся оперативно-разыскные мероприятия по выявлению и пресечению деятельности организованных преступных групп, осуществляющих изготовление, хранение, перевозку в целях сбыта и сбыт поддельных денег на обслуживаемой территории. Также осуществляется

---

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 года №182-ФЗ.

работа по выявлению сайтов в сети «Интернет», на которых распространяется информация о реализации фальшивых денежных знаков.

Кроме сотрудников экономической безопасности и противодействия коррупции, профилактикой занимаются и другие подразделения. Участковые уполномоченные полиции организывают и проводят профилактические мероприятия путем распространения в торговых точках на обслуживаемой территории памяток-предписаний о способах определения фальшивых купюр, алгоритме действий граждан при обнаружении фальшивых купюр.

Дорожно-патрульная служба проводит мероприятия по проверке автотранспорта на стационарных и передвижных постах ДПС с целью выявления фактов хранения и перевозки поддельных денег и ценных бумаг.

Экспертно-криминалистические подразделения проводят исследования и экспертизы поступающих поддельных денег и ценных бумаг, обеспечивают постановку купюр на региональный учет, предоставляют сведения об общности происхождения поддельных денег по разным уголовным делам.

Следственными подразделениями по всем уголовным делам, возбужденным по ст. 186 УК РФ (фальшивомонетничество), направляются представления в организации или должностным лицам о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, с рассмотрением данных представлений не позднее 30 суток.

Предупреждение рассматриваемого вида преступности в работе полиции не исчерпывается представленными мерами. Любая сфера полицейской деятельности связана с предупреждением преступности, даже когда речь идет о реализации вспомогательных функций.

© Сердюк Л. В.

© Тимербулатов А. Г.

УДК 343.328(470)

В. Б. Поезжалов – начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время значительное число преступных деяний в уголовном законе представлено составными преступлениями. Данные преступления условно можно разделить на две группы. К первой следует отнести

те, объективная сторона основного состава которых как бы состоит из двух самостоятельных действий (бездействий), образующих в совокупности единое целое. Это, в частности, основные составы: изнасилования (ч. 1 ст. 131 УК РФ), складывающегося из полового сношения и факта применения насилия (угрозы применения насилия) или использования беспомощного состояния потерпевшей; вымогательства (ч. 1 ст. 163 УК РФ), представляющего собой требование передачи чужого имущества или права на чужое имущество, соединенное с угрозой распространения позорящих потерпевшего сведений, и ряда других преступлений.

Индивидуальность второй группы составных преступлений выражается в следующем: они содержатся в квалифицированных и особо квалифицированных составах преступлений и общность их конструкции определяется тем, что законодателем к признакам основного состава добавляется деяние, имеющее самостоятельное уголовно-правовое значение, например «... совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья». Сюда могут быть отнесены деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 166, п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ, и многие другие.

Квалификация составных преступлений, относящихся к данной группе, вызывает определенные сложности и в связи с этим правоприменитель в лице Пленума Верховного Суда Российской Федерации дает необходимые разъяснения на этот счет.

Поскольку под насилием, опасным для жизни и здоровья следует понимать «такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»¹, то признаками квалифицированного состава названных преступных деяний должны охватываться факты применения насилия, которые предусмотрены ст.ст. 111, 112 и 115 УК РФ.

Так, применительно к неправомерному завладению автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенному с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 4 ст. 166 УК РФ), Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что при угоне, совершенном с указанными квалифицирующими признаками, дополнительной квалификации действий

---

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (абз. 2 п. 21) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2019).

лица по соответствующим статьям уголовного закона о преступлениях против жизни и здоровья не требуется¹.

Особенность составного характера преступного поведения в данном случае связана с тем, что применяемое виновным насилие, опасное для жизни или здоровья, теряет свое самостоятельное значение и становится частью квалифицированного состава преступления. Законодатель таким образом создает новую юридическую конструкцию в виде сложного составного преступного деяния, на легальном уровне исключая совокупность преступлений.

Отсутствие необходимости в квалификации в данном случае деяния по совокупности справедливо подтверждается правилами квалификации по объекту, в частности, тем, что здоровью – дополнительному объекту – причиняется меньший вред, нежели основному объекту. Это подтверждается размером наказания в виде лишения свободы, предусмотренного в санкции ч. 4 ст. 166 УК РФ, максимальный предел которого достигает 12 лет, что превышает максимальные пределы наказания в виде лишения свободы в санкциях ст.ст. 111, 112 и 115 УК РФ.

Вместе с тем высшая судебная инстанция применительно к хищению наркотических средств или психотропных веществ в аналогичной ситуации дает диаметрально противоположные разъяснения. Так, в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указывается, что в тех случаях, когда хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ совершено с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и ст. 111 УК РФ².

Названный подход правоприменителя не выдерживает никакой критики, поскольку создает условия для искусственной совокупности преступлений в ситуации к этому не располагающей. Квалификация по ст. 111 УК РФ в указанной ситуации является излишней.

---

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 № 25 (абз. 2 п. 23) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2019).

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2019).

Общая позиция законодателя, создающего сложные конструкции квалифицированных (особо квалифицированных) составов преступлений, связана, как нам представляется, с желанием усилить ответственность в пределах одного правового предписания, тем более, что правила квалификации преступлений этому вполне способствуют.

Полагаем, что как с теоретической, так и с практической точки зрения целесообразно было бы привести к единообразию все законодательные конструкции подобного рода.

В качестве предложения на этот счет справедливым было бы предусмотреть в уже имеющихся статьях Особенной части УК РФ в качестве самостоятельного особо квалифицированного по отношению к признаку «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья» признака «с причинением тяжкого вреда здоровью», что указало бы, с одной стороны, на важность такого объекта, как здоровье человека, с другой – исключило бы разночтения на этот счет.

© Поезжалов В. Б.

УДК 343.59

К. В. Поляков – адъюнкт Академии
МВД Республики Беларусь (Республика
Беларусь, г. Минск)

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК ПОТЕРПЕВШЕГО В ИЗГОТОВЛЕНИИ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ПРЕДМЕТОВ

Ненасильственные преступления, непосредственным объектом которых является половая неприкосновенность и нормальное нравственное и физическое здоровье несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, определены в ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», и ст. 169 УК «Развратные действия». Общественная опасность указанных преступлений состоит в том, что раннее начало половой жизни наносит вред как физическому, так и нравственному развитию несовершеннолетнего¹. Потерпевшим может быть лицо любого пола, заведомо для виновного не достигшее возраста 16 лет. Для квалификации преступления не имеет значения степень половой зрелости, предшествующее поведение, наличие сексуальных контактов в прошлом и другие подобные обстоятельства, характеризую-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. С. 359.

щие потерпевшего. Привлечение к уголовной ответственности возможно лишь в случае осознания виновным возраста потерпевшего лица. Исходя из трактования общественной опасности таких деяний законодатель предполагает, что начало половой жизни с 16 лет приемлемо для общества, достижение этого возраста позволяет самостоятельно принимать решения, основываясь на сформированные нравственные качества лица.

Так как разграничения основного и дополнительного объекта преступления проводятся не по степени значимости объекта, а по его связи с родовым объектом преступления, то необходимо рассмотрение иных преступлений, непосредственным объектом которых является нормальное нравственное и физическое здоровье несовершеннолетних для полного понимания сути охраняемых общественных отношений. Общественные отношения в сфере нравственности несовершеннолетних не ограничиваются возрастом потерпевших (16 лет). УК также содержит нормы, объектом посягательства которых является нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних в виде дополнительного непосредственного объекта преступления и основного – общественной нравственности в сфере половых отношений. Глава 20 УК «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» содержит ст. 343 УК «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера» и ст. 343¹ УК «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних». Общественная опасность указанных деяний в частях, касающихся несовершеннолетних, заключается в порождении угрозы причинения вреда нормальному физическому и нравственному развитию несовершеннолетних, искажении понимания несовершеннолетними половых отношений, а также стимулировании его раннего полового взросления и поведения в ущерб нравственному и физическому здоровью. Законодатель сформулировал ч. 2 ст. 343 УК, где в качестве альтернативного деяния указал «а равно распространение, рекламирование, трансляция или демонстрация заведомо несовершеннолетнему порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста» и в ч. 2 ст. 343¹ УК «а равно использование заведомо несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов, печатных изданий, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера с его изображением». Указанные деяния в отличие от ст.ст. 168 и 169 УК, характеризуют потерпевшего как лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Руководствуясь ст.ст. 168 и 169 УК, ненасильственное, добровольное половое сношение, мужеложство, лесбиянство, развратные действия или иные действия сексуального характера, совершенные с лицом, достигшим 16–17-летнего воз-

раста, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 166 и 167 УК, не является преступлением, и достаточная общественная опасность для криминализации такого деяния отсутствует, но:

– согласно ч. 2 ст. 343 УК демонстрация указанных действий этому же лицу уголовно наказуемо и является квалифицируемым деянием, что повышает общественную опасность;

– согласно ч. 2 ст. 343¹ УК использование такого лица для изготовления порнографии также повышает общественную опасность.

Анализ общественной опасности преступлений разных категорий, имеющих общий объект посягательства, выявил противоречия. Отсутствие уголовной ответственности за половое сношение, развратные действия и иные действия сексуального характера с 16–17-летними лицами возможно характеризует мнение законодателя об отсутствии значимого влияния таких деяний на нормальное нравственное и физическое здоровье лиц указанной категории. Но присутствие в УК ответственности за демонстрацию и видеофиксацию таких отношений этим лицам или с их участием обладает повышенной общественной опасностью и демонстрирует понимание опасности таких деяний, как для общества, так и для несовершеннолетнего.

Нравственные ценности не даются человеку от природы, они формируются и изменяются на протяжении всей жизни. Для общества важно их содержание, т. к. человек является ее составной частью. Контроль за формированием неопасных для общества нравственных ценностей осуществляется различными средствами, в том числе и уголовно-правовым запретом, важной составляющей которого является субъект преступления. Достижение определенного возраста является порогом, после преодоления которого лицо обязано нести ответственность за свои поступки, поэтому для общества важно сформировать неопасные для него нравственные ценности до этого возраста. Регулирование общественных отношений указанной категории осуществляется также ст.ст. 167 и 168 УК. Субъектом преступления указанных норм является лицо, достигшее 18-летнего возраста. Негативные последствия начала ранней половой жизни для лица, не достигшего 16 лет, существенно не зависят от возраста партнера, но законодатель всё же установил, что лишь после достижения лица 18-летнего возраста он должен нести уголовную ответственность. При принятии такого решения учитывалась социальная незрелость лица; отсутствие четко выраженной ценностной ориентации; неспособность правильно воспринимать себя, свое поведение, нормы морали и права. Тем самым законодатель сам отвечает на вопрос о возможном пределе возраста лица, когда оно подвержено сильному влиянию в сфере нравственности. Существующее мнение о причинах установления 16-летнего возраста по причине возможного приобретения несовершеннолетним полной дееспособности также неоднозначно, т. к. приобретая права, несовершеннолетний приобретает и обязанности, тогда и ответственность должна наступать с 16 лет.

Анализ ст.ст. 168, 169, ч. 2 ст. 343, ч. 2 ст. 343¹ УК выявил отсутствие логически верной системы защиты права человека на половую свободу и неприкосновенность. Согласно ч. 2 ст. 343, ч. 2 ст. 343¹ УК до 18 лет нравственность в сфере половых отношений требует защиты уголовно-правовыми средствами. Вместе с тем ст.ст. 168, 169 УК указывают на приобретение половой свободы с 16 лет и готовность несовершеннолетнего, основываясь на сформированные нравственные ценности, принимать решения самостоятельно, при этом в течение последующих двух лет отсутствует ответственность за нарушение при определенных обстоятельствах половой неприкосновенности. Логически верная система защиты права человека на половую свободу и неприкосновенность должна заключаться в первоначальной защите нравственности несовершеннолетнего, формировании у него общественно правильных ценностей и только после этого в предоставлении права половой свободы и обязанностей не покушаться на половую неприкосновенность остальных участников общества.

© Поляков К. В.